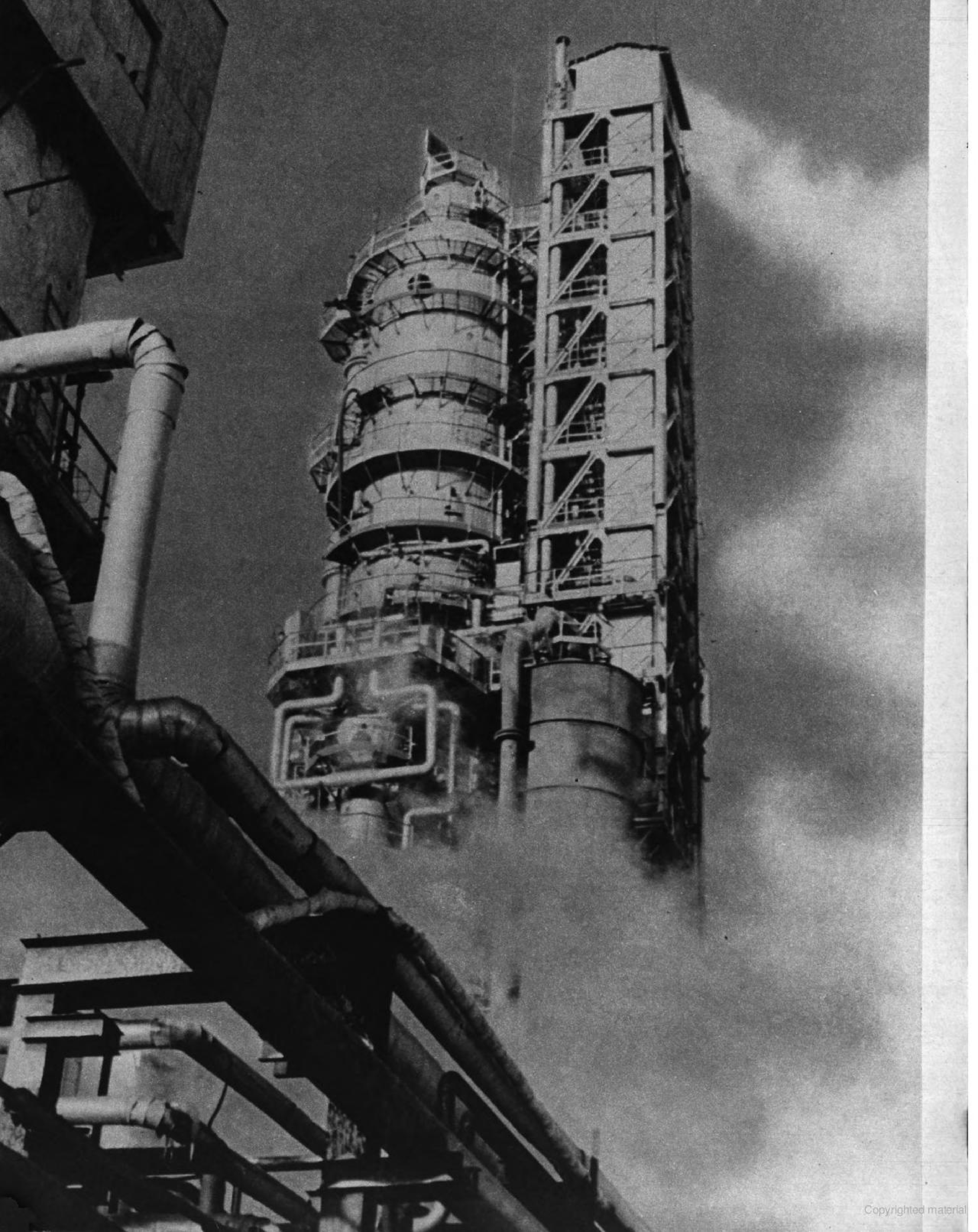

ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ПРАВД

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 9 (2018)

27 ФЕВРАЛЯ 1966

ВСЕ ВЫШЕ!

Партия советуется с народом. На его обсуждение вынесен одобренный февральским Пленумом ЦК КПСС проект Директив XXIII съезда партии по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы.

Радио, телеграф, телефон, лента телетайпа доносят со всех концов страны голоса участников большого всенародного разговора: как быстрее, разумнее, лучше, с наименьшей затратой сил и средств достичь тех высот, что лежат на нашем пути к коммунизму. Разговор идет деловой, творческий, учитывается каждое ценное предложение, критическое замечание, зреют смелые идеи, разгораются споры. Люди внимательно знакомятся с проектом Директив и говорят о них как о кровном, непосредственно их касающемся деле. И в каждом выступлении обязательно услышишь твердое слово советского человека: все, что намечено партией, сделаем!

А план намечен грандиозный. Даже людей с самым пылким воображением он поражает богатырским размахом дел.

«Новый пятилетний план призван обеспечить значительное продвижение нашего общества по пути коммунистического строительства, дальнейшее развитие материально-технической базы, укрепление экономической и оборонной мощи страны. Главную экономическую задачу пятилетки партия видит в том, чтобы на основе всемерного использования достижений науки и техники, индустриального развития всего общественного производства, повышения его эффективности и производительности труда обеспечить дальнейший значительный рост промышленности, высокие устойчивые темпы развития сельского хозяйства и благодаря этому добиться существенного подъема уровня жизни народа, более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей всех советских людей».

За пятилетие увеличатся на 38—41 процент национальный доход СССР, примерно в 1,3 раза — реальные доходы в расчете на душу населения. Примерно в полтора раза возрастет объем промышленной продукции.

Страна получит куда больше, чем прежде, продуктов земледелия и животноводства: намечается сближение темпов роста сельскохозяйственного производства и промышленного.

В проекте Директив есть один главный тезис, пронизывающий буквально каждую цифру: большая забота о человеке, о его благосостоянии, чтобы жилось ему лучше, красивее, богаче. Среди первоочередных забот пятилетки — повышение заработной платы рабочих и служащих в среднем не менее чем на 20 процентов, а денежных и натуральных доходов колхозников от общественного хозяйства в среднем на 35—40 процентов; увеличение не менее чем на 40 процентов денежных выплат и льгот, предоставляемых населению за счет общественных фондов потребления; расширение торговли, снижение государственных розничных цен на отдельные продовольственные и промышленные товары, расширение и резкое улучшение службы быта...

Красноречие цифр радует и окрыляет. Радует не только величием замыслов, но и примечательной особенностью, в которой ощущаешь знамение времени, знамение перемен, наступивших во всей жизни страны после октябрьского (1964 год) и последовавших за ним Пленумов ЦК КПСС. В проекте Директив ярко выражены ленинские принципы социалистического хозяйствования, он базируется на объективной оценке производительных ресурсов и резервов, базируется на научно обоснованных потребностях социалистического общества. При самом беглом знакомстве с проектом Директив ощущаешь их деловитость, реалистический подход к назревшим проблемам нашей экономики, стремление к совершенствованию структуры общественного производства, к преодолению диспропорций, отрицательно сказавшихся на экономическом развитии страны.

Проект Директив по пятилетнему плану оживленно комментирует мировая общественность. «Директивы, которые изменяют мир», — пишет «Нойес Дойчланд». «Чудо нашего времени», — характеризует советский прогресс болгарская газета «Отечествен фронт». Наши друзья с удовлетворением отмечают, что в проекте Директив придается большое значение экономическому сотрудничеству между СССР и другими социалистическими государствами.

Новая пятилетка взяла старт. Она еще молода, ей нет и двух месяцев, но она уже набирает силы. Мы напутствуем ее в путь-дорогу самыми добрыми пожеланиями, ибо ее дорога — это дорога нашего бытия, наших надежд, счастья и благоденствия. И пусть каждый из нас осознает меру своей огромной личной ответственности на этом пути к коммунизму.

ВОТ ОНИ, РУБЕЖИ ПЯТИЛЕТКИ:

НА 47—50 ПРОЦЕНТОВ увеличить объем промышленного производства.

НА 33—35 ПРОЦЕНТОВ повысить производительность труда в промышленности.

64—66 МИЛЛИОНОВ КИЛОВАТТ новых мощностей должно быть введено в действие для обеспечения опережающего роста электроэнергетики.

В 2 РАЗА — примерно — увеличить государственные капитальные вложения в сельское хозяйство.

НА 25 ПРОЦЕНТОВ увеличить среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции по сравнению со среднегодовым объемом производства этой продукции в предыдущем пятилетии.

НА 30 ПРОЦЕНТОВ поднять среднегодовое производство зерна в целом по стране по сравнению с предшествующим пятилетием.

1 790 ТЫСЯЧ ТРАКТОРОВ, 1 100 тысяч грузовых автомобилей, 550 тысяч зерноуборочных комбайнов должно получить сельское хозяйство страны.

310 МИЛЛИАРДОВ РУБЛЕЙ — примерно таков общий объем капитальных вложений в народное хозяйство СССР.

В 1,4 РАЗА — не менее — увеличить продажу товаров народного потребления через государственную и кооперативную торговую сеть.

В 1,3 РАЗА расширить объем жилищного строительства.

В 1,4 РАЗА увеличить продажу населению тканей, одежды и трикотажных изделий.

Омский завод синтетического каучука. Реактор краснознаменного цеха «Д-2».
Фото Д. УХТОМСКОГО.

Смотрите на стр. 6 интервью с директором завода А. Свердловым: «Одна цифра».

ГАРОЛЬД ВИЛЬСОН — ГОСТЬ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

21 февраля в Москву с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Великобритании Гарольд Вильсон. В аэропорту Шереметьево высокого гостя встречали Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и другие.

22 февраля Премьер-Министр Великобритании Гарольд Вильсон нанес в Кремле визит Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

На снимке: Во время визита.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Фото ТАСС, ЮПИ, журналов «Тайм» и «Ньюсуик».

Недавно на Кубе находилась советская правительственная торговая делегация во главе с министром внешней торговли СССР Н. С. Патоличевым. В результате советско-кубинских переговоров был подписан протокол о товарообороте на 1966 год. Торговля между Республикой Куба и Советским Союзом значительно возрастает. В экономических отношениях между нашими странами твердо лежит принцип братского сотрудничества и взаимопомощи. На снимке: Н. С. Патоличев и сопровождающие его лица знакомятся со строительством рыбной гавани в Гаване. Она сооружается с технической помощью со стороны СССР.

В Аддис-Абебе открылась болгарская торговая выставка. Эту выставку посетил император Эфиопии Хайле Селассие.

На совещании в Белом доме, созванном американским президентом, где обсуждался вопрос о возобновлении воздушных пиратских рейдов на Демократическую Республику Вьетнам и дальнейшей эскалации грязной войны в Юго-Восточной Азии, особую активность проявил сенатор Эверетт Дирксен. Опытный крючкотвор и демагог, лидер республиканского меньшинства в сенате трижды брал слово, призывая бомбить, жечь, убивать. Среди американских лидеров есть немало единомышленников Дирксена. Бомбежки были возобновлены. Но попрежнему у американских империалистов нет проблеска надежды на победу в этой войне. Растут их потери, новые демонстрации протеста проходят в самих США. И Дирксену приходится чесать в затылке...

Бонн незримо присутствует на переговорах по разоружению в Женеве, пишет западногерманская печать. Он незримо стоит за креслом американского представителя.

Рисунок М. Абрамова.

ОНИ ГОВОРЯТ: «НЕТ!»

Раймон — это имя известно сейчас всей Испании. На его концерты во Дворце спорта Барселоны невозможно попасть. Заполнившие зал пять тысяч юношей и девушек восторженно приветствуют появление на сцене своего кумира. Что же привлекает к нему молодежь? Зажигательный ритм новых модных танцев? Может быть, это испанский Пресли или Холлидэй? Нет, это певец совсем другого рода. Он поет песни, которые сам написал, аккомпанирует на гитаре. В перерыве между песнями зал начинает скандировать: «Мы говорим — нет!» Певец пожимает плечами и делает рукой выразительный жест, как бы перерезая струны своей гитары. Зал взрывается криком: «Цензура — нет, Раймон — да!» Группа молодежи запевает запрещенную песню:

Нет — голоду,
Дням без хлеба,
Нет — тюрьмам,
Куда отправляют рабочих.

Эта песня особенно близка Раймону. Когда он родился в 1940 году, его отец—рабочий—был в тюрьме. Отца выпускали, но потом снова отправляли в застенки. Раймон написал эту песню студентом Барселонского университета, того самого университета, который власти неоднократно закрывали за антифранкистские выступления студентов.

1962 год. По всей стране прокатились отзвуки демонстраций, устроенных студентами Барселоны в поддержку бастующих рабочих Астурии. Это напугало фалангистов. Испанские власти попытались отвлечь студенческое движение с опасного для них курса. Они организуют официальный студенческий профсоюз. В выборах руководства этого профсоюза должны были по закону участвовать не менее 75% студентов, иначе выборы считались недействительными. Все студенты приняли участие в голосовании. Но в урнах нашли лишь пустые бюллетени и бюллетени с именами Мэрилин Монро и Бриджит Бардо. Осенью 1965 года студенты создают свой профсоюз и выбирают в руководящий комитет тех, кого они сами хотят избрать. Полиция арестовывает всех членов комитета. В ответ на это студенты организуют демонстрацию, требуя освободить арестованных. Конная и моторизованная полиция разгоняет студенческую демонстрацию. Тогда барселонские студенты объявляют всеобщую забастовку. Их гимном является песня Раймона:

Нет,
Я говорю: «Нет!»
Мы говорим: «Нет!»
Мы из другого мира.

Студенты говорят «Нет!» Франко. А ведь только один из ста студентов — выходец из рабочего класса!

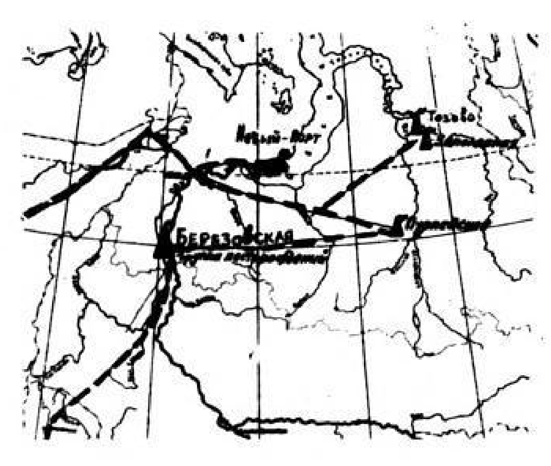
Вся Испания говорит сегодня «Нет!» Франко, «Нет!» фашизму.

А. ИГНАТОВ

БОЛЬШОЙ ГАЗ СЕВЕРА

«УСКОРЕННО РАЗВИВАТЬ НЕФТЕДОБЫВАЮЩУЮ И ГАЗОВУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ».

(Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы.)

Публикуемые снимки сделаны специальным фотокорреспондентом «Огонька» Л. Шерстенниковым в краю неоглядных просторов — на севере Тюменской области, что легла на карту нашей Родины от Карского моря до степей Казахстана. Это фотодокументы героического труда людей, осваивающих богатейшие месторождения газа на Крайнем Севере страны, в тех самых местах, о которых в проекте Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы сказано: «Считать важнейшей задачей создание новых нефте- и газодобывающих центров в Западной Сибири...» Мы показали снимки министру газовой промышленности СССР А. Кортунову и попросили его рассказать читателям журнала о сегодняшнем и завтрашнем дне самых северных в Советском Союзе кладовых незримого топлива.

ПО МАРШРУТАМ ПЯТИЛЕТКИ

Николай Павлович Гусев приехал на трассу с Урала. Теперь на Урал он ведет нитку голубого огня.

А. КОРТУНОВ,
министр газовой промышленности СССР

Фотографии воскрешают в моей памяти совсем недавние встречи с учеными, инженерами, геологами, строителями, рабочими, изыскателями, авиаторами, которые трудятся поистине на самом переднем крае начавшейся пятилетки и притом в условиях необычайно тяжелых, суровых. Смотрю на снимок, сделанный на трассе газопровода Игрим — Серов, и вспоминаю молодежь, которая в трескучие морозы отвоевывала километр за километром у тундры, окутанной мглою. Смотрю на фотографию Федора Тихого — его фамилия отнюдь не соответствует его темпераменту — и вспоминаю наш разговор с ним о больших предстоящих боях по дальнейшему завоеванию новых кладовых природного газа на далеком Севере.

Это уже не первая наша встреча на строительстве трасс голубого огня. Прежде далекий, Север становится ныне главной ареной тяжелого, но почетного труда газовиков.

В Тюмени, в обкоме партии — и на заседании бюро и партийного актива,— мы долго и всесторонне обсуждали перспективы развития газовой индустрии на гигантской территории в полтора миллиона квадратных километров. Я полностью разделяю позицию Тюменского обкома партии, с большой энергией, широким размахом взявшегося за решение проблемы развития нефтяной и газовой промышленности своего богатейшего края, ибо речь идет о проблеме, которая, если так можно выразиться, становится ныне сверхзадачей индустриализации. Почему такая честь этим отраслям народного хозяйства? Да потому, что их семимильные шаги позволили коренным образом улучшить структуру топливно-энергетического баланса страны.

В проекте Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы указано, что за семилетку «доля нефти и газа в топливном балансе возросла с 32 до 52 процентов». В районах Центра, Северного Кавказа и Закавказья нужда в топливе сейчас почти наполовину удовлетворяется за счет газа.

За семилетку экономия от использования газа в народном хозяйстве составила восемь миллиардов рублей. Это в два раза больше всех капитальных вложений в газовую индустрию за 7 лет.

Федор Тихий, начальник строительного участка, прошел со своими монтажниками трассу до красного шва — последнего стыка.

Она и дальше будет развиваться темпами весьма высокими: добыча газа в 1970 году по сравнению с 1965-м должна увеличиться в 1,8—1,9 раза. Что же касается наших перспективных запасов газа, и в частности уже выявленных запасов, то тут разговор переходит на цифры астрономические: они исчисляются десятками триллионов кубометров. И пальму первенства, пожалуй, следует вручить Северу, Заполярью. Это — новое в газоносной географии. Еще совсем недавно мы считали, что богаче (я имею в виду газ) харьковской Шебелинки нет на нашей советской земле. А сейчас северяне потеснили южан. Открытие тюменской нефти и газа — поистине огромное событие в советской экономике, результаты которого пока еще даже трудно полностью оценить, ибо открытие это порождает целый ряд новых проблем размещения производительных сил. Сибирский Север оказался самым богатым, но и самым трудным газоносным районом. Слово «подвиг», на мой взгляд, лишь в какой-то мере выражает суть сделанного нашими товарищами в краю болот, озер, рек, гнуса, вечной мерзлоты, где зимой свирепствуют страшнейшие морозы, а весной буйные разливы тундровых рек.

И вот здесь вдруг обнаружились несметные богатства. Впрочем, не так уж вдруг. Еще в начале тридцатых годов академик И. М. Губкин высказал смелое предположение о перспективах поиска нефти и газа в Западной Сибири. Но нашлись скептики — и среди ученых и среди тех, кто должен был дать деньги на эти поиски. Люди, боявшиеся брать на себя ответственность, всячески препятствовали изысканиям: «Не будем бросать деньги на ветер!..»

Время посрамило скептиков.

Уже пришел тюменский газ на Урал. Январь нынешнего года был отмечен знаменательным событием для строителей газопровода Игрим — Серов. Утром 18 января в трескучий мороз сварщики Эльмир Овсеович и Галина Самодурова наложили так называемый красный шов на трубу, написав на ней мелом: «Последний стык». А 6 февраля газораспределительная станция на окраине Серова приняла газ из Сибири.

Шумит тайга.

750 дней длилась здесь битва с природой. Были дни, когда даже мощные болотные тракторы пасовали перед таежными хлябями, и на выручку пришлось вызывать вертолеты для переброски тяжелых узлов и деталей. Строители пересекли 220 рек и речушек, прошли по тайге 510 километров, из них 150 — по непролазным топям и болотам, а 90 — по горам и скалам.

«Это первопроходцы»—так мне отрекомендовали на стройке группу ленинградских парней и девушек, среди которых была и Галина Самодурова. Первый их отряд высадился на берегу таежной речки Пунга с вертолетов. Позже к ним пробились зимние тракторные поезда с домами-вагончиками на колесах, с оборудованием, строительными материалами. Прошло еще немного времени, и прибыла молодежь из Москвы, Уфы, Горького, Свердловска. И началось продвижение в глубь тайги, по местам, где не ступала нога человека...

В Игриме, Пунге, Березове на скважинах заблаговременно все подготовили к тому, чтобы газ из тюменских кладовых по трубопроводу пошел на Северный Урал.

Хороший старт новой пятилетки! Отменный подарок XXIII съезду партии!

Ежегодно по трубопроводу будет подаваться Уралу 10 миллиардов кубометров газа. А если перевести на язык электроэнергии, то речь пойдет о ГЭС, которая по тепловому эквиваленту в полтора раза мощнее Братской...

Игрим, Пунга, Березово — только увертюра северян. Пройдет еще десять лет, и они дадут газа столько же, сколько сейчас дают все газоносные месторождения СССР. Это не фантазия. Цифры подкреплены изысканиями геологов, открывших на Севере месторождения куда более богатые, чем в Березовской группе.

...Легендарные места, где некогда гремела слава древней русской Мангазеи, исчезнувшего города казаков, торговцев соболями, промышленных людей, что на ладьях проникали к безвестным островам Карского моря. Небольшой поселок Тарко-Сале. До того, как появилось здесь неугомонное племя сейсмологов, геофизиков, тут жило всего 300—400 человек— рыбаки, охотники. А сейчас это геологическая столица. День и ночь гудят, гремят машины, тракторы, бульдозеры, вертолеты. Недалеко от Тарко-Сале, на реке Пур, открыто богатейшее Пурпейское месторождение газа, названное в честь академика И. Губкина Губкинским.

Радость открытия поначалу была омрачена трагической эпопеей, длившейся 200 суток. В морозное февральское утро 1964 года на скважине № 1 внезапно газ со страшной силой вырвался из скованного льдом подземелья и вспыхнул гигантским факелом, взметнувшимся на высоту 70-этажного небоскреба. Через несколько часов вокруг уже бушевало огненными бурунами огромное, диаметром в 600 метров, озеро, напоминавшее кратер вулкана. В его пасти мгновенно исчезли и вышка и все оборудование.

Что случилось? Геологи никак не ожидали, что газ даст о себе знать уже на глубине 700—800 метров.

Но чтобы получить ключ к этой кладовой, пришлось шесть месяцев штурмовать огненную стихию, дабы унять поразительный пылающий фонтан,—история газовой промышленности знает лишь несколько таких мощных фонтанов.

Теперь здесь полным ходом идет бурение скважин. Новое газоносное Губкинское месторождение раскинулось на огромной площади в 1 600 квадратных километров — в два раза больше Газлинского. Но не только площадь говорит о здешних богатствах. Обычно мы имеем дело с газовыми пластами высотою в 10—15 метров, а тут 50—60. Казалось бы, куда выше? И вот еще более приятный сюрприз. Летом прошлого года на геологической карте газовой индустрии появилась новая точка — Заполярное месторождение, как бы продолжающее старое, Тазовское. Здесь высота пласта достигла почти 200 метров — случай беспримерный в нашей да и в мировой практике.

А геологи, окрыленные первыми победами, двинулись дальше. Из тайги в тундру, на Ямалский полуостров. В тайге тяжко, а здесь еще труднее: навигация на Обской губе длится только полтора месяца. Когда в Тюмени жара, тут

еще стоит лед. Вот в каких условиях наши геологи смогли заложить на полуострове, близ рыбачьего поселка Новый Порт, несколько скважин, уже давших газ.

Я не стану перечислять все те северные земли — в тайге, тундре,— что раскрыли перед нами богатства своих недр. Скажу только, что большой, опытный и мужественный коллектив Тюменского геологического управления во главе с Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии Ю. Г. Эрвье ведет сейчас успешное наступление широким фронтом, обещая в нынешнем году пробурить скважин в два раза больше, чем в минувшем.

Большой газ Севера должен как можно быстрее поступить на вооружение советской промышленности. А для этого надо форсировать решение нескольких проблем. И в первую очередь транспортной.

С грустью пролетал я на вертолете над мертвой железной дорогой, которая тянется от Салехарда в сторону Игарки. Внизу трудились наши товарищи, готовясь к бурению скважин в районе реки Надым. Я подумал: как облегчилась бы и ускорилась их работа, будь эта железная дорога не мертвой, а живой! Дорогу начали строить в военную пору. Через тайгу проложили 400 километров, возвели здания станций, депо, и все это законсервировано.

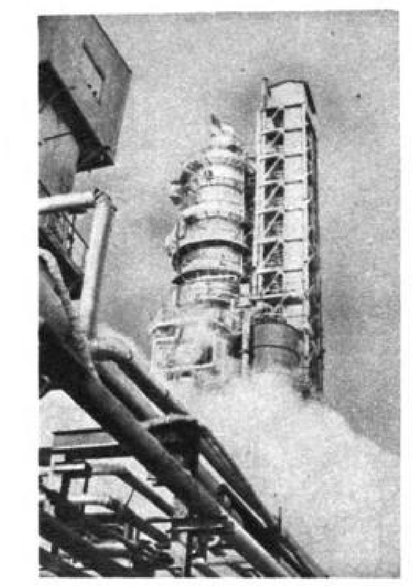
Мертвая дорога может, должна и наверняка будет дорогой большой жизни. Мы настоятельно ставим вопрос об окончании строительства этой важной магистрали. А пока нужно расширять возможности использования короткой навигации на реках, а главное — авиации. Очень она нас выручает, и я не могу не сказать добрых слов благодарности авиаторам. Мы хотим привлечь еще одного союзника — воды маленьких таежных речушек и озер. До сих пор мы числили их в стане своих противников. А теперь решили создать из них в тайге в нужном нам направлении водные каналы. Летом будем сплавлять по ним трубы и оборудование, а зимой они станут отличными ледовыми дорогами.

И, наконец, самая важная и сложная проблема — строительство трубопроводов. Газ пойдет с Севера на Урал, Северо-Запад, в районы Запада и Центра по сверхмощным магистралям. Уже теперь в наших научных и проектных институтах разрабатываются проекты таких газопроводов. По своим диаметрам и мощностям они не будут иметь себе равных в мире. И тут мы рассчитываем на помощь металлургов, и прежде всего Челябинского трубного завода. Там уже начата работа по освоению производства труб диаметром 1 220 миллиметров. А за нами у нас на 1 420. Это даст огромную экономию металла.

Труженики газовой промышленности окрылены тем вниманием, которое уделено ей в проекте Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

Газовая индустрия выходит на новые рубежи. За ее делами с надеждой следят химики и металлурги, строители и энергетики, жители многих городов и сел, в квартиры которых пока еще не пришел «товарищ газ». Мы хотим сказать им: он придет, обязательно придет!

Интервью «Огонька»

А. Д. СВЕРДЛОВ, директор Омского завода синтетического каучука

Одна цифра

Настроение у нас у всех сейчас приподнятое. Думаю, что не надо объяснять причин. Но у нас есть еще и свой личный повод для такого настроения. Это одна цифра в проекте Директив XXIII съезда КПСС по новому пятилетнему плану: «Увеличить производство синтетического каучука в 2,2 раза». Это, конечно, по всей стране. Но мы тоже вносим сюда свою лепту.

Какова она? К 1970 году наш завод увеличит выпуск валовой продукции в 2,5—2,6 раза. Через год-два начнем производить новые латексы и иные химические продукты со столь сложными названиями, что и выговорить их непросто. Латекс — очень важный «персонаж» в списке «действующих лиц» отечественной промышленности. Он служит для пропитки кордов автомобильных покрышек, искусственной кожи, для производства водоотталкивающих красок...

Завод растет вглубь и ввысь. Строим целый ряд комплексов, которые должны обеспечивать нас сырьем. Коечто придется нам осваивать впервые в Советском Союзе.

Мне хочется отметить ту часть проекта Директив, где говорится о мерах и методах материального стимулирования рабочих и служащих. Сейчас мы внимательно рассматриваем возможность увеличения зарплаты за счет фондов материального поощрения и в первую очередь зарплаты тех, кто занят на вредном производстве. Фонды такие у нас есть. Кстати, приятно сообщить, что в прошлом году завод получил 18 миллионов рублей плановой экономии и более полумиллиона рублей сверхплановой. Значит, есть все основания для материального поощрения тех, чьим трудом эта экономия получена. И здесь я хотел бы сказать о людях цеха, реактор которого вы видите на фотографии, помещенной на 2-й обложке этого номера «Огонька». Цех называется «Д-2». Непосвященному такое «имя», конечно, ничего не скажет, нужно расшифровать. Коротко говоря, «Д-2» — это начало производства дивинила, из которого потом делается каучук. Цех известен не только своими габаритами — его высота 52 метра, но и тем, что это — трудное, даже опасное производство. А кроме того, и это самое важное, «Д-2» — подлинная революция в нашем деле. Всего еще три-четыре года назад дивинил — по методу Лебедева — получали из пищевого спирта. Начиная с 1963 года для этой цели стали использовать бутан — попутный газ нефтепереработки. Представляете, сколько ценного продукта экономится теперь благодаря такой революции!

Вначале цех нас не радовал своими делами. Да еще прибавьте ко всем трудностям сибирские морозы, которые особо лютовали в эту зиму. Однако коллектив на «Д-2» подобрался хороший, в основном молодежь, комсомольцы. Они сумели быстро выправить положение в цехе.

Завод наш — один из застрельщиков соревнования химиков в честь XXIII съезда КПСС, и обязательства, принятые нами, мы выполняем. Сейчас во всех цехах внимательно изучают проект Директив — пятилетний план завода должен быть рожден коллективной творческой мыслью.

В заключение хочется немного выйти за рамки разговора о нашем предприятии и обратить ваше внимание еще на одну фразу в проекте Директив: «Увеличить мощности... на предприятиях... Омского и Барнаульского химических комплексов». Омский химический комплекс начинается с заводов СК и Омского нефтеперерабатывающего, а продолжается... Продолжать его будут предприятия, которые вскоре начнут строиться.

Чтобы обеспечить жильем коллективы такого солидного химического комплекса, уже сейчас начинают возводить новый микрорайон. В обиходе его зовут городком химиков. В ближайшие пять лет в городке нужно построить 2 миллиона 700 тысяч квадратных метров жилья. Вот какое бурное строительство начинается в нашем Омске, в городе машиностроителей, химиков и нефтяников.

ТВОИ ШАГИ, РЕСПУБЛИКА

«МОЛДАВСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Наряду с дальнейшим развитием основной отрасли промышленности — пищевой — обеспечить развитие трудоемких отраслей машиностроения и легкой промышленности.

Увеличить объем производства промышленной продукции примерно в 1,7 раза, выработку электроэнергии в 2,2 раза, производство тракторов для обработки садов и виноградников и возделывания свеклы в 4,4 раза, консервов в 2,2—2,3 раза, виноматериалов в 1,4 раза.

...Продолжить работы по строительству оросительных систем, ввести в эксплуатацию 100 тысяч гектаров орошаемых земель».

(Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по новому пятилетнему плану.)

КИШИНЕВ

ТВОИ ШАГИ, РЕСПУБЛИКА

«ТУРКМЕНСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Предусмотреть дальнейшее развитие нефтяной, газовой, химической и легкой промышленности.

Увеличить объем производства промышленной продукции примерно в 1,6 раза, выработку электроэнергии в 1,4 раза, производство цемента в 2,5 раза, тканей почти в 2 раза. Довести добычу нефти до 15 млн. тонн и газа до 12,6—15,5 млрд. куб. метров.

...Предусмотреть значительный рост производства хлопка, особенно тонковолокнистых сортов. Обеспечить дальнейшее развитие каракулеводства...»

(Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по новому пятилетнему плану.)

Вглядитесь в лицо Молдовы!

Петря ДАРИЕНКО,
писатель, министр культуры Молдавской ССР

В детстве отец часто брал меня с собой на колхозные виноградники. Помню и поныне: виноградари своими руками, очень похожими на кряжистые корни винограда, с редкой нежностью ухаживали за каждым кустом. И пели, дружно пели дойны земле, винограднику и себе. Солнечные склоны становились водопадом песни; унаследованная грусть смешивалась с надеждами и верой. Смотрел я на горизонт — передо мной в ослепительных лучах солнца мелькало лицо Молдовы. Глаза виноградарей были ее глазами. Дойна была ее дыханием.

Красив Днестр днем и очарователен ночью: с его помощью на всех просторах Молдовы рождает безбрежный океан огней Дубоссарская ГЭС. Хочешь увидеть лицо Молдовы? Вслушайся в речь днестровских вод и смотри внимательно на огни.

Четверть века назад по дорогам земли молдавской ходили одни каруцы, и их унылый скрип много грусти оставлял за собой. Теперь на дорогах мчатся машины. И в сказках этого раньше мы не слыхали. По склонам поднимаются выпущенные молдавским заводом тракторы. Гудят заводы. Небо — голубое и чистое — подпирают телевизионные вышки. Провода, словно лучи, скрестились над селом и городом. Смотрите: как высока, стройна, могуча и всевидяща Молдова!

Уверенно и мудро ведут за собой колхозников Б. Глушко, В. Прекуп, Г. Болфа, А. Папуров, Д. Мищенко, Е. Тофан. Их знают и любят люди моей республики, и земля понимает их; они корнями сердца вросли в нее и творят чудеса. Сотни тружеников ныне отмечаются правительством наградами. Недавно Звезда Героя засияла на груди звеньевой Ольги Панца и председателя колхоза Василия Козловского.

...Поет Николай Сулак в Кожушнянском Дворце культуры: его слышит вся страна. Его любят люди: песни Сулака словно выкопаны из глубины земли и высечены из народного сердца. Мария Биешу, дочь простого крестьянина, чарует народ своим пением в национальной опере. Теперь она успешно стажируется в итальянском театре «Ла Скала». Слушай голос Молдовы: она вся песня.

...Нарядна столица республики — белокаменный город Кишинев, весь увитый садом и цветами. Появись бы теперь Пушкин на его улицах, какие слова восхищения сказал бы он людям, с предками которых вместе пел о трудной судьбе моего народа! Много хороших слов можно говорить о Советской Молдавии сегодня. А сколько похвалы и уважения заслужит она завтра! Республика не стоит на месте, она идет в гору, ясная и красивая, полная решимости свершить все, что намечено пятилеткой.

На снимке: Кишинев, улица Ленина, главная магистраль молдавской столицы.

Фото О. Кнорринга.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 26—27.

ВРЕМЯ — СКАЗОЧНЫЙ СКАКУН

Берды КЕРБАБАЕВ,
председатель правления Союза писателей Туркмении

Этот памятник стоит в Ашхабаде в Ленинском саду. Майоликовая плитка, которой облицован постамент, повторяет ажурный орнамент знаменитых туркменских ковров. «Ленинизм — путь к раскрепощению народов Востока», — гласит надпись на постаменте.

В октябре 1948 года столицу Туркмении постигло стихийное бедствие — землетрясение силой свыше 9 баллов. Это случилось ночью, а утром на месте, где еще вчера стояли корпуса фабрик, жилые кварталы, ашхабадцы увидели руины. Но в Ленинском саду на постаменте по-прежнему высилась бронзовая фигура Ильича. В то утро в Ленинском саду у памятника, оказавшегося сильнее природной стихии, состоялся митинг, на котором звучали слова о несокрушимой дружбе советских народов.

Фото М. Савина.

Кто диктует человеку его желания? Время и общество, в котором он живет. Я хорошо знаю это, ибо сам был свидетелем двух эпох в жизни моего народа.

Когда-то, очень давно, я страстно желал иметь коня и кибитку. Кибитка защищала бы меня от ветра, и в ней я принимал бы друзей, а на коне мог бы домчаться в такие далекие — за сто километров — Мары.

Теперь я езжу много и так далеко от родных мест, что даже скорость самолета не всегда устраивает меня. А друзей у меня стало столько, что я никак не могу принять их всех у себя и побеседовать с ними за пиалой чая. Ведь мои друзья — это все добрые люди моей республики: и горожане и дайхане.

Нынешние дни особые — преддверие XXIII съезда партии, всенародное обсуждение проекта его Директив по пятилетке. Каждый из нас готовится достойно встретить съезд. И теперь любое утро начинается для меня одинаково: включаю радио — и приветливый голос диктора несет вести о моих друзьях.

...Чарджоуский каракуль высоко оценен на 42-м Международном аукционе... Колхозы Каахкинского района ведут сев овощных культур... В урочище Хауз-Хан, в Каракумах впервые будут заложены тутовые рощи... А вот новость из Красноводска: идут грузы для будущих Нефтяных Камней Туркмении — банки Жданова, где закончено бурение первой в республике морской буровой.

Я радуюсь успехам своих земляков и невольно думаю: странные все-таки существа мы, люди, как быстро становятся для нас обыденностью самые грандиозные свершения.

Нефть... Словно громадный арык, течет она теперь по моей республике. Вскрываются все новые и новые кладовые нефти. А на моей памяти время, когда из-за бутылки керосина, чтоб смазать бока верблюду, заболевшему чесоткой, приходилось долго скакать из аула в аул.

Да что там нефть! И воды-то в Туркмении было так мало, что одна капля ее ценилась на вес золота. И вот не так давно я стоял на берегу Теджена и смотрел, как по широкому руслу вливается в канал животворная влага Аму-Дарьи. А теперь вода Каракумского канала стремится к моему Ашхабаду... Ашхабад. Город, возрожденный из руин. Я люблю бродить по его улицам, каждый раз наново дивясь их красоте. Вот и сегодня, тихонько поблагодарив диктора за хорошие вести о друзьях, я выхожу из дому. Иду медленно, внимательно вглядываюсь в лица земляков — героев моих книг. Я любуюсь тонкими лицами, отмеченными печатью ума, и с тайной улыбкой размышляю: сколько же дней нужно мчаться сейчас по Туркмении на «Волге», чтоб найти хоть одного неграмотного? А в дни, когда я сам был юным, можно было коня загнать, скача из аула в аул, чтоб найти хоть какого-нибудь грамотея... И еще я думаю: время — поистине сказочный скакун.

Александр ДЕЙНЕКА,
народный художник СССР

СЛОВО О КОНЧАЛОВСКОМ

Я знал Петра Петровича много лет...

Никогда не забуду его прямо-таки античную голову, видную, массивную фигуру с удивительно легкой походкой. Добрые, ясные глаза глядели на мир ласково, и во взоре, в выражении лица никогда не было ни суеты, ни малейшего намека на нервозность.

Вглядитесь в его автопортреты — он написал их в разные периоды жизни, и все они очень похожи. Вот перед нами Кончаловский—молодой пытливо исследующий мир. Вот сидит он, радостный, в расцвете сил, за столом с любимой женой. Вот бреется, глядясь в зеркало. Вот неожиданно хмуро смотрит на нас из-под красной чалмы... И кажется, будто каждый холст излучает удивительную, непосредственную, почти детскую его любовь к природе.

Петр Петрович был само обаяние и сама сердечность, он был простодушен, как умелый мастеровой. Кончаловский любил сам растить виноград, подрезать яблони, коптить окорока (кстати сказать — превосходно! — я их едал), но он и сам грунтовал холсты, сам тер краски. И делал это умело, добротно. Поэтому и картины его так устойчивы на износ... Но, конечно, не это было в нем главное. Главное — это его искусство, полное до краев беспредельной любви к жизни и сочного оптимизма.

Не много отыщется на земле художников, в которых были так гармонически слиты человек и творчество. И наверняка именно в этой гармонии таятся истоки того совершенно особенного, «кончаловского» стиля, той яркой художественной индивидуальности, не ведающей ни подражаний, ни стилизации, ни приспособлений, того свободного, творческого почерка, что узнается нами сразу, безошибочно и в большом и в малом: в картине, в акварели, в рисунке. Все, что создал этот человечище, монументально, весомо, громогласно, даже самый малый этюд. Потому что все его творчество — торжествующий гимн бытию!

Любое земное дело получалось у Петра Петровича, как говорят украинцы, смачно. И когда он ел и когда писал. Поглядите, какая сочная тоновая прокладка в его картинах. Как много вкусного! Каждая его вещь имеет свой живописный ключ, свою цветовую индивидуальность, неповторима и единственна по гамме, колориту, тону в целом. Это один из самых мощных русских живописцев-цветовиков, обладавший, что называется, абсолютным чувством цвета. Это как абсолютный слух музыканта, как композиторское дарование.

Натуру, мир, жизнь Кончаловский видел прежде всего через цвет, потому что был живописцем в первую голову. И через один только цвет умел выразить все свое неуемное чувство влюбленности в красоту и богатство жизни, земли.

Обжитая и любимая им деревня Бугры. Сад. Дом. Яблоки. Сирень. Все, среди чего он жил, все претворялось и становилось излучающим жизнь, жарким и жадным искусством. И мы просто не в силах противиться охватывающему нас перед холстами Кончаловского чувству ликования, слияния с природой, счастья. Невозможно нам не проникнуться языческим его пантеизмом: все вокруг живет, цветет, и я сам да и мои картины тоже — часть этого живущего.

Сколько раз, слушая его, я поражался взаимопониманию, раз и навсегда установившемуся между ним и природой. Помню, одно время увлекся он живописью «против солнца» и взволнованно объяснял: «Интересно ловить, как солнце швыряется серебром по листьям, по траве. Холодное такое серебро, и сколько в нем оттенков...» Потом подойдет к окну: «Посмотрите, природа-то что вытворяет сегодня! Красного-то сколько появляется в листве, в деревьях! А тут-то синька гуляет по стволам какая — чудо! Ну и натура — поддает жару...» Но самое удивительное, что потом каждому «живописному» слову о природе находил он на палитре краску-эквивалент. Тронет кистью — и точно! Его бесконечно злило сюсюканье с природой. Он часто говорил, как не терпит, когда художники говорят «нёбко» вместо «небо», «тончик» вместо «тон». Сам он никогда не умилялся природе, не сюсюкал с ней. Он ее просто мощно, всем своим организмом, всем духом любил. «Я — реалист»,— твердил он постоянно и был глубоко прав. У его натюрмортов с персиками, яблоками, лимонами я невольно чувствую запах плодов и даже забываю — чего нелегко добиться от профессионала — о красоте композиции, о великолепии цвета. А все потому, что настоящие яблоки, положенные перед его мольбертом, вписывались у него как есть в картину, растворялись в ней, а живые цветы — те бывали порой и потускнее написанных...

Началось это цветущее буйство с маленьких шедевров — нежных по окраске полевых цветов. Потом пошли пионы, маки, розы. И, наконец, навсегда поразили нас безудержной роскошью, богатством земной красы метровые его сирени. Невольно люди теперь, глядя на сиреневое майское цветение, восклицают: «Как у Кончаловского!» И это — высшее признание подвига живописца. Подвига, о котором сам он рассказывал очень просто:

«Цветок нельзя писать «так себе», простыми мазочками, его надо изучить, и так же глубоко, как и все другое. Цветы — великие учителя художников: для того, чтобы постигнуть и разобрать строение розы, надо положить не меньше труда, чем при изучении человеческого лица. В цветах есть все, что существует в природе, только в более утонченных и сложных формах, и в каждом цветке, а особенно в сирени или букете полевых цветов, надо разбираться, как в какой-нибудь лесной чаще, пока уловишь логику построения, выведешь законы из сочетаний, кажущихся случайными... Я пишу их, как музыкант играет гаммы. Поработаешь часика два, так ум за разум начинает заходить — вместо цветов являются уж звуки какие-то...»

И это никакая не мистика. Художник властен творить как бы вторую реальность, создавать свой, конкретный мир. Но для этого ему нужно вложить большое и неподдельное чувство и огромный труд в свое произведение, и тогда в картине навсегда остается жить душевная человеческая теплота, невыразимо волнующая нас. Происходит так не только в высокой живописи, но и в талантливой народной резьбе, вышивке, росписи...

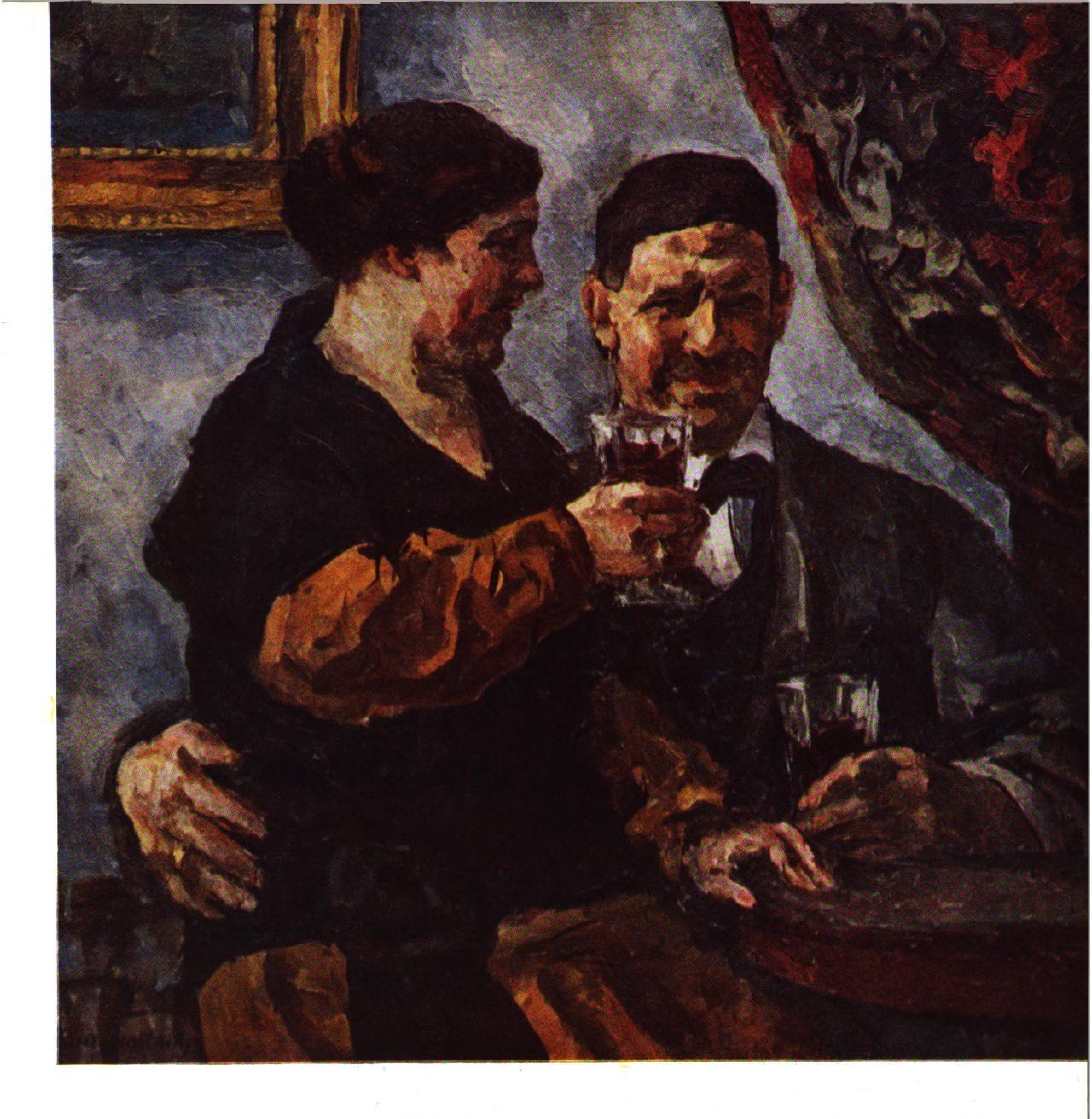
Машинное производство часто, повторяя лишь внешне, механически рисунок, не сохраняет живого аромата, который так чарует и согревает нас. Настоящие розы и яблоки даже в картине должны словно бы излучать запах, иначе они будут фальшивы и в них не поверишь. Оттого и чувствуем мы безошибочно, когда полотно написано словно бы холодной рукой автомата. Никакое правдоподобие, никакая условность не в силах помочь такой картине. Ее засушенная ретушь, не ведающий тревоги и трепета стандарт выдают, что перед нами только копия — природы, жизни, чужого стиля, чужого волнения... Не несет эта копия и намека на то живое начало, которым с излишком даже насыщал свои картины Кончаловский.

«Силища!» — говорили про них еще в 20-е годы. И по сей день Кончаловский в европейском искусстве нашего века — один из самых колоритных, радостных, жизнеутверждающих художников. Не случайно сам он так любил могучих старых испанцев, и великолепного Тинторетто, которым не уставал восхищаться: «Как бесконечно жизненна его живопись в каждом своем куске!»

Петр Петрович прекрасно знал, любил и понимал искусство Европы, где он бывал не раз. В европейских музеях и мастерских художников он смотрел, восторгался, спорил, рисовал, постигал, отрицал, дружил. И, однако, остался неколебимо, до глубин сердца русским, советским мастером.

Правда, участник первой мировой войны, Кончаловский недолюбливал как прусскую военщину, так и рациональное искусство немцев XIX века, отдавая должное лишь высочайшим достижениям этого народа, таким, например, как Дюрер или Бетховен. Его, эпикурейца, человека широкой души, естественно, интересовал и манил в первую очередь Париж, Франция. Именно там находил Петр Петрович родственные души в искусстве, что, однако, ни на йоту не поколебало в нем русской основы, не увело от родных традиций, в которых он вырос и творил. Помню, как Петр Петрович удовлетворенно и даже гордо объявил: «Валлотон очень тонко подметил национальный, «славянский» характер моей живописи, которая слыла тогда в Москве «французской»...». Я, конечно, мог быть «французом» только с московской точки зрения. Я понятен для настоящих чисто французов... но все же всегда останусь для них славянином и даже «варваром...».

С первых дней революции Петр Петрович активно включился в новую жизнь, в работу, которой не оставлял до конца дней. Трудно

П. Кончаловский. 1876—1956. АВТОПОРТРЕТ С ЖЕНОЙ. 1923. Государственная Третьяковская галерея.

П. Кончаловский.

НАТЮРМОРТ.
ЛИСТЬЯ ТАБАКА.
1929.

ПЕРВЫЙ СНЕГ. 1940.

НОЖ В РУКЕ ЧЕЛОВЕКА

В. ПОНОМАРЕВ

Фото О. Кнорринга.

Телефонный звонок был продолжительным и тревожным.

— Тимофей Еремеевич? Говорят из гомельской больницы. К нам поступил молодой рабочий с тяжелой травмой левой руки: повреждение кости, разорваны ткани, сосуды... Нужна ампутация. Но... вдруг удастся сохранить парню руку... Самолет с больным, если вы согласны, через двадцать минут будет в воздухе...

— Везите.

Портфель остался на столе, а Тимофей Еремеевич устало вернулся к вешалке. С помощью сестры Марии Борисовны он снял пальто и, распорядившись о подготовке операционной, нелегкими шагами — как-никак уже седьмой десяток! — вернулся к письменному столу.

...Давно это было. Еще до революции. Станичный заводила Тимошка был любимцем сверстников. Даже отпрыски состоятельных фамилий искали его общества. И вот богатые дружки как-то пригласили Тимошу на рождественскую елку в один из именитых домов донского казачества. Все было хорошо: и игрушки, и сласти, и хоровод вокруг красавицы елки. Потом пришли взрослые. Какая-то кружевная дама заметила ситцевого Тимошу, скривилась, поднеся платочек к своему сморщенному носику, и к хлопчику направился хозяин дома.

— Как ты сюда попал? — Тяжелая рука сжала хрупкое плечико и направила к двери. — Здесь тебе делать нечего!

Сколько лет прошло с той поры, а вот, поди ж, до сих пор горечь той новогодней елки не забыта.

Но есть, кажется, у этой горечи своя положительная сторона. Не выставь его тогда богатей с елки, не будь памятной жгучей обиды, возможно, не было бы в нем этакой напористости в утверждении своих возможностей, не родилась бы та непримиримость в борьбе, что сделала «ситцевого хлопчика» профессором, доктором, заведующим кафедрой, заслуженным деятелем науки.

Слабовольные при неудаче никнут, сильный характер от сопротивления только закаляется и мужает. Вспоминается другой час, когда модная хирургическая особа, коснувшись своими тонкими пальцами крупной крестьянской кисти студента Гнилорыбова, изрекла:

— С такой медвежьей лапой легко у наковальни, а не у операционного стола...

Много всякого пришлось пережить.

...Сорок второй. Немцы под Кисловодском.

Вспомнилось профессору, как санитарные поезда и госпитали стояли без воды, пищи, медикаментов; как настоящие патриоты разбирали раненых по домам, выдавая их за родственников; как незаметные доселе люди, находясь на волоске от смерти, под носом у гитлеровцев организовывали подпольные лазареты и операционные, добывали пищу и бинты, одежду и лекарства; как доблестные советские врачи в этих условиях сделали сотни сложнейших операций. Двести девять таких операций, выполненных в подполье, на счету и у Тимофея Еремеевича.

Теперь все это давно позади. Однако и забывать об этом нельзя. Надо помнить во имя будущего.

...Тикают часы в гулком профессорском кабинете: «Тик-так, тик-так...» Секунда, еще секунда, минута, еще минута... А то, что прошло, никогда никакими силами не вернешь. Короткая стрелка уже сползла на соседнюю цифру. «Почему же не зовут в операционную?» Тимофей Еремеевич нажимает кнопку звонка.

— Самолет уже возле Минска. Но из-за тумана летчику не разрешают посадку...— Мария Борисовна медлит, потом добавляет: — Такая, говорят, инструкция...

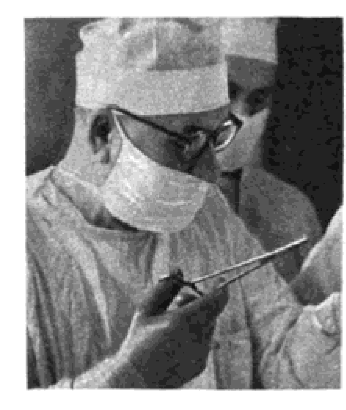
Тимофей Еремеевич нахмурил брови:

— Инструкция! А ты скажи им, что пареньку, который истекает кровью в самолете, инструкция жизнь не спасет! Поинтересуйся, может быть, это не инструкция, а так... перестраховка...

Мария Борисовна уходит. И в кабинете снова воцаряется тревожная тишина ожидания.

...«Инструкция! — Взбудораженный воспоминаниями, Тимофей Еремеевич заходил по кабинету.— Ломаного гроша не стоит такая инструкция, которая забывает, что речь идет о жизни человека».

В кабинет вбегает медсестра:

Профессор Тимофей Еремеевич Гнилорыбов.

— Тимофей Еремеевич, пожалуйте в операционную, вам пора готовиться. Летчик только что посадил самолет!

— Как же ты это устроила?

— Да никак. Обыкновенно, по-бабьи... Ругалась с диспетчером, а летчику, похоже, надоело слушать этот базар — ему ведь по радио все слышно. Вот он на свой страх и риск и посадил машину...

— Обязательно узнай фамилию летчика.

— Узнала: Жарин.

— Молодец, товарищ Жарин, настоящий человек!

Да, здорово покорежило парню руку! Но пальцы скульптора-хирурга терпеливо поправляют кость, проверяют нити нервов, сшивают мышцы, сращивают кровеносные сосуды. Крупный сосуд непоправимо поврежден на большом участке. Невосстановимая часть удаляется, а на ее место вшивается новая — охлажденная до минус 196 градусов.

...Операция как операция. Много таких было. Много впереди. И не только таких. Оперировал и сердце, и легкие, и желудок — всякое случалось. С годами Тимофей Еремеевич сосредоточил свое внимание на хирургии кровеносных сосудов, на пересадке желез внутренней секреции и на пластических операциях. В каждой из этих областей имя Т. Е. Гнилорыбова упоминается как автора той или иной операции, того или иного метода. У профессора свыше ста восьмидесяти научных работ.

Разбираться в ювелирных тонкостях хирургической техники — дело специальное. Но обширная почта Тимофея Еремеевича, корреспонденты которого, видимо, не очень-то сильны в медицине, говорит о большом человеческом счастье.

Без малого тридцать лет страдал стенокардией старый коммунист С. Дежурный врач поликлиники приходил к нему почти ежедневно. И вот теперь, после операции, он пишет, что боли в области сердца не чувствует, выходит на улицу без опасения оказаться в карете «Скорой помощи», свободно поднимается на верхние этажи.

Разработанные Тимофеем Еремеевичем пересадки желез внутренней секреции вернули в строй многие сотни людей. При пересадке мозгового придатка (гипофиза) карлики вырастают на драгоценные пять, десять, даже пятнадцать сантиметров, а иногда на тридцать и более. Пересадка надпочечника уменьшает страдания больных аддисоновой болезнью. Очень эффективна и пересадка костного мозга по методу Гнилорыбова. Успешно применяет он и пересадку консервированных половых желез. И, наконец, прямо-таки волшебные результаты дают его пластические операции. Бывшие пациенты шлют свои нынешние фотографии. Куда исчезло уродство, причиненное ранением, ожогом, травмой или язвой?

Людям, которых природа обидела еще при рождении — слишком курносы, уши топорщатся, живот обвис,— приходит на помощь хирургия, она поправляет ошибку природы.

Письма, письма, письма... Разные адреса и почерки, разные судьбы и характеры, разные несчастья и недуги. И все письма заканчиваются одинаково: «Спасибо, доктор!». Сколько вернувшихся к здоровой жизни людей, сколько обретших свое отцовское, материнское и семейное благополучие!

...А операция между тем подходит к концу. Тимофей Еремеевич делает последние стежки — надо, чтобы шов был почти незаметным. Еще одна петля, еще. Конец! Сестра в последний раз утирает пот с профессорского лица, а Тимофей Еремеевич наклоняется к молодым глазам своего пациента: «Ну, вот и все!»

* * *

В середине ночи Тимофей Еремеевич просыпается и, не включая света, тихонько, чтобы не тревожить жену — Елену Ивановну, кутается в халат и на цыпочках идет в кабинет. Но она все слышит. Слышит, как скрипнул замок тяжелого профессорского портфеля, как зашуршали страницы очередной рукописи. Слышит, но не подает голоса; она хорошо знает, что ничего не изменить: так заведено издавна, и такой уж у него характер...

Утром Тимофей Еремеевич навестил прооперированного гомельского паренька. Виктор Приходько принялся по-сыновьи благодарить профессора.

вообразить более плодовитого мастера — ведь им создано около пяти тысяч произведений! И они — словно яркий, радужный мост, перекинувшийся от великого дореволюционного русского искусства в нашу советскую эпоху...

Жена художника, Ольга Васильевна Кончаловская, рассказывала: «Революцию мы воспринимали как избавление от чего-то рабского, хотя первые два года были очень трудны и полны лишений... Мы не могли понять, как можно уезжать, когда стало так легко и свободно жить и дышать. Мы очень любили Запад, но нам и в голову не приходило бросать родину в тот момент, когда началась свободная жизнь, без всякой зависимости от богатых коллекционеров...»

Дочь великого русского художника Сурикова, властная красавица-сибирячка, могла ли она думать, говорить, поступать иначе!

Кончаловского и Сурикова объединяют не только родственные связи. Двух этих могучих живописцев России роднит само искусство.

После 17-го года Кончаловский обрел как художник новое, более мощное и свободное дыхание, по-новому оценил значение и место живописи в обществе. Он, подобно Маяковскому, сбросил желтую кофту, надел обычный рабочий костюм и из человека, эпатировавшего буржуазное общество, превратился в работника, который засучив рукава принялся за настоящее дело. Петр Петрович уходит из «Бубнового валета», стоявшего в стороне от общественных интересов, и начинает создавать добротную живопись с насущной современной тематикой. Да и в тематике ли одной было дело!..

«...Жизнерадостность есть очень важная сторона социализма, один из важнейших элементов его фундамента... Пролетариат — радостный класс и вообще трудящийся — радостный человек... Нам нужна радость, нужны элементы ласки, ликования, ощущения биения здоровых сил,— они необходимы для нас и даже, может быть, особенно необходимы потому, что мы находимся в жестокой борьбе. Поэтому Кончаловский не может быть нам чуждым. Появление и развитие такого художника среди нас — это для нас благо» — так думало большинство тех, кто приходил на персональную выставку Кончаловского, открывшуюся в 1933 году. Нарком Луначарский в своей статье, посвященной выставке, тогда только как бы собрал воедино мысли советских людей и сформулировал их...

Петр Петрович очень любил свои выставки. Они были его итоги-премьеры и его большие праздники. Были они и нашими праздниками. И я подумал, что если бы мы сегодня меньше говорили и заседали, а устраивали бы побольше таких выставок, сколько было бы у нас новых картин и интересных творческих экспериментов. Каким бы благом для советского искусства могла бы стать, к примеру, выставка портретов Кончаловского. Ведь среди его портретных работ есть такой шедевр, как портрет жены с бусами, а еще — портреты детей, портреты композитора Прокофьева, пианиста Софроницкого, летчика-героя Осипенко, писателей Всеволода Иванова, Алексея Толстого, Сергея Михалкова, режиссера Мейерхольда, японского актера Тодзюро Каварасаки... Какая бы составилась богатая, интересная, поучительная и современная экспозиция!

И каждый, кто придет на эту новую выставку работ Петра Петровича Кончаловского (а я надеюсь, что такая скоро будет открыта), унесет в своем сердце благодарность и огромную радость от встречи с жизнеутверждающим, щедрым, дарящим людям счастье искусством этого подлинного классика русской живописи, певца цветов, солнца, земного счастья.

Знакомьтесь: делегат XXIII съезда КПСС

На радость людям

Г. БЕЛЯКОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Лет Борису Дмитриевичу Афонину уже под сорок, а не верится: молодым выглядит. Молодость — от душевной щедрости. Человек он рабочий. Давным-давно заведена на него трудовая книжка. Пожелтела от времени. На первой странице одна-единственная запись. Даже чернила выцвели. А гласит эта запись такое: «Май 1944 г. Инструментальный цех. Токарь». А на последней странице живого места нет. Десятка два записей. Благодарности. Коротко и красиво рассказывает трудовая книжка о рабочем человеке. А вот что рассказывает сам Афонин, токарь знаменитого Ковровского экскаваторного завода:

— Родился я в деревне. До меня сестренка уж была. Потом еще трое прибыло. И получалось, что я большак в семье, не считая сестры. Отец на фронт ушел. В последнее время он председателем колхоза был. О-ох, мужик! Коммунист — как из кремня. Умел народ зажечь. Под Харьковом сложил батя голову... Осенью сорок первого присылают мне приглашение в ремесленное училище. Пошел учиться. Пора уж к делу привыкать, в жизнь входить. Чай, не маленький — четырнадцатый год... Поставили нас к станкам, показали, где повернуть, где нажать,— действуй! Начал я точить металл. Сначала работу погрубее выполнял, помогал взрослым. Трудновато приходилось. Мальчишка, сопляк в общем-то. Это уж потом вошел я в силу, закряжистел. А тогда жидковат был. Поднял один раз чугунную чушку, понадеялся на силу — и разорвал пах... Всяко было.

...Мы сидим с Борисом Дмитриевичем за столом и пьем чай. Пылающий с мороза, влетает Сашка, сын. Дочка еще есть — Танюша. Мать семейства Раиса Ивановна — тоже металлист. Вместе с будущим мужем она обучалась в ремесленном. Но приметить в ту пору друг друга не приметили. Встретились на заводе много лет спустя, и получилась хорошая пара. Потом — семья... Вот они сидят оба за столом, рассказывают о детях. Хорошими людьми растут, честными, справедливыми. Дети во всем берут пример с родителей.

А больше всего наш разговор о работе. И не я затеваю, сам он о том говорит.

— Работаю токарем. Год, другой, третий... Набираюсь смекалки. По шестому разряду уже действую...— рассказывает Борис Дмитриевич.— Подходит однажды ко мне Степан Андреевич Пономарев, начальник цеха, душа-человек. За таким коммунистом куда хошь, в огонь и воду! Талант у него воспитателя. В цехе сколько народу, а он к каждому умел найти дорожку. Тридцать лет начальником цеха проработал, не шутка. Теперь на пенсии.

Подходит он, значит, ко мне. Так, мол, и так, увольняется токарь с координатно-расточного станка. Берись, парень! Подумал я и согласился. А работал на этом станке рабочий М. Не любили его рабочие, хоть и мастером был он неплохим. Жадность его заедала. Пользовался тем, что никто на заводе не мог встать на его место. Невесело встретил он меня. Волком встретил. Был он, видать, из той вымирающей породы хапуг, которые по старинке берегут свой опыт и пуще огня боятся, как бы кто выше их не поднялся, заработок бы не отбил. Ну вот, до его увольнения две недели. И должен я за это время изучить станок. А станок этот, я тебе скажу, не станок, а целый завод... Мужики посоветовали: купи ты этому мастеру пол-литра, может, поотмякнет, малость откроется. Послушался, купил. Выпил он и говорит: «Зря стараешься. Все равно ничего не поймешь. Не для твоей головы работа». Две недели я около него вертелся. Молчит, как деревянный. Отталкивает. Спрошу — будто не слышит. Так и ушел с завода, уверенный, что мастера лучше его нет. Ушел и не

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

Единственный мой век

Эпоха, говорят, трудна...
Да, это верно,—
Мы к свету пробиваемся
Сквозь тьму.
И я люблю ее безудержно,
Безмерно,
Восторженно,
Наверно, потому.

КРУТОЙ РАЗБЕГ

Эпоха, говорят, трудна,
И брови хмурят.
Мне нравится она,
Родившаяся в бурях,
Тревожная, как джунгли
Темной ночью,
Куда по звездному
Бредешь ты многоточью,
Весь — обостренный слух,
Весь — зрение двойное,
Готовность отразить
Внезапный натиск боя.
Эпоха, говорят, не та,
Не той закваски,
В ней мало места
Для любви, для ласки,
Для нежных слов:
«Мой друг»,
«Моя голуба».
Эпоха в оборот берет
Нас грубо...
Тот поздно, говорят,
Родился,
Этот — рано,
Что нет Чайковского,
Нет Пушкина в живых...
А разве музыка
Хачатуряна
Не гордость
Современников моих?!
И Пушкины
Еще в России будут,
А Шолохов сегодня
Среди нас.
Мою любовь к тебе,
Эпоха, не остудят.
Неистребим
Моей любви запас.
Нет, не хотел бы я
В другом родиться веке.
Двадцатый век —
Единственный мой век.
Разнежиться не даст он
В праздной неге,
В моей крови
Его крутой разбег.

СЧАСТЬЕ

Беспечны облака,
Бездумны рек разливы,
И хочется мечтать о журавле...
Как мало нужно,
Чтобы быть счастливым
На этой изумительной
Земле!
Не надо ни богатства мне,
Ни славы.
Сияла бы над полем
Синева,
И поднимались бы

Борис Афонин: «Помни, парень: рабочий — это звучит гордо!»

оставил о себе доброй памяти... Хожу я вокруг станка, не знаю, с чего начинать. С какой кнопки, с какого рычага. А станок не поддается. Была в ящике инструкция на немецком языке. С чертежами, рисунками. И перевод к ней. Вот и взялся я за литературу. Смена домой, а я у станка. Погляжу в книжку, на рисунки, в перевод. Потом Николай Батраков встретился. Окончил он техникум, а работал токарем. Стремился парень дойти до всего своими руками. Спрашивает, как дела. «Плаваю, как гусь во щах...» — отвечаю. Гляжу, халатик накинул, к станку идет. А смена уж окончена. По доброму желанию парень помогать взялся. И закипело у нас. Раскрыли секреты того мастера. Напрасно думал, что пропадут без него на заводе. Не пропали. Теперь и станков таких у нас не один, а три. И специалистов по этому делу четверо. Работаем, как ювелиры. Точность — сотые доли миллиметра...

Учеников у Афонина перебывало много. Выучил он высокому мастерству резки металла одного, другого. Приходят к Борису Дмитриевичу и мальчишки в форменной одежде ремесленников. Видится тогда ему что-то очень родное в любопытных лицах ребят, в завороженных их глазах. Токарь широко улыбается: «Сам таким был». А слушать его и интересно и приятно. Какие ласковые слова произносит он в адрес инструмента, деталей! Фреза у него — фрезка, торец — торчик, паз — пазик. Любовь к делу слышится в этих словах.

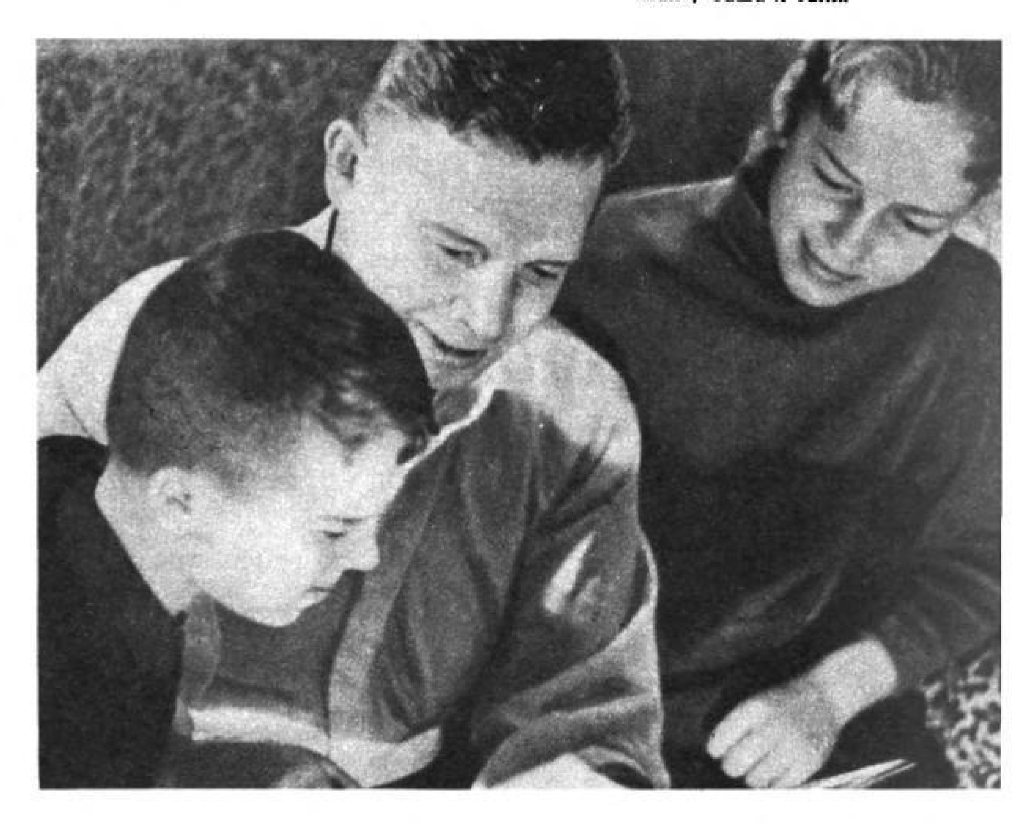
Ковровский экскаваторный знаменит на весь мир. Первый экскаватор в Союзе создан здесь. Самый большой на планете экскаваторный завод тоже в Коврове. Каждый день 7—8 машин сходят с конвейера. Более четырех десятков стран охотно покупают ковровские машины, не говоря уж о наших стройках. Где обходятся без проворного «Ковровца»? Нигде.

Вот почему обидно Борису Дмитриевичу Афонину, что при всей славе есть на заводе и неполадки, есть и люди плохие. Есть и руководители равнодушные. Не будь этого — лучше был бы завод. А как его сделать лучше? На то много есть способов. И Афонин ни одним не пренебрегает: он и агитатор, он и дружинник, и член партийного бюро своего цеха, и состоит в комиссии по борьбе с прогульщиками, пьяницами.

За высокое мастерство в труде, за высокие душевные достоинства избрали Бориса Дмитриевича членом пленума горкома КПСС. Сидел он недавно на партконференции, волновался. Записался выступить, да вдруг сделалось как-то не по себе. Ну, а если не получится? Пока волновался, и очередь подошла. Вышел к трибуне, встал поупористей и начал. Говорил все о том же: о высокой ответственности коммуниста, о высоком долге рабочего — вырастить добрую смену. Чтоб ни единая веточка молодой человеческой души не оказалась в тени, чтоб всем хватило солнца человеческой заботы. И чтобы выросли стройные деревца на радость людям добрым!

На этом можно бы и окончить маленький рассказ о нашем современнике, если бы не одно обстоятельство. Очерк был уже написан, как вдруг из Коврова раздался звонок: Борис Дмитриевич Афонин избран делегатом на XXIII съезд партии. Поздравляем вас, Борис Дмитриевич!

Папа, Саша и Таня.

В долинах травы,
Шумела бы
На тополе листва.
Я думаю о тех,
Кто морщится брезгливо
И в злобе
Перекашивает рот,
Хлопочет о карьере,
О наживе,
Кому-то жить спокойно
Не дает.
Завистливых,
До денег жадных,
Склочных
По-человечески сегодня
Жаль...
Какой-то чистотою
Непорочной
Волнует незапятнанная
Даль.
По вечерам над головою
Млечность
Мои земные тропки
Озарит...
О эта беспредельность,
Бесконечность,
Свет, льющийся
С таинственных орбит!
Я в жизни большей
Не хочу удачи,
Мне почему-то кажется,
Что я
Всех Морганов,
Всех Ротшильдов богаче,
Когда со мною ты,
Любовь моя.

ЗЕЛЕНЫМ КЛАНЯЮСЬ ДЕРЕВЬЯМ...

Зеленым кланяюсь деревьям,
Дневному радуюсь лучу.
Опять надеяться и верить,
Любить и чувствовать хочу.
И сны весенние мне снятся,
И сердцу хочется опять
Всему живому удивляться
И все живое удивлять.
Летит ли птица над волною,
Скользит ли лодка по волне—
Все это связано со мною,
Все это сызмальства во мне.
От лопнувшей внезапно почки
Незримый протянулся мост
К моей нетерпеливой строчке,
От строчки—к миллиардам звезд.
Дано мне высшее познанье,
Чтоб чувством понимать шестым
Язык цветов и воркованье
Голубки под окном моим.

БЕССОННИЦА

Бессонница — моя поклонница,
Она любовница моя.
Бывает так, что люди ссорятся,
Но с нею не поссорюсь я.
Мои сомненья и мученья
И все, чем я живу давно,
В бессмертное стихотворенье
Когда-то вылиться должно.
Курю. Дымок летит устало,
Я чиркнул спичкой
В сотый раз...
Когда тепла людского мало,
И спичка согревает нас.
Звезда скатилась
Резким светом,
Во мраке высветив черту.
Зачем я в переулке этом?
Кого ищу,
Куда иду?
Осенняя заря не скоро
Окрасит дальний край земли.
Я звезды сторожу, чтоб воры
Украсть их с неба не могли.

ГЛУБИНА

Когда я вижу глубину морскую,
Куда рыбак забрасывает сеть,
Мне так завидно! Душу бы такую
Бездонную, безбрежную иметь,
Чтоб глубину и радости и горя
Почувствовать больнее и острей!
Душа должна глубокой быть, как море,
Чтоб море позавидовало ей.

КОНЕЦ МОЕЙ ВОЙНЫ

Михаил ПЕТРОВ

Рассказ

Рисунки А. Лурье.

Я был убит в начале августа сорок пятого года у подножия Пулковской высоты, метрах в ста вверх по склону от гранитного верстового столба на бывшей Царскосельской дороге. Это была моя первая смерть, и все, что связано с ней, я помню так ясно, как будто это произошло вчера. Я помню, как перед атакой по команде дяди Коли мы выстроились в придорожном кювете, гремя оружием, собранным нами в залитых водой колпинских блиндажах и торфяных ямах под Мгой. Перед нами уступами уходил вверх голый склон, заросший высоким репейником и лопухами и лишь кое-где утыканный изуродованными остовами дубов и лип. На вершине четко вырисовывался на фоне бледного неба причудливый контур развалин обсерватории, портик главного входа, опирающийся на пустоту, кружевной каркас одного из куполов.

Обсерватория была основной целью атаки. Дядя Коля встал с земли; от его голой спины пластами отвалилась глина, лимонки загремели в раздутых карманах галифе. Размахивая костылем, он произнес обычную в таких случаях речь, и мы бросились в атаку вверх по склону. Через минуту я был убит. Лимонка, брошенная дядей Колей, разорвалась перед нашей цепью; по его команде мы упали лицом в пыльный репейник, и когда я, стряхнув со спины куски дерна, сделал попытку встать, чтобы догнать уходящую цепь, дядя Коля вдруг обернулся и, путаясь костылем в лопухах, заковылял ко мне. Цепь остановилась, все напряженно следили за нами. Дядя Коля сверлил меня глазами, снимая с плеча автомат. Я замер, не в силах двинуться, ужасное предчувствие парализовало меня.

— Ты убит,— тихо сказал дядя Коля,— прощай, Леша!

Одной рукой, медленно, как бы превозмогая смертельную усталость, он поднял автомат и дал очередь вверх. В этот момент он был страшен, как сама смерть, и еще долго после того дня при мыслях о смерти она неизменно представлялась мне в виде дяди Коли — тщедушного мужчины с серым от пыли лицом и с пеной в углах рта. Так дядя Коля подарил нам высшее блаженство — он научил нас умирать.

Это произошло не сразу. Перед этим всю весну и все лето каждый день мы собирались на берегу Невы у пролома в стене парка Смольного монастыря и, развернувшись в цепь, сначала ползком, а потом поднявшись во весь рост, атаковали полуразрушенное здание монастырской трапезной.

Это был остов двухэтажного флигеля, к единственному уцелевшему фасаду которого силами нашего домового комитета была пристроена наспех сколоченная эстрада для детского духового оркестра. С берега Невы флигель почти не был виден за огромными деревьями, только едва светлели сквозь кисею тополиного пуха, повисшего между стволами, ободранные пилястры, гипсовые гирлянды и вазы барокко.

Мы подходили ближе, не пригибаясь, но и не стреляя из своих деревянных автоматов, каждый раз охваченные лихорадочной дрожью ожидания чуда: сопротивления, вспышек ответного огня из темных проемов овальных окон, ран и судорог от боли. Но флигель оставался немым и поэтому непобедимым.

И хотя мы врывались в его окна, перескакивая через эстраду, как через крепостной бруствер, и в диком возбуждении носились по его залам, победителем всегда выходил он, а не мы. Мы же, ничего не добившись, а лишь усилив в себе ощущение безысходности наших действий, плелись через пролом к Неве, подобно капитулирующим войскам, бросали в кучу свое оружие и, обессиленные, лежали на бревнах у самой воды.

Однако флигель, безмолвный и по-прежнему неприступный, привлекал нас, как магнит. Только что закончившаяся война все еще гре-

мела в наших головах взрывами блокадных обстрелов, воем мин и автоматными очередями из кинохроник. Каждую ночь во сне мы видели танковые прорывы, уничтожение пехоты самолетами-штурмовиками, морские десанты под огнем противника. Этот ни на минуту не утихающий огонь и грохот заставляли нас ерзать на партах, пялить глаза на учителей во время опроса, в две минуты проглатывать дома обед и, спотыкаясь, нестись в лавку за керосином, а вечером он бросал нас, заранее приговоренных к поражению, в атаку на беззащитное здание с пристроенной к нему нелепой эстрадой.

Эти военные действия стали предметом мучительного беспокойства для моей бабушки, вместе с которой мы только что вернулись в Ленинград из эвакуации. Бабушкина война окончилась с возвращением домой, то есть в тот самый вечер, когда мы впервые вошли в нашу пустую квартиру, где остался только огромный кожаный диван со следами топора на дубовых подлокотниках и бронзовые часы с двумя ангелами по бокам циферблата. Я еле удерживался тогда, чтобы не заплакать, потому что понятие «наш ленинградский дом» не имело для меня ничего общего с забытой опустошенной квартирой, с сумраком от фанеры в окнах, с хрустом стекла под ногами на изрубленном паркете. Бабушка заметила это и сказала:

— Не горюй, Леша... Видишь, кое-что у нас осталось. Они не взяли часы из-за того, что у них не было ключа. А к этим великолепным часам не так-то просто подобрать ключ. Смотри!

Она отступила назад, на середину комнаты, и, плавно взмахнув рукой, жестом фокусника, достающего кролика или голубя из пустой коробки, вынула из сумки огромный ключ, который, случайно захватив из дому при отъезде, хранила всю войну, и завела часы. Они пошли, буквально через минуту куранты заиграли музыкальную фразу из вальса Грибоедова, и раздалось пять ударов. Бабушка поставила на часах точное время, поцеловала меня в голову и сказала: «Поздравляю тебя с возвращением домой». Этот фокус с ключом, этот неожиданный вальс и торжественная фраза, обращенная ко мне, были предназначены не только для того, чтобы утешить меня,— все это было для бабушки священнодействием, ритуалом, отмечавшим конец войны.

Закончив в молодости женские педагогические курсы, бабушка некоторое время работала в Институте мозга у Бехтерева, ставшего для нее чуть ли не богом. После моего рождения она создала и применила ко мне специальную педагогическую систему, основанную на бехтеревской рефлексологии. Все свои наблюдения за мной и выводы из них в течение многих лет бабушка заносила в папку с моей младенческой фотографией на обложке и с надписью «Нервный ребенок». Много лет спустя эта папка попала мне в руки; в этом своем исследовании бабушка своеобразно препарировала мою личность, представив ее в виде сочетания неустойчивых рефлексов, неожиданно проявившейся лживости, заикания и связанных с этим проявлений детской агрессивности и т. п. Там были зарегистрированы мельчайшие черты моего характера: боязнь темноты, отвращение к молочным пенкам и даже склонность снашивать левый ботинок быстрее правого.

Моя новая страсть пробила брешь в стройной системе бабушкиных представлений обо мне. Стремясь удержать инициативу исследователя в своих руках, бабушка разными способами старалась отвлечь меня от нее. Не раз, растянувшись цепью на исходной позиции для атаки, мы замечали ее высокую, грузную фигуру, мелькавшую между деревьями.

Она подходила к нам, высокомерная и элегантная в своей вельветовой юбке, во френче и английской шляпе покойного дедушки, смятой особым образом и надвинутой с затылка на самые брови так, как надвигают кепки шоферы, когда едут против солнца. Методично и сухо она объясняла нам правила игр своего детства, или по крайней мере детства ее детей, и сама ударяла ревматической ногой в узком растрескавшемся ботинке по доске, на которой лежали двенадцать палочек, или кричала: «Штандер!»— пытаясь подбросить вверх теннисный мяч.

Но все было напрасно: мы только крепче сжимали в руках деревянные автоматы, ожидая, когда она уйдет. Тогда бабушка стала покупать мне билеты на балетные утренники и принесла из филателистического магазина большой альбом с марками, на который истратила деньги, предназначенные для покупки дров на зиму. Но не помогло и это.

Вечерами, придерживая у глаз пенсне со сломанной пружиной, она задумчиво перелистывала страницы в папке «Нервный ребенок», вновь и вновь анализируя и обобщая свои наблюдения и стараясь представить себе, что предпринял бы Бехтерев в этом трудном положении. Когда глаза ее утомлялись, она выходила на балкон и долго сидела там на ящике из-под стекла, в котором возились и кудахтали две наши курицы — рыжая и белая.

Бабушка ненавидела войну так, как может ненавидеть ее старая женщина, потерявшая во время блокады мужа и двух сестер. Поэтому ее растерянность из-за педагогических неудач смешивалась со страхом за меня и со стыдом перед покойным дедушкой, тетей Соней и тетей Верой. И именно в эти минуты, когда она в сумерках сидела на балконе и, охваченная чувством стыда и страха, вслушивалась в гулкое воркование голубей, поселившихся под карнизом нашего дома, в ее сознании неожиданно, как свет, вдруг включенный в темной комнате, возникала способность трезво оценивать реальное соотношение сил.

Тогда она понимала, какими жалкими выглядят балетные утренники и «штандер» по сравнению с чудовищными силами, унесшими ее мужа и сестер и теперь поработившими меня. Ее охватывало отчаяние; дважды в такие минуты она теряла самообладание, бросалась в прихожую и, отыскав там в потемках мой автомат, пыталась разбить его о косяк двери. Но и это ей было не по силам. Стыдясь своей несдержанности, она вновь горестно усаживалась на балконе; голуби над ней еще долго возились и ворковали, белые капли помета падали на перила балкона и на ее неподвижные плечи.

В сумеречном свете белой ночи мне с дивана был ясно виден ее мужественный профиль, похожий на профиль Христофора Колумба из Детской энциклопедии, жидкий узелок волос, всегда косо сидевший на затылке, шнурок от пенсне, свисавший от уха к высоко поджатым коленям. Наступила ночь, кариатиды и маски серого здания напротив, обезображенные полосами голубиного помета, погружались в светлую мглу, ночной ветер проходил по вершинам монастырских тополей; задремавшая бабушка зябко вздрагивала и, с грохотом отодвинув ящик и разбудив кур, входила в комнату.

Она ложилась рядом со мной на наш единственный диван, и я прижимался к ее теплой спине. Тогда она поворачивалась и благодарно обнимала меня, охваченная надеждой. Мы засыпали, обнявшись, и уже сквозь сон слышали, как вальс Грибоедова отзванивает полночь. Через минуту бабушка нежно похрапывала, не

выпуская меня из ослабевших объятий; она видела во сне белые соборы родной Костромы и тихую Волгу. Мне же по обыкновению снились столбы дыма от горящих среди снежного поля танков, взорванные мосты, рвущиеся из рук автоматы.

Ежедневный позор наших капитуляций в парке неожиданно прекратился с появлением дяди Коли. Это произошло поздним вечером в конце июля. Мы лежали на бревнах после атаки, и вдруг кто-то из нас обратил внимание на неясное светлое пятно в сгустившихся сумерках, которое описывало вокруг нас широкие полукруги, то приближаясь, то удаляясь. Наконец, как бы прибитое к нам волнами темноты, оно придвинулось ближе и превратилось в тщедушного мужчину с костылем, в светлой бобочке, висевшей на нем, как на вешалке, в широких немецких галифе и в веревочных тапочках на босу ногу. Это был дядя Коля. Остановившись в нескольких шагах от нас, он поворошил ногой кучу нашего бутафорского оружия и сказал невнятно: «Эх, вояки...» Уже тогда что-то изнутри подсказало мне, что это наш спаситель.

Война дяди Коли продолжалась, так же как и наша. Полтора года назад он был контужен взрывом противотанковой мины, и нарастающий вой этого взрыва, постепенно переходящий в мучительный, уже не слышный, но вызывающий тошноту и боль в глазных яблоках гул, с тех пор остался звучать в его ушах. В госпитале его подлечили, но так и не избавили от этого непрерывного грохота, пообещав лишь, что со временем он утихнет сам собой. Пытаясь смириться с этим мучительным явлением, дядя Коля пристрастился к внешнему шуму, который, заглушая внутренний грохот, создавал иллюзию тишины.

Шум стал для дяди Коли потребностью такой же, как сон или водка. И когда он стоял, притиснутый к стойке в нашей пивной, среди криков и ругани, таких оглушительных, что казалось, посетители молча напрягают до красноты лица и беззвучно разевают рты, или когда он слонялся по Охтинскому мосту у судоремонтного завода под вопли судовых сирен и очереди клепальных молотков, его обычно сморщенное и напряженное лицо разглаживалось, искажавший его тик прекращался, оно принимало то мимолетное выражение покоя, какое бывает у очень усталых людей, наконец-то вытянувшихся в своей постели, за мгновение до того, как они засыпают.

И наоборот: когда он выходил тихими вечерами в парк посидеть на ящиках у подъезда и поговорить со стариками про войну, ему очень скоро становилось невмоготу. Иногда, не в силах больше сдерживаться, он бросался в подъезд, через минуту выскакивал с двустволкой брата и палил в воздух одновременно из обоих стволов.

— Сумасшедший!.. Контуженый!..— выкрикивали из окон и с балконов возмущенные жильцы нашего дома.

А дядя Коля, удовлетворенный, вновь усаживался среди стариков и объяснял им:

— Мне выстрелить дуплетом — все равно что двести грамм выпить.

Дядя Коля принял командование над нами, и теперь нашим плацдармом стал не монастырский парк с полуразрушенным зданием трапезной, а мужественный склон Пулкова. В наших ушах зазвучали не собственные вопли, а взрывы гранат и треск автоматных очередей, которые непрерывно производил дядя Коля, получавший здесь ежедневную дозу тишины, так необходимую каждому человеку. Нас же он научил умирать, что было для нас необходимо не в меньшей степени: ведь смерть в бою равносильна победе.

В начале августа я одним из первых испытал наконец счастье победы, когда, засыпанный землей, лежал, уткнувшись лицом в пыльный репейник, а дядя Коля, сказав: «Прощай, Леша!»— дал надо мной траурную очередь. Грохочущая и стреляющая цепь ушла вверх

и я остался один. Потрясенный происшедшим, я некоторое время лежал неподвижно вниз лицом, но мне стало душно, пот, стекавший с шеи, заливал мне глаза и нос.

Тогда я перевернулся на спину, и в этот момент меня до такой степени охватило ощущение реальности собственной смерти, что я вдруг с ужасом почувствовал, как земля подо мной становится все горячее от крови и как с кровью уходит из меня жизнь. Мне показалось, что мое тело с каждой каплей крови теряет вес и вот-вот медленно оторвется от своего горячего ложа и поплывет ввысь над заросшими окопами, над изуродованными деревьями, над бескрайними картофельными полями, цветущими белым и лиловым цветом. Эта картина возникла в моем сознании так ясно, что для того, чтобы избавиться от нее, я вскочил на ноги, спустился вниз, к шоссе, и сел там на траву, прислонившись спиной к гранитному цоколю верстового столба.

Время шло, выстрелы и взрывы были еле слышны отсюда; по ним я догадывался, что дядя Коля производит тактические маневры у самой обсерватории, то охватывая ее с флангов, то штурмуя в лоб. Наш отряд сильно редел, и уже во многих местах на склоне были видны одинокие, казавшиеся бесплотными в колеблющемся жарком мареве фигуры убитых, спускавшиеся сюда, ко мне, в царство мертвых. И, наконец, когда сверху раздался троекратный залп — салют в честь взятия высоты и одновременно в честь павших на поле боя, мы, убитые, поднялись на вершину, возвратившись из нашего получасового небытия и присоединившись к тем, кому на этот раз удалось выжить.

По моим ежедневным отлучкам, по обоймам патронов у меня в карманах, по вскрикиваниям во сне бабушка давно догадалась, что со мной происходит. Я был убит под Пулковом несколько раз, для нее же я умирал каждый день. Каждый день она ждала телефонного звонка, ей представлялась больница в Московском районе, мертвецкая, пропахшая карболкой, черное, обожженное, как у тети Сони, лицо, бумажные цветы, похороны во всех подробностях (бабушка была большим специалистом по организации похорон), ее собственные обессиливающие рыдания в тот жуткий момент, когда в могилу опускают гроб.

Неспособность бабушки помешать этому, спасти меня, крах ее педагогической системы, результатом которой оказался абсурд, разгул темных сил, завладевших моей личностью,— все это сильно подействовало на ее здоровье. За свою долгую жизнь бабушка привыкла к потерям, но этой потери, такой бессмысленной и поэтому такой горькой, она не могла перенести безболезненно. Она стала хворать, обострилась ее давнишняя язва желудка, от которой, по ее словам, она излечилась голодом во время блокады. По ночам ее тошнило, она вставала с нашего дивана, шаркая туфлями, шла на кухню и зажигала там свет.

Ей стало совсем плохо в тот сентябрьский день, когда пронесся слух, что в Поповке взорвались на мине пятеро школьников. Весь день и ночь бабушка не вставала, и только под утро я услышал ее шаги, на этот раз особенно медленные, потом шаги прекратились, и до меня долетел звук падения тяжелого тела на пол. Я бросился на кухню: там было темно, за окном сумеречно светился парк, бабушка в ночной рубашке стояла на полу на четвереньках. Я включил свет, и в этот самый момент, поняв, что я появился рядом, она, для которой было совершенно недопустимо предстать передо мной в таком унизительном положении, медленно поднялась на колени, вложив в это движение нечеловеческое усилие.

Это было страшное зрелище. В свете яркой лампы большое плоское лицо бабушки, с тусклыми, как у слепой, глазами и с черной струей крови, текущей через переносицу (при падении она ударилась лбом об угол стола), показалось мне совершенно незнакомым. Мне показалось, что эта страшная, чужая старуха сейчас бросится на меня, но, преодолев ужас, я подхватил ее под мышки и потянул вверх. Однако, так и не оторвав колен от пола, бабушка снова стала оседать вниз, неудержимо, как тонущее судно, увлекая меня за собой.

Когда ее увозили на «Скорой помощи», она, лежа на носилках, покрытая больничным одеялом, такая же чужая и незнакомая, как ночью на кухне, взяла мою руку в свою и, слабо пожимая ее, зашевелила губами, еле слышно говоря: «Леша, прошу тебя, прошу тебя...» Я наклонился к самому ее лицу, и мне показалось, что она прошептала: «Прошу тебя, будь моим». Но потом, уже громче, она повторила несколько раз: «Будь умным, будь умным»— и закрыла глаза, обессиленная своим унижением передо мной, начавшимся еще ночью и снова проявившимся в этой бессвязной мольбе.

Теперь, когда я остался один, ничто, даже пассивное присутствие бабушки, не могло помешать моим поездкам в Пулково. После атак я, выживший или убитый дядей Колей и им же воскрешенный, лежал вместе со всеми на бурно разросшейся траве газонов возле обсерватории. Здесь, на вершине, дул ровный теплый ветер, отсюда был виден весь город и мертвенная поверхность Маркизовой лужи с Кронштадтом и фортами, похожими на необитаемые острова.

Дядя Коля лежал тут же, между убитыми и выжившими, единственный бессмертный среди нас, главнокомандующий, никогда не говоривший: «В случае моей гибели передаю командование такому-то». Грудь его мерно вздымалась, глаза были полузакрыты, и только все чаще появлявшийся на лице тик свидетельствовал о том, что тишина покидает его, что в его мозгу вновь начинает нарастать грохот противотанковой мины, запечатленный там, как на бесконечной магнитофонной ленте.

Меня вдруг начинали захлестывать волны нежности к этому щуплому, вздрагивающему человеку, казавшемуся мне таким беззащитным. Я еле удерживался от того, чтобы подползти к нему, заглянуть в запрокинутое подергивающееся лицо и сказать: «Я люблю вас, дядя Коля».

Перемирия наступали для нас только по воскресеньям, когда обилие огородников, убиравших у подножия Пулкова картошку, мешало военным действиям. Субботние атаки бывали особенно яростными. Погибали буквально все, некоторые даже по два раза, один только дядя Коля оставался в живых, хотя казалось, что он специально ищет смерти. Смерть страшна, когда чувствуешь сильную привязанность или ненависть к кому-нибудь,— можно было поручиться, что ни того, ни другого дядя Коля не чувствовал.

Этому препятствовал грохот в его мозгу, который не утихал со временем, как было обещано врачами в госпитале, а, наоборот, усиливался, и поэтому заглушать его становилось все труднее. По субботам, перед воскресными перемириями, дядя Коля бросал гранаты не менее чем по три штуки за раз и не ложился после этого на землю, так что его каждый раз сбивало с ног взрывной волной.

После двойной порции выстрелов, взрывов и смертей ночами под воскресенья я почти не спал и всю первую половину воскресного дня слонялся, измученный бессонницей, по нашей пустой квартире, чувствуя себя не в силах ни читать, ни делать уроки, подолгу разглядывая свое лицо в зеркале в полутемной прихожей, ложился на диван и засыпал, просыпаясь от низкого осеннего солнца, бьющего в лицо. Мои мучения прекращались лишь тогда, когда вальс Грибоедова сообщал, что уже шесть часов и что пора отправляться к бабушке в больницу. (Бабушка не любила воскресной больничной суеты и договорилась, чтобы меня пускали к ней перед ужином.)

Через ржавые больничные ворота я входил в уже опустевший больничный сад и долго шел в другой его конец по тропинке, вытоптанной среди огромных пространств нетронутых опавших листьев, ощущая, как мало-помалу в моей душе наступает мир. На повороте тропинки у противоположной стены сада, за которой виднелись освещенные закатом крыши пакгаузов, красное здание тюрьмы, семафоры и столбы паровозного дыма, я каждый раз встречал молодую женщину в белом халате с двумя эмалированными ведрами в руках, на одном из которых была надпись «Второе», а на другом — «Сладкое». Ее коренастая фигура, появляющаяся из-за поворота, еще более усиливала во мне чувство мира и успокоения, порождая вместе с тем непонятные тревожные предчувствия. Однако, как только мы расходились, как только я, чтобы не коснуться ее, сходил с тропинки и ее широкое юное лицо проплывало совсем рядом с моим, я тотчас же забывал о ней, занятый мыслями о предстоящей встрече с бабушкой.

Бабушка лежала в большой палате у окна, отгороженная двумя стеклянными ширмами от других больных. Здесь, в больнице, я с трудом узнавал ее — так сильно она изменилась за время болезни. В конце концов я понял, в чем тут дело: лицо бабушки утратило

СИБИРСКИЕ ПЕСНИ

В. ПУХНАЧЕВ

Песня охотника

Скажу вам по правде, ребята,
Охотники — ловкий народ!
Медведь, или, скажем, сохатый,
От верной руки не уйдет.

Тайга нам сызмальства родная,
А сметка приносит успех.
Знакома нам тропка любая,
Под небом привычен ночлег.

Займется заря-зарница,
Костер угасает ночной,
Идем за огневкой-лисицей,
За белкой идем голубой.

былую мужественность, болезненная слабость сделала его нежным, женственным и добрым.

Как только я, подобрав полы длинного халата, усаживался на табурете у ее кровати, она забрасывала меня деловыми вопросами о том, много ли у меня троек, получил ли я ее пенсию и не потерял ли продуктовые карточки. Я отвечал на ее вопросы рассеянно и односложно, потому что мной внезапно овладевала мысль о том, что бабушка уже не выйдет из этой больницы, что она умрет и я останусь один.

Бабушка лежала с распущенными волосами, вся в розовом свете опускающегося за крыши пакгаузов солнца, ее губы беспрерывно шевелились; покончив с текущими делами, она начинала говорить о том, что я должен чаще думать о моей матери, служившей тогда переводчицей в оккупационных войсках в Германии, и готовиться к встрече с ней, потому что ее возвращение уже не за горами. Но я почти ничего не слышал, охваченный тоской и страхом от предчувствия бабушкиной смерти. В конце концов она замолкала, откидывалась на подушки и медленно говорила, в который уже раз поражая меня своей безотказной способностью читать мои мысли:

— Не бойся, Леша, я не умру. Я чувствую, что теперь я не умру.

Она начинала ободряюще улыбаться, хотя по ее белому лицу все еще текли слезы, вызванные воспоминанием о моей матери. И, глядя на это новое для меня лицо, я вдруг отдавал себе отчет в том, что не чувствую больше превосходства бабушки надо мной, ее непрестанного жесткого руководства, переходившего время от времени в невыносимый гнет. В такие минуты я почти любил бабушку, во всяком случае, в полной мере чувствовал, как сильно к ней привязан; на эти несколько минут она занимала в моей душе как раз такое место, за обладание которым боролась уже много лет.

Когда я уходил, она еще раз повторяла, произнося слова медленно, как бы диктуя:

— Я не умру, я это точно знаю. Не бойся.

Высокомерный и по-бехтеревски повелительный тон этой фразы, так не подходящий к теперешнему женственному и нежному облику бабушки, свидетельствовал о том, что тяжелый удар, нанесенный ей силами зла и хаоса в лице дяди Коли, не сломил ее и что она полна решимости продолжать с ними борьбу.

Ощущение мира и успокоения не проходило и вечером, когда я возвращался домой и, действуя по инструкции бабушки, сбрасывал куриц с балкона на вечернюю прогулку. Хлопая крыльями и кудахтая, они исчезали в сгустившейся тьме под деревьями, а я, ожидая, когда истечет срок их прогулки, садился на ящик из-под стекла и слушал нестройную и мягкую музыку детского духового оркестра, игравшего на эстраде у полуразрушенного флигеля.

Вечера в ту осень были безветренные и теплые, как летом; у самой воды, на краю большой скошенной поляны, жгли мусор, огни костров горели неподвижно, как свечи, и дым висел слоями над скошенной травой. Я блаженствовал, сидя на ящике, позабыв о том, что завтра меня ожидают новые кровопролитные бои. Резкие фальшивые ноты, то и дело возникавшие в игре оркестра, отзывались во мне со сладкой тревогой и печалью и вызывали в воображении то нежное и доброе лицо бабушки, залитое розовым светом заходящего солнца, то облик женщины с белыми ведрами из больничного сада.

Бабушка вышла из больницы в конце октября и, продолжая наблюдать за мной так же внимательно, как и раньше, скоро заметила изменения, происходящие во мне. Однако в поисках решения, которое должно было принести ей наконец победу над дядей Колей в борьбе за меня, она сделала шаг, очень рискованный с педагогической точки зрения, но по остроумию и решительности достойный ее знаменитого учителя. Это произошло перед ноябрьскими праздниками. Однажды за завтраком, пристально глядя мне в глаза, как врач, изучающий реакцию зрачков больного на свет, она сказала:

— Леша, прошу тебя сегодня вечером быть дома. К нам придут гости — моя бывшая сослуживица с внучкой.

У нас не было гостей со времени приезда из эвакуации, и это бабушкино сообщение так поразило меня, что я остался дома. Ровно в восемь вечера раздался звонок, я открыл дверь и увидел на лестнице маленькую сухую старушку и девочку моего возраста, закутанную в старую шаль. Старушка отстранила меня, засеменила к бабушке, тряхнула ей руку, и они обнялись по-мужски, без поцелуев, а лишь сжав друг другу плечи и зафиксировав это положение в задумчивом и печальном молчании, как однополчане давно расформированного полка. Наконец, не меньше чем через минуту, бабушка, решив, что ритуал встречи пора заканчивать и переходить к деловой части, высвободилась из объятий и сказала, подтолкнув меня к девочке:

— Леша, познакомься, это Светлана.

Я изобразил улыбку на скованном от смущения лице, хриплым голосом сказал: «Добрый вечер» — и увидел обращенное ко мне бледное в тусклом свете нерусское лицо и белые волосы, выбившиеся из-под шали. Я подозреваю, что и Светлана была тогда объектом каких-то педагогических экспериментов, цель которых так и осталась мне неизвестной. Что же касается меня, то расчет бабушки оказался точным: с этого дня регулярность моих поездок в Пулково нарушилась, потому что теперь я стал встречаться со Светланой и вскоре влюбился в нее.

Почти каждый вечер я поджидал ее у школы с тем же постоянством, с каким весной и летом приходил к пролому в стене нашего парка, а осенью встречался на кольце трамвая у Смольного с дядей Колей. Мы ходили с ней в кино или на каток, и, когда отогревались в раздевалке, в тесноте прижатые друг к другу, я начинал говорить ей о том, что в более зрелом возрасте стало моей излюбленной темой в разговорах с женщинами, на которых я хотел произвести впечатление: я рассказывал ей об ощущениях человека, умирающего от ран посреди пустынного поля. Это неизменно порождало сильный эффект. В волнении схватив меня за руку, она говорила:

— Ты рассказываешь, как о себе...

Я молчал, потому что считал бессмысленным объяснять ей, что рассказываю как раз о себе, что я сам много раз умирал от ран посреди пустынного поля. Когда же с наступлением холодов дядю Колю по настоянию его брата забрали в больницу хроников, я перенес это гораздо легче, чем мои приятели, и не стал вместе с ними пытаться продолжать военные действия без нашего главнокомандующего, потому что уже знал, что́ заполнит пустоту, вакуум, образовавшийся в моей душе с уходом дяди Коли. Война для меня окончилась. Начался новый период моей жизни, определенный и предсказанный бабушкой в последнем разделе папки «Нервный ребенок» под названием «Влечение к иному полу».

Только однажды, где-то в середине зимы, эта новая жизнь была нарушена внезапным коротким возвратом к прошлому. В нашем дворе пронесся слух, что дядя Коля гуляет по утрам в саду больницы хроников и что многие люди видели его сквозь решетку сада с улицы. На следующий же день я сбежал с первых уроков и целый час стоял на морозе у больницы, прежде чем увидел его. Он бодро шел по утоптанному снегу в белых валенках армейского образца, в синем стеганом балахоне, пополневший и разрумянившийся. Время от времени он вскидывал костыль к плечу, как винтовку, и прицеливался в галок, сидевших на деревьях.

Когда я окликнул его, он резко повернулся и прицелился мне в грудь. По выражению его лица мне показалось, что он хочет что-то сказать, и я подумал, что он скажет сейчас, как полгода назад на пулковском склоне: «Ты убит... Прощай, Леша!» Но он сделал только округлое детское движение губами, изображавшее выстрел, и вырвавшееся при этом у него изо рта облачко пара действительно напоминало выстрел с далекого расстояния, когда жертва успевает заметить лишь дымок из дула, а звука уже не слышит.

Произведя эти действия, дядя Коля удовлетворенно, как стрелок, поразивший цель, опустил костыль и пошел прочь, скрывшись через минуту за снежными кучами. Больше я не пытался встретиться с ним, занятый разными новыми делами, и в частности любовью к Светлане, которая продлилась до самых летних каникул.

На спуске охотничий палец,
Винтовка легка на весу.
Меха для сибирских красавиц
Добыты в сибирском лесу!

Сибиринка

Прошел я полсвета, судьбы
не встречая,
По жизни, по трудным дорогам
прошел.
В Сибири таежной, где вовсе
не чаял,
Нежданно-негаданно счастье
нашел.

Здесь утренней зорькой
в косыночке яркой
Девчонка проходит на ферму,
друзья,
И мне вдруг до солнца становится
жарко.

О том говорю, ничего не тая.
В глазах у нее озорная искринка,
Походка ее — словно чайки полет.
Зовут на деревне ее Сибиринка,
А сердце любовью и счастьем
зовет.
Встаю до рассвета, ночами
страдаю,
Встречаю поутру ее и зарю,
Надеюсь, мечтаю, что свадьбу
сыграем,
А коль не ответит, как спутник,
сгорю!

Любовь

В таежных распадках речушка
Тайнинка
К морям открывает пути...
Но где та дорожка, дорожка-
тропинка,
Чтоб к милому сердцу прийти?

Любимый, быть может, не видит,
не знает
О верной девичьей любви,
Быть может, напрасно девчонка
гадает:
Ведь счастье зови не зови...

Ой, речка любая вливается в море,
Приходит с зарею рассвет!
А жить не любить — нету
большего горя,
Пусть даже взаимности нет!

Два океана

После службы в степь без края,
В Кулунду, попал моряк.
Хоть привольна ширь степная,
Он забыть не мог никак
Океанские просторы,
Жизнь родного корабля
И с друзьями разговоры
Вел про синие моря.
На комбайне, у штурвала,
Всю уборку с моряком
Рядом девушка стояла,
Синеглазая притом!
Он не мог понять причины,
Но синее с каждым днем
Моряку вблизи дивчины
Вся казалась степь кругом.

Говорит, что как ни странно,
Но случилось все же так:
В тех глазах два океана
В Кулунде нашел моряк!

Новосибирск.

В ГАВАНЕ У ДРУЗЕЙ

А. СОФРОНОВ

Самолет из Москвы в Гавану обычно прилетает рано утром и улетает также на рассвете. Такому расписанию есть свое объяснение. Летом в Гаване очень жарко. Для того, чтобы самолету оторваться от асфальтового покрытия аэродрома Гаваны, лучше всего выбирать часы относительной прохлады. Летнее расписание действует и зимой. Только на исходе полета из Москвы, за час до посадки, за окнами начинает светать. Все же остальное время самолет идет в темноте. На подлете к Гаване пассажирам интересно смотреть в окна самолета. Справа по борту земля Соединенных Штатов Америки — Флорида. Тонкие ленты дорог... Машины, бегущие по ним. Хорошо видимые дома. Большой материк Америки совсем близко от сравнительно небольшого острова Кубы. Большая земля, пытающаяся остановить, заморозить жизнь на острове, блокировать его, отрезать от всего мира. Но время сейчас не то. Маленькая Куба, которая расположена всего в 90 милях от берегов США, живет полнокровной трудовой жизнью, веселая, решительная, пышущая здоровьем.

Почти месяц мы прожили на Кубе в отеле «Гавана либре», участвуя в подготовке и проведении конференции Солидарности трех континентов. Теперь эта конференция уже позади. Она положила начало единству антиимпериалистических сил Азии, Африки и Латинской Америки. Несмотря на известные сложности, делегаты конференции приняли важные решения, мобилизующие народы трех континентов на борьбу за свободу, национальную независимость и мир для народов. Делегаты 82 стран были представлены на этой конференции. Наши хозяева кубинцы делали все, чтобы делегаты, подавляющее большинство которых впервые оказалось на Кубе, познакомились с жизнью страны. Поэтому мы имели возможность не только хорошо освоить удобный для жизни и работы отель «Гавана либре», но и посмотреть, как живет Гавана, чем занят кубинский народ.

На берегу океана стоит старая испанская крепость. Ржавые древние пушки подняли стволы в сторону океана. Здесь же мы видим кубинских солдат — черноглазых юношей, занимающихся строевой подготовкой. На параде 2 января 1966 года, в день 7-й годовщины революции, мы увидели хорошо знакомое нам вооружение. Никому не надо было объяснять, откуда это вооружение попало на Кубу. Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, делает все, чтобы Куба была уверена в своем будущем. Здесь не надо громких слов. Нужна братская помощь и понимание огромной роли кубинского народа, роли этого острова, похожего на корабль, вокруг которого плещет далеко не тихий океан. Чтобы понять, что такое Куба, надо быть на Кубе, слышать стотысячные голоса гаванцев, клянущихся сражаться за свободу. Но понять Кубу можно не только на военном параде. Гавана сама отвечает на все наши вопросы. Гавана в голосах ребятишек, раскатывающих на роликовых коньках по каменным тротуарам. Она в современных, удобных домах, построенных на побережье океана. Архитекторы расположили их так, чтобы океанский ветер продувал жилища в знойные, душные дни. Мы побывали в поселке Восточная Гавана, хотя это не поселок, а большой новый район, своеобразные гаванские Черемушки, где живут те, кто раньше ютился в подвалах и лачугах. Несколько лет назад я был в Панаме и запомнил расположенные неподалеку от богатых вилл и особняков хижины, кое-как сбитые из фанеры, жести и банановых листьев. Куба и Панама похожи по природе и климату. Да это и естественно: они недалеко друг от друга. Но вот таких новых, красивых и удобных домов для трудящихся в Панаме нет. Куба недавно отметила свой семилетний юбилей, а уже много сделала для своих граждан. В поселке Восточная Гавана нас окружили ребятишки — они бежали к нам, катили на двухколесных и трехколесных велосипедах. «Русские приехали, из Москвы!» — кричали они. То, что русские,— для них не было новостью, а вот что из Москвы,— это была новость. Русских они знают, тех, что живут и работают здесь же, поблизости от Восточной Гаваны, в большой больнице и других местах. А вот из Москвы — это новые да еще приехавшие на конференцию «Триконтиненталь». Мы стояли на океанском ветру возле новых домов с лестницами, укрытыми от жаркого солнца красивой кирпичной кладкой, и нам приветственно махали руками жители этих домов — рабочие и работницы, матери и отцы этих шумных и веселых ребятишек.

Гавана — большой и красивый город. Возле побережья в сравнительно новой деловой части многоэтажные здания, отели, старые банки, выставочные помещения. Но есть еще и старая Гавана. Посеревшие от времени старые церкви, небольшие площади с булыжной мостовой, дома с потрескавшимися колоннами, узкие каменные переулки. В музее мы увидели прошлое Гаваны: пожелтевшие карты города, ржавые пистолеты, картины. Массивные торговые книги. Веера знатных дам. Лампы с потрескавшейся лаковой облицовкой. И даже... ярко-красную, на конной тяге, пожарную колесницу с лондонской маркой. Англия хотела уберечь Гавану от пожаров. Служащие музея с увлечением показывали нам музейные экспонаты, но в конце беседы сказали:

— А вы видели новую школу искусств?

— Еще нет.

— Посмотрите, иначе впечатление будет неполным...

Если уж работники старого музея нам советовали, то как же мы могли не побывать в этой школе? И мы отправились в Высшую школу искусств. Расположена она на окраине Гаваны, вдали от шума городского. И это тоже удовольствие — ехать по зеленым улицам Гаваны. Мимо небольших, тесно прилегающих друг к другу старых особняков. Мимо своеобразного комбината развлечений, где высятся пестрые карусели и русские горки. Мимо множества спортивных площадок и стадионов, где юноши и девушки играют в баскетбол и теннис, прыгают в длину и высоту, бегают и метают диски и копья... С любовью относятся гаванцы к своему городу. Какой только замысловатой формы деревьев вы не встретите на аллеях! Здесь и колокола. И шары. Ажурная стрижка. И все зеленое, лист к листу... Но вот мы оказались уже совсем за городом и подъехали к большому широкому зданию. Старик с винтовкой в руках сказал нам:

— Салют!

Из здания вышла молодая полная женщина в брючках.

— Клара Гармендья, секретарь школы искусств,— представилась она.— Сегодня воскресенье, учащиеся отдыхают... Но это не имеет значения. Давайте сначала посмотрим здание, где работают художники и скульпторы.

Мы направились к зданию на первый взгляд несколько странной формы — цепь небольших куполов из красного керамического кирпича, связанных общей постройкой. Вокруг трава и склонившиеся под ветром пальмы. И синее небо. И тишина. Но странным помещение, где работали художники, выглядело только снаружи. Внутри оно оказалось очень удобным. Здесь же были выставочные помещения и студии. На стенах расположены картины — работы учащихся школы. Работы современной манеры, сделанные остро, с экспрессией, яркими, близкими к природе Кубы красками. Смотришь картины — и словно читаешь историю борьбы кубинского народа. Бои в горах Сьерра-Маэстра и на Плайя-Хирон. Работницы вышивают красное знамя... Идет уборка сахарного тростника... Рыбаки вытягивают сети... Здесь же выставлены и произведения скульптуры — и ультрасовременные и реалистические по форме. Возле школы стоят фигуры революционных деятелей Кубы — работы молодых скульпторов. Среди них мы узнаем Хосе Марти, человека, отдавшего всю свою жизнь кубинскому народу...

— Мы очень гордимся нашей школой,— говорит Клара,— она построена уже после революции. А теперь посмотрим здания для учащихся хореографического отделения и театрального. Учащихся сейчас нет. Они на стадионе, готовят представление для делегатов конференции.

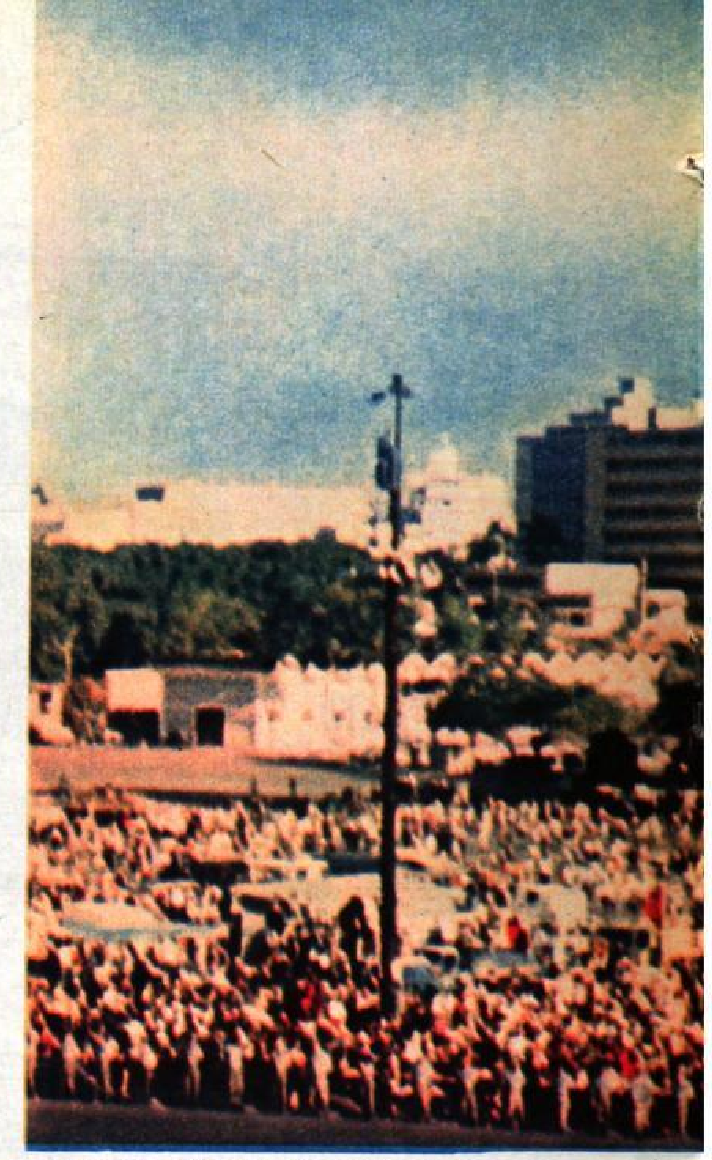
И одно и другое помещения оказались отличными.

— Учится у нас здесь около шестисот человек,— рассказывала нам Клара.— Здесь же общежития и другие учебные помещения.

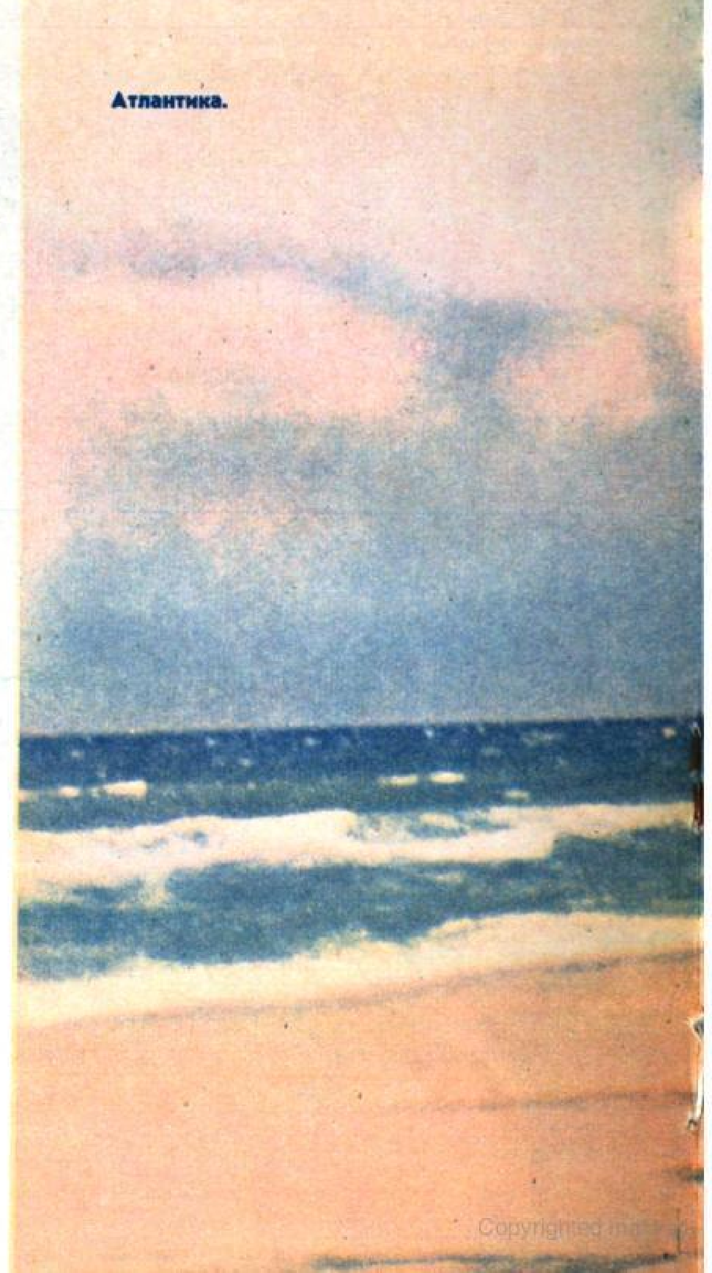
Мы вернулись к административному зданию. Оно выглядело более старым. Клара предупредила наш вопрос:

Это Гавана...

Новые дома.

2 января 1966 года на площади Революции.

Атлантика.

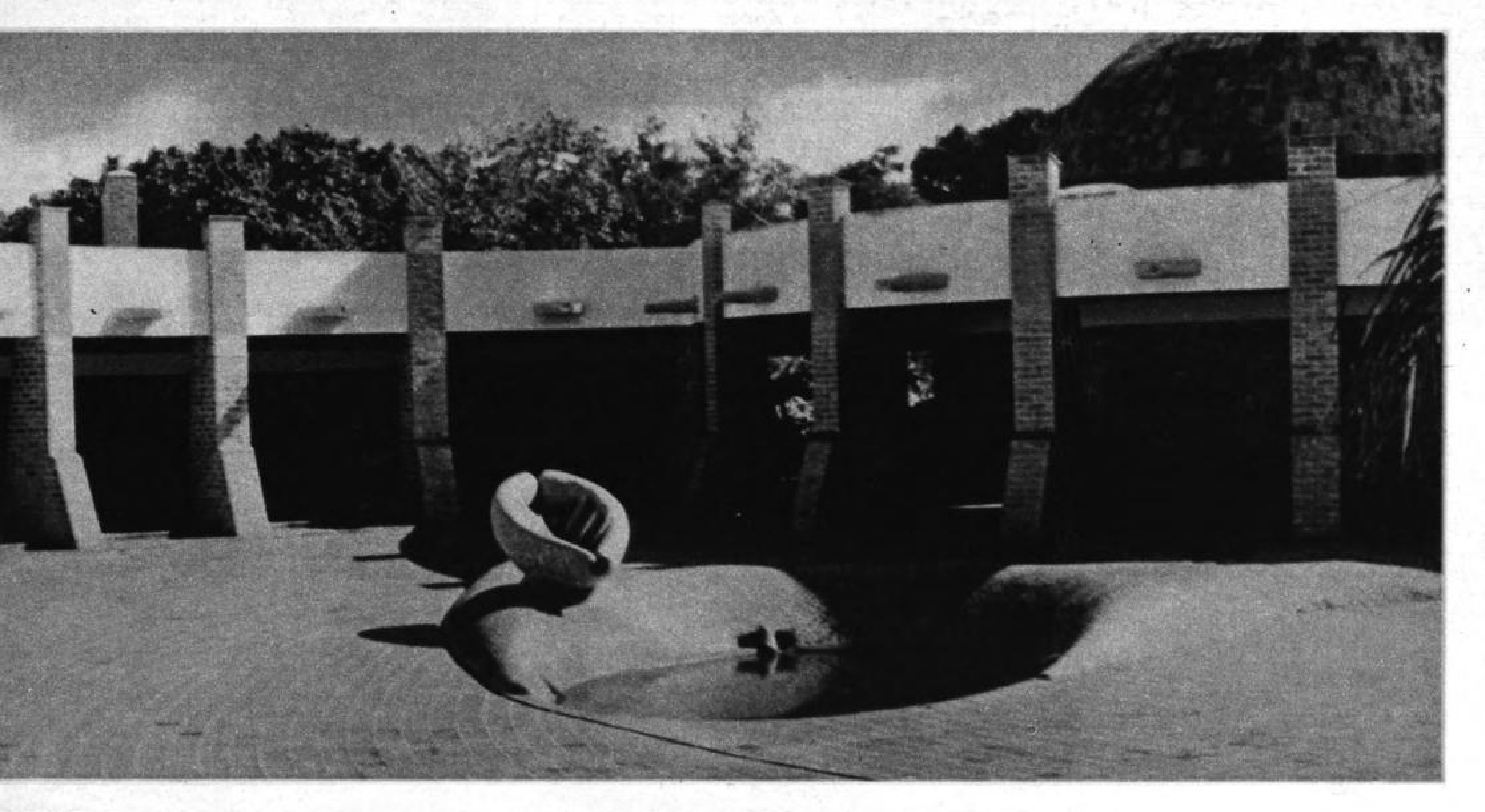
MAS AZUCAR POR CAÑA

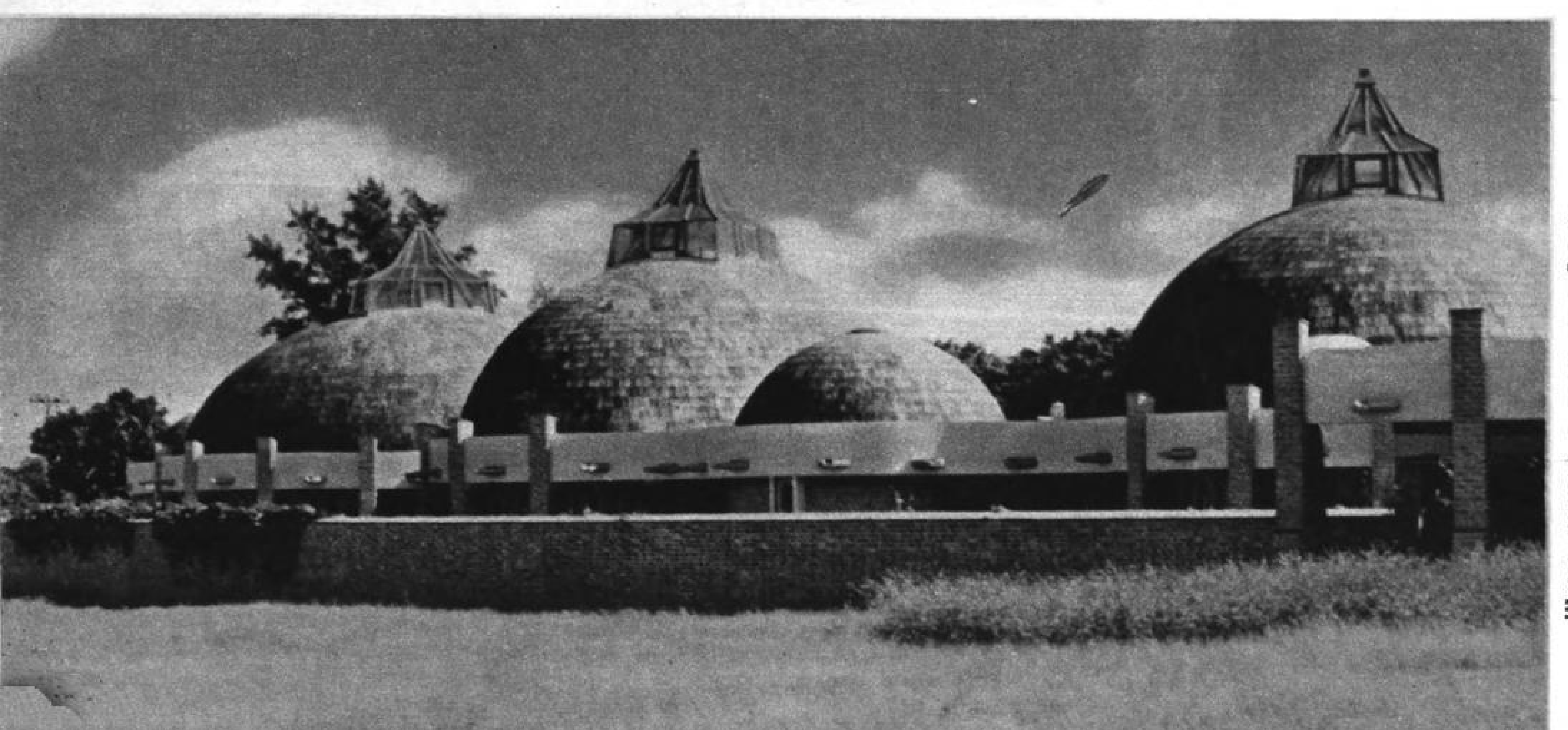
CAÑA
CORTADA
CAÑA
ALZADA

MAYOR
RENDIMIENTO
INDUSTRIAL

Школа искусств в предместье Гаваны.

— Это то, что здесь было раньше. Место отдыха и развлечений буржуазии, сахарных магнатов. Здесь они играли в гольф. Теперь в гольф здесь больше не играют. Некому... Впрочем, один из них еще остался.— Клара указала на большой портрет, висящий в помещении бара: забыли снять.

— Как его фамилия?

— Не знаю.

На обратном пути, возвращаясь в город, мы обратили внимание на небольшой аэродром, на котором тесно, один к одному стояли легкие самолеты.

— А почему здесь самолеты? — спросили мы нашего постоянного спутника, студента Рафаэля, изучившего русский язык в Гаване.

— Это сельскохозяйственная авиация... Для борьбы с вредителями. Искусство и труд рядом.

Уже позже, во время работы конференции, мы видели представление на стадионе. Однажды это представление было отложено из-за плохой погоды. Дожди с резким океанским ветром хлестали несколько дней подряд. И тогда, в один из сырых и прохладных вечеров, такое представление все же состоялось. Восемь тысяч юношей и девушек прошли перед нами, демонстрируя танцы, посвященные борьбе народов трех континентов за свою свободу. Вместе со всеми на трибуне стадиона находился Фидель Кастро, горячо аплодируя молодым спортсменам и учащимся Высшей школы искусств.

Быть в Гаване и не посетить дома, где жил и работал долгое время Эрнест Хемингуэй, невозможно. Мы сказали об этом нашему молодому другу Рафаэлю. И в тот же день под вечер отправились в местечко Сан-Франсиско де Пауло. Это снова поездка через Гавану в небольшое, шумное селение. Лавочки и дорожные рестораны. Маленькие пестрые домики и разноцветные, не первой молодости автомашины, лихо несущиеся по узким улочкам местечка. Потом вдруг все затихает, машина резко сворачивает налево и въезжает в большой тропический сад. Асфальтовая дорога ведет к дому, где жил Хемингуэй. Жил... Это мы уже хорошо знаем, но ощущение этого пропадает, когда вы попадаете в дом Хемингуэя. Окна одноэтажного дома открыты на все четыре стороны. Закрыты только двери. Посетителей здесь бывает великое множество. Они осматривают дом через окна — в комнатах все видно, как на ладони.

Рене Вильярреаль, кубинец, двадцать лет проживший у Хемингуэя,— теперь хранитель музея. Горечь большой утраты проходит со временем, и он спокойно рассказывает о том, как жил и работал писатель.

— В башне Хемингуэй писал за всю свою жизнь всего 15 минут. Он не мог в ней работать. Видите, какие пейзажи вокруг, они отвлекали писателя... Хозяин продолжал работать в своем кабинете. А здесь книги, охотничье снаряжение... Вот его обувь...

На полу лежало бесчисленное количество охотничьих, на толстой подошве, с шипами, со шнуровкой, высоких ботинок... Здесь же африканские копья из Кении и Танганьики племен масаи, из районов, где Хемингуэй когда-то охотился. Здесь же разложенные по полу рога газелей, кабаньи клыки...

— Он убил за свою жизнь более 50 кабанов,— говорит Рене.— А вот эта астрономическая труба — подарок Хемингуэя его жене. Она увлекалась астрономией и часто по ночам поднималась на башню и смотрела на небо. Здесь же собраны многие книги о войне в Испании и последней мировой войне. Хемингуэй приходил сюда читать их... Он любил читать книги о войне... Кроме этого, он пользовался ими для различных справок. А вот это — русское издание сочинений Хемингуэя. Их привез и подарил хозяину в этом доме товарищ Микоян, когда посетил Кубу. Двадцатого июня шестидесятого года хозяин уехал в Испанию. Там у него должна была выйти книга «Опасное лето»... Он уехал туда и больше сюда не вернулся.— Вильярреаль замолчал, словно вспоминая, что было дальше.— Не вернулся... В октябре он почувствовал себя очень плохо... И уехал в Северную Америку лечиться. Уехал под чужим именем... Уехал и не вернулся... Семь месяцев он лечился под чужим именем... Ему все запрещали: и есть и пить... Он очень похудел. Так мне говорила его жена.— Рене вдруг остановился и сказал:— Идемте в дом.

Мы спустились вниз, прошли мимо большого, запломбированного цементом дерева. Вильярреаль осторожно открыл дверь дома, и мы оказались в столовой. Да, действительно, здесь испытываешь ощущение того, что хозяин уехал куда-то в дальние края, но его ожидают. Вот-вот он вернется, и потому домашние приготовились к встрече и накрыли стол. Хозяин дома любил ужинать в полутьме. На столе стоят свечи. Набор посуды с инициалами Хемингуэя. На каждой тарелке три полоски — знак его участия в трех войнах. На стенах висят рога антилоп.

— Это одна из лучших антилоп, убитых им,— говорит наш проводник, неожиданно улыбаясь.— Когда-то Муссолини подсылал своих агентов, хотел купить эту антилопу, предлагал большие деньги, но хозяин сказал, что он охотится не для коммерции, а для удовольствия... А вот это газели, убитые Мэри...

Мы перешли в гостиную. Посреди нее стояли три больших кресла. Рядом полочка с журналами и книгами, столик с бутылками — от шотландского виски до кубинского баккарди.

— Здесь он принимал гостей,— продолжал свой монолог Вильярреаль.— Вы знаете, он любил выпить... Он считал, что это надо делать, чтобы дать голове отдых. Не думать о том, что пишешь... Он очень любил классическую музыку. В этом кресле он читал и часто засыпал... И тогда его никто не тревожил...

Мы осматривали комнату, картины, висящие на стене,— сцены испанской жизни, бои тореро с быками.

— Хемингуэй очень дружил с испанским художником Роберто Доминго. Это его картины. Он подарил их хозяину.

Мы перешли в кабинет. В нем было бесчисленное количество небольших вещей, расставленных на большом письменном столе.

— За этим столом он никогда не работал. Здесь только всякие памятные вещи. Ордена, например... Он любил их рассматривать, словно вспоминал что-то.

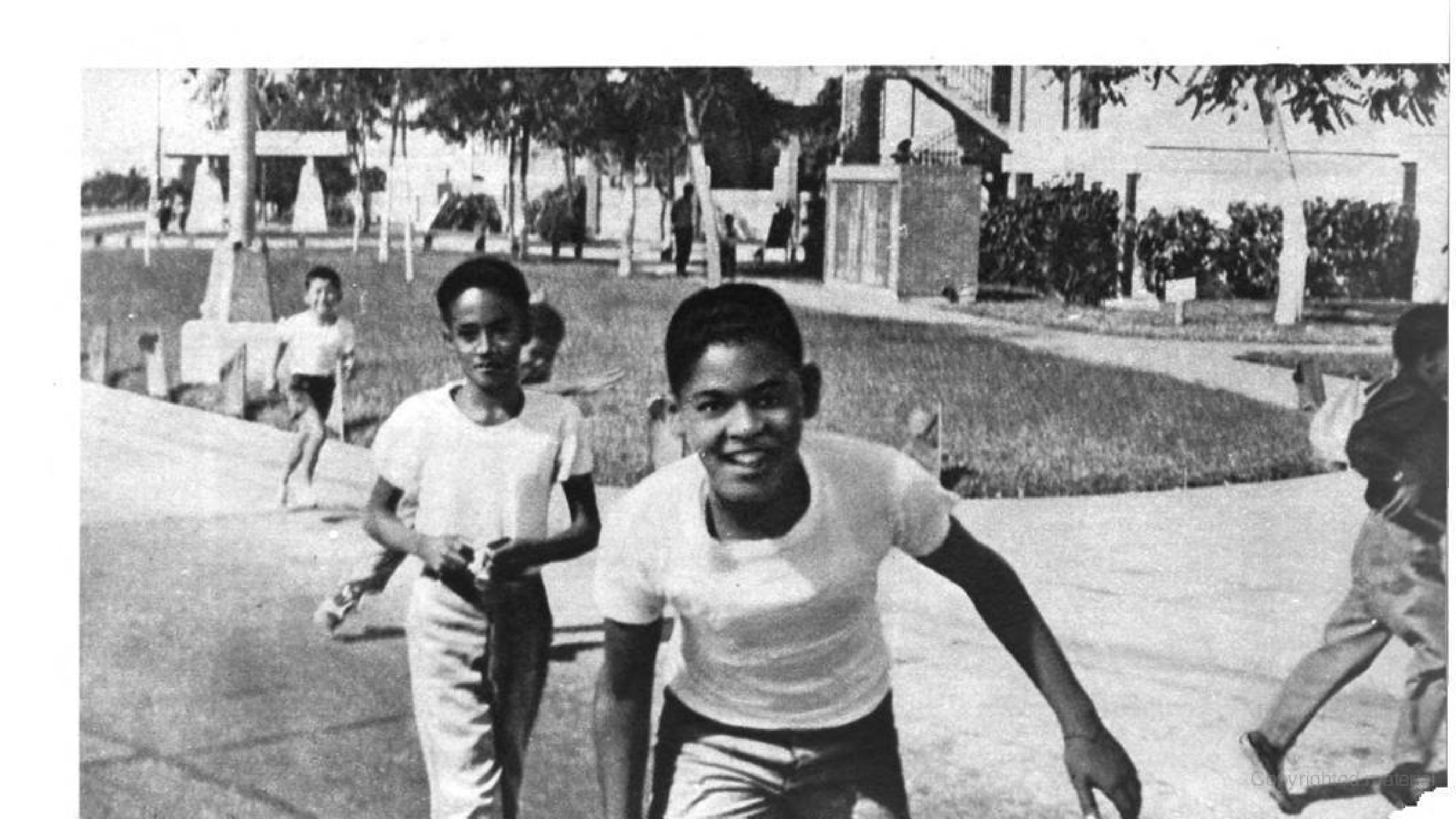
Вильярреаль указал на распластанную на полу большую шкуру льва с ощеренной пастью.

— Он убил за свою жизнь одиннадцать львов... Но этот был его любимый лев. Хозяин говорил: «Я был как бы зубным врачом. Видел его зубы на расстоянии четырех метров». Он убил его с этого расстояния... А работал он здесь,— совсем тихо сказал Вильярреаль, когда мы перешли в спальню Хемингуэя и увидели кровать, заваленную книгами и журналами.

— Вот на этой машинке он писал,— сказал наш проводник, указывая на начинающую ржаветь пишущую машинку.— Но главным образом описания... Диалоги он писал карандашом, вот здесь, стоя босиком на этой шкуре... Его уже не было, а сюда продолжали приходить книги с дарственными надписями. Он их много получал со всего мира... Здесь все осталось так, как было при нем. Он запрещал нам что-либо трогать — он всегда знал, где что лежит... Так мы ничего и не трогаем.

На большой веранде Вильярреаль подал нам огромную книгу, где расписывались посетители дома-музея Эрнеста Хемингуэя. Мы перелистали книгу и увидели в ней огромное количество записей советских людей. Кого только здесь не было! Инженеры, геологи, военные, моряки, торговые работники, писатели, журналисты, актеры...

И уже когда совсем смерклось, мы, проехав мимо знаменитого катера Хемингуэя, вынесенного в сад, выехали за ворота и окунулись в разноголосый шум и звучание патефонных пластинок. И нам снова приветливо махали руками кубинцы, приглашая остановиться и разделить с ними нехитрый ужин. А над Гаваной, над океаном, плыл розово-багряный закат, и в окнах маленьких домиков местечка Сан-Франсиско де Пауло зажигались огни...

Разное... разное...

В Якутии трескучие морозы, в Москве метели, а в Таджикистане весна. Первая весна новой пятилетки. Много подарков готовит республика XXIII съезду КПСС и среди них — успешное окончание некоторых полевых работ. Полеводы не многих краев страны смогут преподнести партии такие чисто весенние подарки почти за месяц до съезда.

Снимок, который вы видите, сделан фотокорреспондентом «Огонька» А. Гостевым в таджикском колхозе «Парчасай», Яванского района. Шел сев яровой пшеницы. Когда выйдет этот номер журнала, этот сев в колхозе будет уже закончен.

С ВЫСОТЫ ВТОРОГО ЭТАЖА

1

ЛЕНИНГРАД

На стальных магистралях все чаще можно встретить голубые экспрессы с табличками «Туристский». Пассажиры таких поездов часами не отходят от окон — на то они и туристы. Однако из обычного пассажирского вагона фронт обозрения не так уж велик.

Можно себе представить, как обрадуются путешественники, когда увидят вот этот, необычной конструкции, вагон, построенный на Ленинградском заводе имени Егорова. Не увеличивая габариты, проектировщики создали двухэтажный вагон.

Из тамбура, вниз по ступенькам, попадаем в нижний салон. Вдоль коридора — семь четырехместных купе с мягкими спальными диванами. В первом этаже удобно размещены душевая, бельевые шкафы и купе проводника. На втором этаже — смотровой салон с удобными креслами. Их 28, сколько и спальных мест в первом этаже. Пассажир, купив билет в туристский вагон, будет располагать двумя местами. Над креслами стеклянный купол. Обзор отличный — гляди в любую сторону. Если надоест сидеть, можно пройти и постоять на обзорной площадке.

— Первый туристский вагон создавал весь наш заводской коллектив,— сказал главный конструктор М. Е. Шендерович. — При отделке использованы цветной слоистый пластик, в мягкой мебели — поролон. Вагон выведен на линию в длительную проверку. К XXIII съезду КПСС завершатся все зимние наладочные испытания.

К. Черевков, собкор «Огонька»

На снимке: общий вид вагона.

РЕЛЕ ЗВУКА

2

АРМЕНИЯ

Вам позвонили по телефону, но голос собеседника плохо слышен. Не беда! Поверните регулятор на аппарате, и голос в трубке зазвучит громче.

Такие телефонные аппараты выпускает Степанаванский завод в Армении. Они позволяют отдаленным городским и сельским абонентам вести двусторонние разговоры без промежуточных усилительных станций. При помощи этих аппаратов можно регулировать звук в обоих направлениях.

На снимке: работницы завода Сильва Манукян (слева) и Араксия Мовсесян.

ГОРОД ПОЛУЧАЕТ ПОСЫЛКУ

3

ДАГЕСТАН

В Дагестан, в молодой город Кизилъюрт, недавно доставили необычную посылку из Ленинградской области: ее везли 100 железнодорожных платформ! Это был домостроительный комбинат, изготовленный ленинградцами для братской республики. Полностью механизированный и автоматизированный, он будет каждый год давать по 35 тысяч квадратных метров жилья. Интересная особенность у комбината — здесь нет котельных и пропарочных камер. Да они тут и не нужны: детали домов делаются из виброактивированного бетона с электроподогревом.

К XXIII съезду КПСС комбинат построит первый жилой дом для строителей Чиркейской ГЭС.

На снимке: в главном корпусе Кизилъюртского домостроительного комбината.

У МЕДИЦИНЫ — НОВОСЕЛЬЕ

4

БРЯНСК

Тридцать восемь лет работает в Бежицком районе Брянска врач Леонид Ильич Артамонов. Впрочем, с перерывом: в годы войны лечил раненых на фронте, а после победы вернулся в родную Бежицу. И вот теперь у старого доктора большая радость: в его районе построена новая больница — красивое пятиэтажное здание,— и Леонид Ильич стал здесь главврачом.

Л. И. Артамонов рассказал нам, что больница рассчитана на 600—650 коек. Все тут устроено по последнему слову медицинской науки. Уже подготовлена территория парка в восемь гектаров, который вырастет возле больницы.

Строители Брянска к XXIII съезду партии готовят новоселье и другим медицинским учреждениям. В Советском районе города вырос новый родильный дом, современный, прекрасно оборудованный.

Галина САНЬКО

На снимке: прораб В. Я. Зинов проверяет установку аппаратуры в новом родильном доме.

1

2

3

«ВАРШАВА» В МОСКВЕ...

На дворе торгпредства Польской Народной Республики блестят лаком и никелем новенькие автомобили. Небольшой грузовик «Жук», сделанный в Люблине, фургон-грузовик «Ниса», фургон-холодильник «Ниса-501» и такси «Варшава».

— Эти автомобили,— рассказывает заместитель торгпреда Владислав Габиньский,— прочны и удобны в эксплуатации. В Советский Союз польские автомобилестроители впервые присылают свою продукцию. Мы хотим, чтобы эти автомобили прошли здесь всестороннюю проверку, чтобы на них поработали советские шоферы и потом высказали свое мнение.

...Недавно польские грузовики и такси «Варшава» осмотрели представители Министерства автомобильной промышленности, Научно-исследовательского института и автоэкспорта. Скоро эти машины появятся на улицах столицы.

На снимке: такси «Варшава».

А. ГОЛИКОВ

...А «ЗАПОРОЖЕЦ» В ХЕЛЬСИНКИ

Финское акционерное общество «Конелла» и Всесоюзное внешнеторговое объединение «Автоэкспорт» были инициаторами зимнего пробега двух наших микролитражек «Запорожец», называемых в Финляндии «Ялтами». Вели их опытные асы дальних дорог Туре Вуори и Оле Мяки.

— В том, что «Ялты»— машины превосходные для своего класса, мы не сомневались,— говорит Вуори.— И, путешествуя, лишний раз убедились в этом. «Ялты» не подвели нас. Они отлично чувствовали себя всю дорогу, а она была длинной и трудной — более 9 тысяч километров.

В Финляндию будет поставляться первая крупная партия «Запорожцев», и владельцам их будет, конечно же, приятно узнать, как блистательно вышли «Ялты» из трудного испытания.

Мы позвонили в Хельсинки, куда, завершив путешествие, прибыли две голубых «Ялты». Нам сообщили из финской столицы:

— Путешествие завершено успешно. Фото двух советских микролитражек и их водителей, заметки о них появляются сейчас на страницах многих газет. Поистине автомобили и их неутомимые гонщики стали героями этой недели.

К. КОСТИН

На снимке: «Ялты» с финскими номерами и финскими водителями на одной из московских улиц. Впереди — завершающий этап путешествия.

ИНДИРА—ДРУГ ИНДИРЫ

Девочка родилась десять лет назад в семье Кация, в маленьком абхазском городке. В те дни премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и его дочь Индира Ганди гостили в СССР, и родители решили назвать девочку именем высокой гостьи. Когда маленькая Индира подросла, она послала большой Индире книгу о Грузии, серебряный рог и пригласила ее к себе в гости. Пришел ответ из Индии: фотография с автографом, подарок и письмо. Индира Ганди писала, что Советский Союз — большая страна и вряд ли ей удастся побывать в каждом городе; но где бы она ни была, она всегда желает своей тезке всего хорошего.

«Вы растете в очень интересное время,— писала Индира Ганди.— Достижения вашей страны, особенно космические полеты, являются волнующими и захватывающими. Перед молодежью открывается много новых возможностей...»

Теперь Индира Кация пишет письма премьер-министру Индии. Она отлично учится в третьем классе Очамчирской средней школы.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

На снимке: Индира со своей матерью Мери Владимировной.

БОГАТСТВА ГОРНОЙ КОРОЛЕВЫ

НИЖНИЙ ТАГИЛ.

Третий час я в гостях у Леонида Толмачева, рабочего Нижне-Тагильского завода медицинских инструментов. Он выкладывает передо мной все новые и новые сокровища: великолепные друзы горного хрусталя (с одной из них он и сфотографирован), хризоколлы, топазы, аметисты, агаты, образцы уральских железных, медных и прочих руд и, уж конечно, глыбки воспетого Бажовым нижнетагильского малахита.

Свои каменные богатства Леонид собирает в многодневных хожденнях по горам во время отпуска. Уходит Леонид в горы с полупустым рюкзаком, а возвращается тяжело нагруженный.

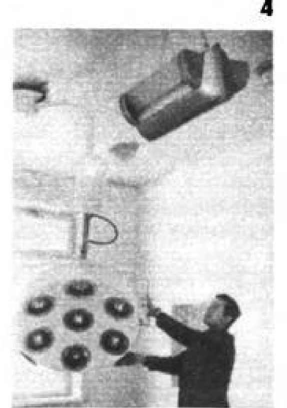
— Еще в детстве я любил собирать «красивенькие» камешки,— говорит Леонид Федорович.

С возрастом увлечение это углубилось. Леонид стал серьезно изучать минералогию, мало-помалу составил неплохую специальную библиотеку.

Сейчас коллекция камней нижнетагильского слесаря — одно из лучших на Урале «частных собраний» минералов.

П. ФЕДОРОВ

4

5

Разное... разное...

На этих страницах опубликованы фотографии корреспондентов «Огонька», ТАСС и местных журналистов: Н. Ананьева, К. Барыкина, Э. Габриеляна, А. Голикова, А. Гостева, Р. Дика, Галины Санько, Д. Ухтомского, П. Чохонелидзе.

В оккупированном Париже

Л. ТАРАСОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНКОНСУЛА, 1940—1941 гг.

Мы чувствовали себя, как на острове, вокруг которого разыгрывается шторм. Обстановка накалялась. Французский народ не был побежден — ему просто не дали сражаться. С первых дней оккупации гитлеровцы на каждом шагу не только попирали национальное достоинство французов, но и расстреливали, арестовывали, ссылали в концлагеря по самому малейшему поводу. Они придерживались своей гнусной тактики: террором подавить саму идею сопротивления и навязать французам политику «сотрудничества».

В первые же месяцы оккупации Компартия Франции стала создавать специальные организации для прикрытия актов саботажа, обучала людей владеть оружием, применять взрывчатые вещества. Французский народ начал мстить гитлеровцам.

Всех французов, мобилизованных в армию, нельзя было угнать в плен. Те из них, кто вернулся к гражданской жизни, уже имели опыт сопротивления и борьбы. Во Франции начиналась новая, подпольная жизнь. Гитлеровцев убивали из-за угла, им вредили повсюду, а репрессии лишь больше ожесточали патриотов.

Приближение советско-германской войны чувствовалось с каждым днем все более явственно. Теперь уже редкий посетитель генконсульства не говорил с тревогой об этом. Из Франции на будущий Восточный фронт отправлялись все новые германские дивизии. В ресторанах и кабаках немецкие офицеры устраивали прощальные кутежи, не стесняясь, поднимали тосты за скорую победу над «большевистской Россией».

Нас все больше беспокоила судьба новых граждан СССР, уже получивших советские паспорта. Что их ждет во Франции, если начнется война? Попытки отправить некоторых из них в Советский Союз не увенчались успехом: германские власти не выдавали виз и разрешений на выезд из оккупированной зоны. Нам не отказывали открыто, но на повторные запросы стереотипно отвечали, что ответ из Берлина не получен.

По мере приближения войны неприязнь оккупантов к нам становилась все более явной. В апреле 1941 года наша телефонная связь с посольством в Виши оборвалась. Очевидно, гитлеровцы докопались до нее. Мы уже не могли по своему желанию ездить в Виши.

В Париже, особенно в начальный период оккупации, существовала своеобразная дипломатическая жизнь: Отто Абец устраивал приемы по каждому поводу, на которые приглашали консульский корпус и представителей парижского общества, сотрудничавших с немцами. На первый из устроенных им приемов в июле или августе 1940 года я не пошел. Среди приглашенных были какие-то русские князья и представители антисоветской эмиграции. В разговоре с Крафтом, шефом протокольного отдела Абеца, я не скрыл причины своего отказа от приглашения.

Наступил июнь. И вот 10 июня 1941 года я неожиданно был вызван Крафтом.

Окончание. Начало см. №№ 7, 8.

Резиденция Отто Абеца находилась на одной из соседних с нашим посольством улиц, и уже через полчаса я входил в кабинет шефа протокола. Он заканчивал пить кофе, и лакей в белой куртке с подносом в руках встретился мне в дверях.

Прежде чем предложить мне сесть, Крафт стоя задал вопрос:

— Ваш паспорт и паспорт вашей жены при вас?

— Да...

— Могу ли я взглянуть на них?

— Пожалуйста,— ответил я, скрывая удивление и доставая из портфеля две наши красные книжки.

Бегло просмотрев их, Крафт нажал на кнопку звонка. Вошел секретарь, которому он и передал наши паспорта, что-то скороговоркой сказав по-немецки.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Господин Тарасов, вам необходимо сегодня же покинуть Париж.

— Я вас не понимаю, господин Крафт, у меня не было такого намерения.

Крафт протянул мне бумагу с текстом на французском языке.

— Прошу ознакомиться с циркуляром германского министерства иностранных дел. Вам все станет ясно,— сказал он мне.

Я взял циркуляр и стал медленно читать. Под ним стояла замысловатая подпись Риббентропа. Сущность этого документа заключалась в следующем: иностранные дипломаты, занимавшие должности в посольствах, аккредитованных при французском правительстве, не могут больше оставаться в оккупированной германскими войсками зоне и занимать в ней консульские должности. Прочтя этот странный документ, я протянул его Крафту.

— Теперь вам ясно? — спросил он.

— Теперь мне совершенно ничего не ясно,— в тон ответил я ему.

— Почему же?

— Потому что выбор консулов и их назначение является неотъемлемым правом каждой страны. В данном случае — Министерства иностранных дел Советского Союза. Я назначен на пост министром иностранных дел СССР, и только по его приказу покину свой пост,— с трудом сдерживая возмущение, сказал я.

— Если я вас правильно понял, вы отказываетесь сегодня же покинуть Париж?

— Вы меня правильно поняли...

Некоторое время Крафт молча смотрел на меня, постукивая пальцами по столу.

— Если вы не уедете сегодня, то я не гарантирую больше вашу безопасность! — проговорил он.

— Это угроза? На протяжении нескольких минут разговора с вами я дважды сталкиваюсь с совершенно необычными вещами в дипломатической практике. А между тем наши страны находятся в нормальных и добрососедских отношениях.

Очевидно, Крафт решил, что несколько хватил через край, и, понимая всю невозможность в настоящий момент дискутировать по поводу взаимоотношений между СССР и Германией, сказал:

— Я не собирался угрожать вам. Вы неправильно меня поняли. Дело в том, что мы обязаны выполнять циркуляр своего мининдела, и, после того как он вам объявлен, мы уже не можем рассматривать вас как иностранного дипломата, пользующегося иммунитетом...

— В качестве кого же вы меня теперь рассматриваете? — не скрывая иронии, спросил я. Но Крафт не ответил на мой вопрос. В это время в кабинет вошел его секретарь и принес наши паспорта.

— Вот, прошу вас, паспорта, пропуска на выезд и виза на въезд в Германию, а также билеты на сегодняшний поезд, отправляющийся в Берлин в 16 часов.

— Я прошу дать мне возможность снестись со своим министерством иностранных дел и сообщить о вашем невероятном требовании. Иначе я категорически отказываюсь выехать из Парижа.

Крафт еще пытался возражать, уверяя, что разговор с Москвой ничего в их решении не изменит. Я твердо стоял на своем. С явной неохотой он взялся за телефон и позвонил в Берлин. Кому-то там он сообщил о моем отказе покинуть свой пост и требовании связаться с МИДом. Очевидно, человек, с которым он разговаривал, должен был передать их разговор кому-то из начальства и попросил подождать.

Прошло с четверть часа. Мы молча сидели друг против друга.

Но вот зазвонил телефон, и Крафт поспешно схватил трубку. После минутного разговора с Берлином он повернулся ко мне и сообщил, что переговорить по телефону с Москвой из Парижа нельзя, но меня могут соединить с нашим послом в Берлине. При этом он добавил:

— Ваш посол в Берлине одновременно является заместителем министра иностранных дел.

Возражать я не мог. Еще через минуту я коротко доложил послу о требовании, предъявленном мне немецкими властями.

— Ладно, уезжайте,— коротко ответил он.

Крафт вопросительно посмотрел на меня, когда я положил трубку.

— Я еду в Виши,— коротко ответил я.

— Почему не в Берлин?

— Как генконсул в Париже, я подчинен советскому послу во Франции, а не в Германии.

— Это значительно труднее будет устроить: ведь пропуск на выезд в неоккупированную зону выдает военное командование.

— Это уж ваше дело — связаться с ним,— ответил я.

— Конечно, но все это займет время, а вы должны сегодня же выехать из Парижа.

— Об этом не может быть и речи...

— Но почему? — теряя терпение, воскликнул Крафт.

— Потому что мне нужно передать дела остающемуся за меня вице-консулу [1]; наконец, нужно же

[1] На вице-консула, прибывшего в Париж после оккупации и не состоявшего до этого в штате посольства, циркуляр не распространялся.

собраться. Надеюсь, вы это понимаете? Не раньше завтрашнего дня я смогу выехать из Парижа,— категорически заявил я, вынул из наших паспортов пропуска и железнодорожные билеты для проезда в Берлин и положил их на стол Крафту.

С нескрываемой злостью и недоумением шеф протокола смотрел на меня.

— Хорошо! Но только завтра уезжайте обязательно. Распоряжение о вашем пропуске будет дано на демаркационную линию.

Когда я вернулся в посольство, мы приступили к подготовке почты. Работали всю ночь. На следующий день покинули Париж...

Мы сроднились с его населением, разделив с французским народом горечь его поражения. Не верилось, что в последний раз я еду по его прекрасным улицам. Почти по пустынному бульвару Распай мы доехали до площади Данфер Рошеро. На минуту я остановил машину. Огромный монумент Бельфорского льва застыл на своем постаменте, похожем на большую шкатулку. Левее, в начале бульвара Сен-Жак, виднелись мрачные стены тюрьмы Санте, за которыми уже томились многие бойцы Сопротивления.

В тот же день, часам к четырем, мы прибыли в Виши.

Наше посольство разместилось в маленьком и довольно запущенном отеле. В этом небольшом курортном городке обосновалось французское правительство маршала Петэна и его многочисленные министерства. Город был забит до отказа.

Я отправил в Москву пространную шифротелеграмму, подробно изложив обстоятельства отъезда из Парижа. Спустя дня три я получил ответ, в котором мне предлагалось выехать в Москву.

14 июня 1941 года с женой и двумя дипломатическими курьерами я выехал в Лион. Оттуда мы отправились в Рим. Учитывая тревожную обстановку, решили ехать дальше вместе с дипкурьерами и ждали, когда в посольстве приготовят почту.

Наконец 20 июня 1941 года, в семь часов утра, мы выехали экспрессом Рим — Берлин, следовавшим через Бреннер и Мюнхен. Проходя в ресторан через другие вагоны, мы видели германских офицеров в тропической форме. По всей вероятности, это были отпускники из африканского корпуса Роммеля. Рядом с рестораном, с другой стороны, находился салон-вагон итальянского министра пропаганды Паволини, направлявшегося в Берлин с визитом к Геббельсу.

Миновав Болонью, поезд стал вдруг резко тормозить; последовали сильные толчки, с полок посыпались чемоданы — передняя часть вагона круто поднялась. Окно с треском вылетело. Вагон остановился. Я выглянул наружу и впереди увидел окутанную облаком пыли и дыма груду вагонов, нагроможденных друг на друга.

Я бросился в соседнее купе — все пятнадцать чемоданов и мешков с дипПочтой слетели с полок. Один из курьеров был слегка ранен упавшим чемоданом. Мы кое-как навели порядок. Мне пришлось выбраться через окно, так как оба тамбура нашего вагона были смяты.

Пройдя немного вперед, я увидел паровоз нашего поезда, лежавший поперек пути с взорванным котлом; вагон-ресторан, в котором мы обедали за пятнадцать минут до катастрофы, оказался переброшенным через несколько вагонов и лежал вверх колесами впереди паровоза; из салон-вагона вывели Паволини со сломанной рукой. Часть вагонов, вернее, то, что от них осталось, горела. Отовсюду неслись стоны. Уцелевшие пассажиры вытаскивали раненых. Никто не знал причины столь страшного крушения. Уже значительно позже я узнал, что это была диверсия итальянских патриотов.

Прошло еще около часа, и на грузовиках к месту крушения прибыл батальон берсальеров. Спасение людей приняло более организованный и быстрый характер, появились санитарные машины, они куда-то увозили раненых.

На роскошном автомобиле прибыл какой-то высокий фашистский чин в ослепительно белой форме с золотыми позументами. Он увез пострадавшего министра пропаганды.

Вскоре объявили, что из Вероны прибыл вспомогательный поезд, который доставит туда уцелевших пассажиров.

Часов в пять мы тронулись в путь и прибыли в Верону за десять минут до отхода мюнхенского поезда. Мы не успели погрузить диппочту, как поезд тронулся. Наш товарищ почти со всем грузом оставался на платформе. Пришлось дернуть за стоп-кран. Со всех сторон к нам бежали полицейские и железнодорожные чины. Они ругали нас и громко кричали, но мы не обращали на них внимания и продолжали грузить в вагон драгоценную почту. Покричав еще немного, итальянцы ушли, и поезд тронулся.

Часов в одиннадцать ночи мы прибыли в Мюнхен. Город был затемнен: опасались налетов английской авиации. С вокзала всех выгоняли. Куда же было деваться на ночь с таким количеством багажа? Мы погрузили все вещи на багажную тележку и, окружив ее со всех сторон, покатили по длинному перрону к зданию вокзала. С большой тревогой я отправился к военному коменданту станции. Капитан железнодорожных войск, узнав, что я советский дипломат, очень любезно принял меня. Значит, и здесь, в Германии, далеко не все знали об уже вплотную надвинувшейся войне. Капитан разрешил нам до утреннего поезда на Берлин оставаться на вокзале возле своей тележки. Более того, он приказал в уже закрывавшемся вокзальном ресторане накормить нас.

Утром все тот же капитан посадил нас в поезд, приказав проводнику выделить для нас отдельное купе.

В шесть часов вечера мы прибыли в Берлин на Потсдамский вокзал. Нас встречали советник посольства и заведующий шифровальным отделом.

Советник передал мне распоряжение посла ехать в посольство, не останавливаясь в отеле. На следующий день мы поняли, что, не случись крушение поезда под Вероной, мы прибыли бы в Берлин не вечером, а утром и днем могли бы сесть на последний поезд, уходивший к советской границе. Тогда война застала бы нас где-то в Польше или в Восточной Пруссии.

По дороге в посольство советник рассказал мне, что наш посол давно добивается встречи с Риббентропом, чтобы потребовать от него объяснений о причинах концентрации германских войск на советской границе. Но под разными предлогами Риббентроп уклоняется от встречи. У посольства имелись достоверные сведения о неминуемо надвигавшейся войне. Теперь это был уже вопрос не дней, а часов.

Посол молча выслушал мой короткий рассказ о положении во Франции. Он был озабочен и заметно нервничал. Более подробно мы условились поговорить позже.

Мы рано легли спать и заснули как убитые. Часа в четыре утра все тот же советник разбудил меня и сообщил, что ночью посол был вызван Риббентропом, объявившим ему о начале войны между нашими странами. Нужно было немедленно приступить к уничтожению дипломатической почты. К этому времени в Берлине оказались четыре дипломатических курьера, которые привезли почту из других европейских стран.

Из трубы посольства повалил дым от сжигаемых бумаг. Сгорела и наша парижская почта, с таким трудом довезенная до Берлина.

Утром из окна посольства я смотрел на Унтер ден Линден, главную берлинскую улицу. Она выглядела, как обычно: берлинцы шли по своим делам, и только некоторые из них с любопытством посматривали на наше здание.

В полдень в зале посольства было устроено первое собрание, положившее начало регулярным информациям о положении на фронтах по данным Совинформбюро, принимаемым по радио из Москвы. Мы слушали Родину, и это помогало развеять миф о разгроме наших вооруженных сил в первые же дни войны, о чем с утра до вечера твердило германское радио. На следующий день с одним из товарищей я побродил по берлинским улицам. Все было по-прежнему: немцы спешили по своим делам, на каждом углу из репродукторов неслись бравурные марши вперемежку с победными сводками.

Из всего многочисленного коллектива посольства только несколько человек были в курсе напряженных споров с гитлеровцами по поводу порядка обмена советской колонии на немецкую, находившуюся в Москве. Немцы хотели выпустить из Германии всего 120 человек советских граждан, что соответствовало количеству сотрудников германского посольства в Москве.

Наконец мы с облегчением узнали, что Советское правительство настояло на выпуске из Германии всех советских людей, работавших в посольстве, торгпредстве и других советских учреждениях, а также их семей. Чтобы получить 120 своих граждан, гитлеровцы вынуждены были выпустить из Германии всех советских людей.

Спустя десять дней после начала войны, 2 июля, поздно вечером, мы покидали Берлин. К посольству были поданы легковые автомашины, и их длинный кортеж помчался по затемненным улицам к вокзалу на Фридрихштрассе. Погруженный во мрак Берлин представлял странное зрелище: почти все пешеходы носили на груди фосфорные медальоны, предохранявшие людей от столкновений в темноте. Мое последнее впечатление о Берлине в ту ночь: темные тени на улицах со слабо мерцающими кружками.

Довольно быстро мы доехали до Софии и, простояв там около часа, в тот же вечер двинулись дальше. До турецкой границы оставалось совсем немного. Там нас должны были обменять.

На какой-то небольшой болгарской станции эсэсовцы, как обычно, вытащили из вагона агрегат, питавший походную рацию, и запустили его. Поработав с полчаса, они свернули установку, и поезд тронулся. Но, к моему удивлению, в обратном направлении.

Убедившись в этом окончательно, я прошел в купе посла. Посол приказал первому секретарю Бережкову пойти к представителю германского МИДа барону Ботману, сопровождавшему наш поезд, и потребовать объяснений.

На вопрос Бережкова, почему нас везут в обратном направлении, Ботман ответил, что это происходит согласно распоряжению, полученному по радио из Берлина.

Посол собрал дипломатических сотрудников у себя в купе и сказал, что, по последним, полученным им до начала войны из Москвы сообщениям, гитлеровцы еще заранее под разными предлогами отозвали из Москвы наиболее ценных для них людей: военного атташе и других дипломатов-нацистов. В Москве остался посол Шуленбург с второстепенными сотрудниками. Наш посол допускал, что, поскольку Шуленбург не был нацистом, им решили пожертвовать, а поэтому, возможно, нам всем придется провести войну в германском концлагере...

Среди нас находился дипломатический сотрудник посольства Б. Афанасьев, болгарин по происхождению. Он предложил мне бежать из поезда ночью и укрыться в горах на севере Болгарии, где, по его сведениям, уже скрываются группы антифашистов и зарождается партизанское движение. Поезд шел очень быстро, эсэсовская охрана была явно настороже, к тому же жена вряд ли могла бы благополучно совершить прыжок с мчавшегося поезда.

— Подождем еще, Борис,— сказал я товарищу.— Пока ничего определенного неизвестно.

Почти без остановок наш поезд промчался назад по Болгарии и остановился в одном из тупиков на югославской станции Ниш. Из слов барона Ботмана можно было сделать вывод, что гитлеровцы все же не оставили мысли заполучить всех советских граждан, находившихся на территории Германии к началу войны, в том числе и дипломатов. Теперь они настаивали на том, чтобы обмен был произведен на болгарской территории, на что наше правительство не соглашалось.

В Нише нам пришлось провести в вагонах несколько дней. В это время рядом с нашим составом в тупик были загнаны еще два состава с персоналом наших посольств из Виши и Рима. Через окна мы переговаривались с на-

шими товарищами, так как эсэсовцы не разрешали нам выйти.

Наконец наступил день, когда мы опять отправились в путь. Гитлеровцы и на сей раз вынуждены были уступить — Советское правительство твердо стояло на своем: обмен должен быть произведен только на территории Турции. Без этого персонал германского посольства не выпускали из СССР. Опять мы промчались почти без остановок через Болгарию и остановились на станции Свиленград, невдалеке от турецкой границы. Здесь пришлось простоять еще дня два, пока состав германского посольства в Москве не был подвезен к советско-турецкой границе в Закавказье.

В Свиленграде мы могли еще раз убедиться в симпатиях и дружбе болгар к нашей стране и советским людям. Жена одного из сотрудников посольства должна была разрешиться от бремени. Ей требовалась квалифицированная помощь, соответствующие условия и уход. Очень молодой врач советской колонии оказался в затруднительном положении. Не знаю, уж какими путями он связался с болгарами, но к нашему составу прибыл болгарин-врач из пограничной болгарской воинской части. По его распоряжению вблизи состава была установлена палатка, куда и перенесли роженицу. К ней были приставлены болгарские медицинские сестры, и новый советский гражданин благополучно появился на свет. Несмотря на протесты эсэсовской охраны, к нашему составу была подвезена военная кухня, и нас накормили прекрасным болгарским борщом. В станционном паровозном депо все тот же энергичный военный врач устроил нам нечто вроде бани, и мы помылись под струями горячей воды из пожарных шлангов.

Наступил час обмена. Мы были подвезены к линии границы. Там, среди поля, в палатке, находилась турецкая военная рация, а около нее комиссия в составе представителя турецкого МИДа и нашего генерального консула в Стамбуле Ерофеева. Такая же рация и комиссия находились на советско-турецкой границе, у города Ленинакана, в полутора тысячах километров от первой.

По сигналам, передававшимся через рации, начался одновременный обмен и переход на турецкую территорию советской и германской колоний в противоположных частях Турции. Турецкие власти были очень внимательны к нам. В Адрианополе, в двадцати километрах от болгарской границы, турки накормили нас, а затем мы сели в поезд и отправились в Стамбул, куда и прибыли ранним утром. Старинный город был залит ярким солнцем, с его улиц открывался великолепный вид на проливы и Мраморное море, но на душе было неспокойно. Сводки с фронта были одна тревожней другой. Хотелось скорее попасть на Родину...

Через Эрзурум и Карс мы прибыли в Ленинакан. Там уже был приготовлен железнодорожный состав, доставивший нас 22 июля 1941 года в Москву. В сумерках наш поезд подошел к пустынному Курскому вокзалу. Истекал первый месяц войны. Сигнал воздушной тревоги оповещал о первом налете германской авиации на Москву.

ГАЛЯ АЛЕКСЕЕВА И «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ

В Москве, рядом с Кропоткинской улицей, есть тихий, зеленый, уютный переулок. Еще лет тридцать назад переулок этот назывался Мертвым. С 1937 года, после смерти Николая Островского, он стал называться переулком Николая Островского. На четырехэтажном доме № 12 (в тридцатых годах он был двухэтажным)—мемориальная доска с барельефом писателя. Здесь жил он с конца 1930 года по июнь 1932 года и здесь написал первую часть романа «Как закалялась сталь».

Сейчас я пришел в этот дом не только для того, чтобы снова заглянуть в старую и уже столь знакомую мне комнату Островского. Давно хотелось написать о человеке, который был милым и добрым другом писателя, о котором он говорил с неизменной нежностью. Я имею в виду Галину Мартыновну Алексееву, ту самую Галю Алексееву, с которой мы впервые познакомились, читая последние страницы «Как закалялась сталь»:

«В одной с ним (с Корчагиным.— С. Т.) квартире жила семья Алексеевых. Старший сын, Александр, работал секретарем одного из городских райкомов комсомола. У него была восемнадцатилетняя сестра Галя, кончившая фабзавуч. Галя была жизнерадостной девушкой. Павел поручил матери поговорить с ней, не согласится ли она ему помочь в качестве секретаря. Галя с большой охотой согласилась. Она пришла, улыбающаяся и приветливая, и, узнав, что Павел пишет повесть, сказала:

— Я с удовольствием буду вам помогать, товарищ Корчагин...

С этого дня дела литературные двинулись вперед с удвоенной скоростью. За месяц было так много сделано, что Павел даже удивился. Галя своим живейшим участием и сочувствием помогала его работе. Тихо шуршал ее карандаш по бумаге — и то, что ей особенно нравилось, она перечитывала по нескольку раз, искренне радуясь успеху. В доме она была почти единственным человеком, который верил в работу Павла, остальным казалось, что ничего не получится и он только старается чем-нибудь заполнить свое вынужденное бездействие...

...Дописана последняя глава. Несколько дней Галя читала Корчагину повесть».

По этим выдержкам из книги можно представить себе, кем была для Николая Островского Галя Алексеева.

Приведу одно место и из письма Островского к Алексеевой. Он писал ей в январе 1933 года из Сочи, когда работал над второй частью «Как закалялась сталь»:

«Я не хочу рассказывать о своих сочинских секретарях, все они не стоят одной твоей ручонки. Это я с грустью утверждаю. Это просто служащие. Я плачу им 120 рублей, и они сухо и скучно работают. Что писать и как писать, им безразлично, как все это не похоже на наше с тобой сотрудничество. Мне теперь ясна истина — мой секретарь должен быть моим другом, а не чужим человеком. Иначе говоря, нужен кто-то похожий на Галю Алексееву».

Галя Алексеева живет сейчас там же, где и тридцать с лишним лет назад, когда помогала Николаю Островскому создавать его книгу.

...Вхожу во двор дома № 12, открываю первую дверь справа и поднимаюсь на второй этаж. Стандартные железные почтовые ящики, окрашенные в разные цвета. На синем — «Алексеевы». За входной дверью в квартиру — просторная передняя, налево — большой коридор. Он ведет к комнатам Алексеевых и на кухню.

В то время, когда здесь жил Островский, семья Алексеевых состояла из девяти человек. Отец Гали был поваром, а один из братьев, Александр,— секретарем райкома комсомола. Галя окончила не фабзавуч, а обычную семилетку и работала в клубе театральных работников счетоводом.

Как она выглядела? Среднего роста, худенькая, подвижная. Синеватые глаза. Светлые, стриженые волосы. Мягкий, округлый подбородок. И вся озарена той естественной красотой, которую дарит юность. Такой я представил ее себе по фотографии тех лет. Да, многое прошлое проглядывает в ней и сегодня: она сумела его сохранить.

...И вот мы сидим теперь друг против друга, и Галина Мартыновна делится своими воспоминаниями о тех незабываемых днях:

— С двух часов я была на работе, возвращалась поздно и вставала поздно. Потому-то о нашем новом жильце узнала не сразу. Да и жил он замкнуто. С ним встречался мой брат — Александр, который работал секретарем райкома комсомола. Он сказал мне об Островском: «Совсем никуда парень. На локти и то не может приподняться. Но какой активный! Все знает и обо всем имеет свое мнение». Слышала я и от мамы: «Живут тесно, и по всему видать, очень нуждаются». А однажды, это было летом 1931 года, пришла Ольга Осиповна (так по-русски звали мать Островского Ольгу Йозефовну — она была чешкой.— С. Т.) и попросила меня зайти к сыну.

...Кровать Островского стояла у двери, слева. Девушка остановилась на пороге, пораженная тем, что увидела. Островский, обернутый до пояса байковым одеялом, в теплой кофте, лежал высоко на подушках. Он был худ и, судя по всему, высокого роста. Руки его, протянутые вдоль туловища, держали гибкую палочку, конец которой был обернут марлей. Темные пышные волосы. Большой открытый лоб. Неподвижно глядящие вперед глаза. У левого плеча — радионаушники.

— Входите смелее!— подбодрил он.— Здесь не больница.

Он протянул руку (его руки в то время еще двигались до локтей) и предложил присесть. Потом доверительно, как уже старой знакомой, поведал о своей работе:

— Я продумал всю книгу до мелочей и отчетливо представляю, о чем нужно писать. А вот писать-то мне самому трудно, почти невозможно.

Возле него, на маленьком столике, лежала картонная папка, на

Семен ТРЕГУБ

верхней крышке которой были вырезаны прорези, несколько самодельных блокнотов и стопка листков. Папка была тем самым транспарантом, с помощью которого Островский начал писать «Как закалялась сталь». А в блокнотах и листках, исписанных разными почерками, находилось несколько глав его будущей книги.

Он попросил посмотреть их.

— Нелепый закон клеток заставил меня отступить,— сказал он с горечью.— Тело приковано к постели, руки потеряли силу, глаза потухли. Я инвалид. Но, черт возьми, мой мозг здоров на все сто процентов. И разве я не могу работать? Итак, Галочка, вы мне поможете? Предупреждаю: книга большая, и дел по горло.

И, угадав, должно быть, ее готовность, предложил:

— Если вас не пугают трудности, то давайте начнем сегодня же, сейчас же. Не удивляйтесь и не думайте, что я сумасшедший. Некоторые считают, что я занят бесплодным делом, убиваю свободное время. Это неверно. Просто я чертовски настойчивый парень.

Островский по-мальчишески озорно улыбнулся, обнажив белые, крепкие зубы, и вытащил изпод подушки орфографический словарь.

— А вот и вся моя вспомогательная литература,— пошутил он.

Девушка ознакомилась с написанным. В листках, лежавших сверху, было начало шестой главы. Островский попросил прочесть их вслух. Он безошибочно подсказывал слова, которые она не разбирала, или говорил, сколько нужно перевернуть страничек, чтобы отыскать фразу, которую он дописал позже.

Потом она взяла чистые странички, карандаш, и он начал диктовать.

Чем дольше он диктовал, тем больше и больше она убеждалась в том, что он действительно все продумал до мелочей и ясно представлял себе своих героев и то, что с ними происходило.

...Ее свободная левая рука находилась в его руке. И он, диктуя, все время непроизвольно сжимал ее.

Все, кто бывал у Островского, знают эту его привычку. Держа руку собеседника в своей, он как бы приближал его к своему внутреннему зрению. Возникало ощущение контакта. Он пытался представить себе каждого человека, с которым встречался, и необычным своим рукопожатием контролировал впечатление.

В один из дней их работы Островский спросил своего пятилетнего племянника: «Как выглядит тетя Галя?» Тот принялся рисовать ее внешность: «Глаза голубые, а волосы светлые, а шея тонкая... Тетя Галя хорошая!»— весело заключил он. Островский рассмеялся: «Такой микроб, а уже разбирается». И тут же он обратился к Гале: «Помоги мне увидеть тебя». Она наклонилась. Он осторожно провел ладонью по ее голове и лицу. «Знаешь,— сказал он,— у меня такое ощущение, будто я увидел тебя. Хорошо, что еще такое «зрение» осталось...»

Меня, естественно, интересует процесс творческой работы. Я немало знаю о нем, но мне дорого каждое новое свидетельство.

Галина Мартыновна показывает свои давнишние записи. И я с ее разрешения выписываю страницу:

«Десять часов утра. В комнате тихо. Ольга Осиповна делает что-то на кухне. Мы хорошо работаем. Один за другим ложатся исписанные листки. Увлекаясь, Николай ускоряет рассказ. Я стараюсь не пропустить ни одного слова. Мельком взглядываю на него: лицо подвижно, глаза живые, лучистые. В часы труда, особенно плодотворного труда, кажется, что болезнь оставила Островского. Но стоит кому-нибудь войти в комнату, и все нарушается. Он начинает с трудом подбирать слова, с трудом восстанавливает последовательность событий, возвращается к уже написанному. Лоб покрывается капельками пота. Он просит пить. Выглядит он тогда поистине больным.

Но вот снова водворяется тишина. Николай диктует внятно и выразительно, почти без пауз. Он весь во власти событий, образов.

Я с беспокойством поглядываю на будильник: второй час. В два я должна быть на работе. Опаздываю. Этого никогда не бывало со мной. Один раз, думаю, можно. Нельзя же оборвать Островского, сказать, что пора кончать работу, когда сейчас ему дорога буквально каждая минута. Он свободно, легко сегодня диктует. Но я-то знаю, чего стоит ему эта кажущаяся легкость, значит, ночью он не спал, по нескольку раз мысленно воспроизводил текст, готовясь к сегодняшней работе. «Как бы ни было,— решаю я,— нужно завершить главу».

Николай чувствует мое волнение и спрашивает: «Что случилось?» «Ничего»,— отвечаю я как можно спокойнее. Он продолжает быстро и уверенно диктовать.

Глава наконец-то окончена. Островский, сразу вспомнив, что я, вероятно, опаздываю на работу, тревожно спрашивает: «Который час?»—«Половина второго»,— отвечаю я, хотя стрелка часов показывает пять минут третьего. Лицо его улыбается: он доволен работой—сегодня мы много успели.

Я прощаюсь и быстро ухожу».

Несочиненная эта страница обогащает наше представление о самом творческом процессе работы Островского и, конечно, как нельзя лучше характеризует саму Галю Алексееву.

— Трудно сказать, что нас сдружило,— комментирует она,— общий ли интерес к его будущей книге или язык молодости. Островский любил повторять: «А вместе нам только сорок пять лет».

Галя Алексеева не только записывала то, что диктовал Островский. Ее помощь была многообразнее. В его речи часто встречались украинские слова, и он советовался, как правильнее произнести их по-русски.

— Я искренне гордилась, когда слышала от него подтверждение своей причастности к его работе. Он говорил: «Мы сделаем так...», «Мы исправим...», «А теперь мы вот что напишем...»

Островский внимательно прислушивался к замечаниям «своего секретаря». Галя Алексеева была ведь не только его помощником, но и первым читателем. Он говорил ей:

— Когда я видел, с каким удовольствием ты перечитываешь отдельные места рукописи, я уже не сомневался в том, стоит ли мне продолжать работу... Если бы ты знала, как много значит вера в человека!

Случалось, приносили записку: «Сегодня работать не будем. У нас очень весело». Это означало, что все домашние в сборе. Островский очень огорчался такому вынужденному отдыху.

— Мне так много еще нужно сделать. А я ведь могу и не успеть...

Бывали дни, когда он не мог работать из-за острых головных болей. Тогда он рассказывал о пережитом, расспрашивал Алексееву о ее жизни.

— Меня он просил, чтобы я рассказывала все: и то, что видела, и то, что со мной происходило. Пришлось даже отвечать на вопрос: была ли я влюблена?

Галя читала Островскому газеты: сначала заголовки помещенных материалов, потом то, на чем задерживалось его внимание.

Читала, например, «Комсомольскую правду». Островский заинтересовался заметкой о строительстве новых городов.

— Ты только подумай, Галочка,—сказал он,— мы строим сорок девять новых городов.— И торжественно повторил:— Сорок девять!

В другой раз его привлекла заметка о лесосплаве в Котласе. Галя прочла заголовок: «Сплав в Котласском бассейне находится под ударом... Комсомол — на линии огня!» Островский послушал и взволнованно сказал:

— Знаешь, о чем напомнило мне это? Вот так же десять лет назад киевские комсомольцы боролись с паводком на Днепре, спасая штабеля бревен, которые грозила унести разбушевавшаяся река. И спасли!

— А вот это о нас,— заметил он, когда Галя читала статью на литературную тему.— Слышишь: «Создадим произведения о героической борьбе ленинского комсомола».

Островский не пропускал ни одной статьи о литературе и мечтал с помощью радио заняться литературным самообразованием.

Прочитывались прежде всего статьи и выступления А. М. Горького. Делались выписки.

Читались и книги.

— Николай говорил, что хочет провести сегодня вечер за чтением какой-нибудь хорошей книги. Начинались поиски. Из скудной своей библиотеки я отбирала две-три книги, и та, на которую падал жребий, читалась долго, до полуночи.

Островский перечитывал Фурманова. Большое удовольствие доставляли ему рассказы Чехова.

Галя часто писала и письма Островского: в Ленинград, Харьков, Новороссийск...

Стоит сказать и о том, что она помогала ухаживать за больным. Ольга Йозефовна, бывало, попросит ее помочь перестелить постель сыну.

— Ты, хлопец, не воюй. Уж вдвоем-то мы с тобой справимся,— шутила она, приподнимая с моей помощью его легкое, негнущееся тело. И он, смирившийся со своей физической беспомощностью, улыбался и тоже шутил по поводу того, что вот, мол, такой молодой парень «чихает и кашляет, как изнеженная барышня, а его носят, как спеленатое дитя».

Порой же прорывалась грусть:

— Эх, Галочка, взял бы я сейчас тебя под крендель да пробежал бы по городу. Посмотрели бы на него, побывали бы в театре, в кино... А то зайти бы к друзьям, горячо поспорить и вернуться домой да попить матушкиного чаю.

...В октябре 1931 года работа над первой частью «Как закалялась сталь» была завершена. Островский верил в то, что «знамя его новой жизни все равно заполощет». Он ежедневно и ежечасно боролся за это, ждал этого. И дождался!

— Итак, Галочка, старт дан!

Вскоре он подарил ей свою книгу с благодарственной надписью: «Галочке Алексеевой — моему другу и помощнику, чьей рукой записаны главы этой книги. В память о совместной работе и нашего приятельства».

В июне 1932 года Островский навсегда покинул комнату в Мертвом переулке: поезд увез его в Сочи. На Курском вокзале его провожали Галя Алексеева и старые друзья — И. П. Феденев и М. З. Финкельштейн. Вместе с ним уехала Ольга Йозефовна.

В Сочи Островский не раз вспоминал свою милую московскую соседку, ее «золотые руки», писал ей, надеялся на скорую встречу.

Но они больше не встретились...

Галина Мартыновна Алексеева вышла замуж и уехала из Москвы. Вернулась она в отчий дом уже после того, как Мертвый переулок переименовали в переулок Николая Островского.

...Что она сейчас делает? Работает старшим кассиром в одном из магазинов Мосрыбторга. Директор магазина говорит о ней:

— Кроме самых хороших, самых теплых слов, о товарище Алексеевой сказать нечего. Весьма скромный человек. О том, что она знала Островского, помогала ему, мы узнали лишь на пятый год ее работы в нашем магазине, да и то не от нее самой.

Такова эта женщина, которая по праву заслуживает уважения и признательности всех неисчислимых друзей Островского — Корчагина.

ПОЗДРАВЛЯЮ С БУДНЯМИ

Ким БАКШИ

Где возникают города? На слиянии рек, на скрещении торговых путей. Там, где открыто железо или отрыты алмазы. Зачем возникают города? Чтобы плавить сталь, делать турбины, строить, торговать, управлять? Десять лет назад в сотне километров от Москвы возник город с магазинами, кинотеатрами, детсадами, стадионами, с горсоветами и милицией. И возник он только ради одного: чтобы думать, выплавлять мысли. Поистине необычный город! Это Дубна. В мартовские дни она отмечает свое десятилетие.

Дубна поражает. Сначала даже трудно сказать, чем.

Серенький день. Над больнично-чистыми улицами, над заснеженными участками — коттеджи и сосны — висит тишина. Она сгущается в отдалении, как туман. Отчетливо слышны шаги за спиной. Проехал человек на велосипеде — сам в шляпе, на багажнике желтый портфель. Наверное, на синхрофазотрон.

Каждое утро, без пятнадцати девять, туда, в сосновый бор, к проходной, как на завод, идут люди, едут на велосипедах, на специальном кольцевом автобусе; в руках папки, портфели, у женщин хозяйственные сумки — после работы не забыть бы зайти в магазин. Рядом с русским идет чех, с азербайджанцем — вьетнамец. Б. Чаадра из Монголии, который вместе с группой физиков открыл новую короткоживущую частицу «лямбда-эта-резонанс». Нгуен Ван Хьеу из Демократической Республики Вьетнам, защитивший недавно докторскую диссертацию. Сотрудники румынского Института атомной физики Г. Войкулеску, В. Кожохару, Л. Маринеску, М. Петрашку и советский ученый А. Игнатенко, открывшие здесь, в Дубне, новое физическое явление. И еще болгарские ученые, венгерские физики, инженеры из ГДР...

Люди расходятся по лабораториям, и город пустеет. Только праздные туристы с лыжами резвятся у входа в отель на берегу Волги. Да светофоры регулируют несуществующее уличное движение.

Город поражает своей будничностью. Не потому ли на первый взгляд таким будничным кажется то необыкновенное, что рождается сегодня в Дубне?

■

Воздух грозово пропах озоном. Пах! Пауза. Пах! Пауза. Пах! — сотрясает воздух. Это как прицеливание и выстрел. Становится не по себе. Хочется где-нибудь укрыться на всякий случай. Сделать это легко: огромный зал напоминает лабиринт, состоящий из шкафов с измерительными приборами, стендов с аппаратурой, путаницы труб, электрокабелей. Как слоны, возвышаются пузырьковые камеры. Все пространство вокруг разгорожено на загоны металлическими сетками. И над всем этим зоологическим садом машин грозно доминирует главная стена, за ней — синхрофазотрон. В нем со скоростью, близкой к световой, мчится поток элементарных частиц. Это протоны — ядра водорода. С лёта они бьют в металлическую мишень, и в ливне новых, только что возникших частиц рождаются редкие антипротоны. С помощью магнитных и электрических систем удается в чистом виде выделить этот пучок антивещества и вывести его в зал, где мы находимся.

Самые интересные события разворачиваются здесь, рядом. В огромную ванну из нержавеющей стали, наполненную перегретым пропаном, врывается поток антипротонов. Античастицы сталкиваются с частицами, происходит то, о чем пишут фантасты, — аннигиляция: мир встречается с антимиром. Возникают гигантские вспышки энергии.

По сравнению с энергией аннигиляции термоядерная бомба — горящая спичка. Если уж искать сравнения, то, может быть, что-то подобное происходит в далеких, малопонятных объектах вселенной, откуда идет к нам колоссальное радиоизлучение и потоки света, в тысячу раз большие, чем дает его вся наша галактика.

...Михаил Соловьев очень доброжелателен. И абсолютно спокоен. Нет никаких показаний, как говорят медики, что он волнуется (античастицы ведь, аннигиляция!). Все привычно. Еще на улице по дороге на синхрофазотрон мы вспоминали университет, общежитие на Стромынке, скудную столовку, общих знакомых. Михаил Соловьев шел на дежурство, на свою обычную смену. И вот сейчас он, мой однокашник, один из создателей самой большой в мире пропановой пузырьковой камеры, стоит и перелистывает оперативный журнал. Он взял его у вежливого молодого экспериментатора, который со скучающим видом смотрит на эту самую камеру. Маленький канцелярский столик втиснут между стендами с аппаратурой, на столе лежит раскрытая на середине общая тетрадь. Пиджак висит на спинке стула. Карандаш в зубах. Дружеская улыбка. Экспериментатор рад, что мы пришли и тем развлекли его, а то все идет в однообразном, раз заведенном порядке.

Пах! Пауза. Пах! Работает камера. Эхо, как в тире. По крутой железной лестнице взбираюсь на верхнюю площадку магнита. Я знаю: ничего не случится. Энергия взрывов колоссальная, но это микровзрывы. Редкие столкновения одиночных частиц. Соловьев говорит, что их можно увидеть. Там, где прошли частицы, вскипает пропан. Говорит, что лично они видят. В самый момент вспышки, когда фотографируется событие.

Дрожат поручни. Соловьев говорит, не надо на это обращать внимания. А самое главное — не моргать. Я наклоняюсь к узкому, как труба, колодцу, просверленному в толще пятисоттонного магнита. На дне окошечко, словно иллюминатор.

Ослепительная вспышка. Хлопок. Пауза.

Ничего не видел! Абсолютно ничего, только в глазах темно. Не моргать, велел Соловьев. Но как? Истекают последние мгновения, сейчас все повторится. Ну же!

Вспышка! Есть! Видел. На голубоватом фоне — ярчайший след частиц.

Потом я рассматривал снимки, сделанные на пропановой камере. Настроил специальный стереоскопический аппарат, и вот в пространстве за окулярами, словно в невесомости, повисли неподвижные, лишенные стремительности и полета, спокойные линии и кривые, напоминающие следы коньков на льду или пальмы, как их рисуют дети.

Чтобы найти что-нибудь новое, нужно просмотреть не сотни, а сотни тысяч таких фотографий. Длина пленки — километры. Растянуть ее — уйдешь далеко за Дубну, за Волгу, в поля.

Но надо сидеть на месте и смотреть. Сравнивать, искать. Ломать голову. Рисковать и одновременно быть методичным. И нужно большое мужество, чтобы в случае неудачи признать, что был избран неверный путь, зачеркнуть бессонные ночи, труд товарищей, начать всю работу сначала. А если наконец замечено необычное событие,— начать проверки. Пройти еще десятки километров пленки, продираясь сквозь путаницу уже известных путей в поисках повторения того единственного, горячо желаемого, того, что еще никто не видел.

Три года назад в Лаборатории высоких энергий начались поиски новой частицы — резонанса с массой 1680 МЭВ, о которой сегодня говорят: «Это успех большого интернационального коллектива ученых Дубны». И кто вспоминает при этом о тысячах часов труда? Ежедневного. С перерывом на обед или без. С девяти утра до шести вечера. Или с девяти вечера до шести утра. Ускоритель ведь, как домна, работает и ночью.

Немного оглушенный, я спускаюсь по железной корабельной лестнице пропановой камеры. Внизу Соловьев посматривает на часы. Ага, давно обеденный перерыв. Ну что ж, пойдем пообедаем.

■

В науке есть праздники и будни. Иной раз праздники длятся целый долгий период. Так было с физикой, изучающей ядро атома. Сугубо абстрактная в момент своего возникновения, казалось бы, абсолютно далекая от конкретной пользы (или вреда), эта наука не просто дала «выход в практику», а стала силой, способной многое изменить в судьбах человечества. Ее именем названо наше время: атомный век. Физика стала модной среди самых широких слоев населения, а

П. Кончаловский. ЗЕЛЕНАЯ ЗАНАВЕСКА. КАТЕНЬКА У ОКНА. 1935.

Государственная Третьяковская галерея.

П. Кончаловский. ПОРТРЕТ В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДА. 1938.

физики популярны, как теноры. В эту щедро культивируемую область начался бурный приток талантливой молодежи.

Правительства великих держав не жалеют денег на все, что связано с атомной физикой и с физикой элементарных частиц. Сначала в Дубне был построен синхрофазотрон мощностью 17 ГЭВ (миллиардов электрон-вольт), затем в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН) и в Брукхейвене, в США, соответственно — 27 и 33 ГЭВ. Недалеко от Москвы, под Серпуховом, строится ускоритель на 70 ГЭВ. Лавиной хлынули вновь открытые элементарные частицы. В реакторах, а затем на ускорителях были синтезированы сверхтяжелые заурановые элементы вплоть до 104-го, полученного в Дубне под руководством члена-корреспондента АН СССР Г. Н. Флерова.

Внешне это напоминало спортивные соревнования. В них участвовали научные центры разных стран. Кто первый придет к финишу — обнаружит новую частицу, «сконструирует» новый элемент? По числу открытых частиц Дубна отставала от своих более мощных соперников, по трансурановым элементам она вырвалась вперед.

Но все труднее синтезировать новые элементы, все труднее объяснить, зачем нужно такое количество новых частиц. Да, это научный парадокс: люди научились применять атомную энергию раньше, чем поняли, что собой представляет само атомное ядро, какие законы правят в мире элементарных частиц.

По-видимому, праздничный, парадный период развития ядерной физики «вширь» закончился. Крупные самородки собраны. Наступило время «мелкого сита», кропотливых исследований тонких эффектов. Для этого требуется сложная, особочувствительная аппаратура, многочисленные группы физиков, участвующих в эксперименте. Гигантский статистический материал — и в результате никаких сенсаций. Проза, будни.

■

Александр Федорович Линев — главный инженер ЛЯР — Лаборатории ядерных реакций, один из 12 участников работы (создание крупнейшего в мире циклического ускорителя многозарядных ионов), выдвинутой на соискание Ленинской премии.

В Дубне мне рассказали, что Линев недавно купался в Волге. Нет, он не из моржей — обыкновенный смертный. Просто собрались, заспорили, и он полез. А за ним еще ребята, и в их числе теоретик из Москвы, доктор наук, приехавший в Дубну на два дня на защиту диссертации.

Что в этом случае подсказывает нам здравый смысл? Стоять на берегу. А то простудишься, и — чего доброго — воспаление легких, плеврит, больница и т. д. А они полезли. И мне это почему-то нравится.

Мне вспоминается Яремча, симпозиум по физике твердого тела. Там было два теоретика, два «штучных» физика. Они постоянно лезли в водопады, где легко могли свернуть себе шею. И таким образом, как говорится, пустить на ветер средства, которые государство затратило на их обучение.

Чего им не хватало? Романтики? Представляю, как бы они фыркнули, скажи им что-нибудь такое! Сильных ощущений? Думаю, их было достаточно и без водопадов. Нет, это уж в крови. Такой характер.

Думаю, что сильных ощущений у Линева тоже хватает. Как, впрочем, и у всех, кто причастен к циклотрону, начиная с Г. Н. Флерова, который первым выдвинул идею строительства именно циклических (в отличие от линейных у американцев) ускорителей для тяжелых ядер, кончая Василием Максимовичем Плотко, техником — золотые руки, «атомным Левшой», как зовет его меткий на слово Линев...

Даже в огромном, как цех, зале циклотрон не кажется маленьким,— сотни тонн «железа» и вместе с тем абсолютная точность наводки в мишень пучка ионов — ядер тяжелых элементов. Потому что, если частица отклонится хотя бы на малый угол, она не попадет в цель. Или, как опять же проницательно заметил Линев: «Если ион под градусом, он держится за стенку».

Можно себе представить, сколько неожиданных ситуаций, загадок, задач — теоретических, инженерных и сугубо практических— возникало перед создателями такой уникальной установки. Сколько дней, недель, месяцев длилась эта работа, сколько нервов, умственной энергии целого коллектива было потрачено! Что же касается «сильных ощущений», то, к сожалению, их вызывал не только дурной характер ускорителя, который поначалу, как и всякий ребенок, капризничал, изводил своих родителей. Их рождало плохое качество работы предприятий-поставщиков, бесконечные «доводки» и переделки, которым надо было подвергать многое из того, что получали «со стороны», и часто с запозданием. И золотые руки «атомного Левши», к сожалению, приходилось прикладывать там, где чьи-то ленивые руки не сделали элементарных вещей.

Когда работа закончена и достигнут успех, почему-то не принято говорить о такого рода вещах. А зря! По-моему, обязательно надо говорить, имея в виду будущее. Сейчас американцы объявили о своем намерении создать циклотрон. Видимо, пример Дубны убедил их в преимуществах циклических ускорителей. Установка проектируется на 1,2 метра больше дубнинской, при строительстве будет применяться сетевой график. Это значит, что года через два ситуация в этой области может измениться не в нашу пользу, если, конечно, не будут своевременно воплощены в жизнь планы, которые разрабатываются в Лаборатории ядерных реакций.

А планы эти по своим масштабам соответствуют величине задачи, встающей сегодня перед физикой.

Еще при получении 102-го элемента возникли большие трудности. Опыты по 104-му проводились буквально на грани возможного: в среднем за шесть часов облучения рождался всего один атом 104-го и тут же, через три десятых секунды, распадался, исчезал. По-видимому, жизнь последующих — 105, 106, 107-го и т. д.— еще короче. Они будут распадаться раньше, чем их смогут обнаружить. Значит, положение безнадежно, и мы должны на 104-м поставить точку?

А что, если линия жизни трансурановых не все время идет вниз, а где-то на уровне далеких элементов загибается вверх, начинает свое восхождение? Теоретики называют в качестве возможного долгожителя 126-й элемент. Это смелая мысль — оставив пустовать двадцать с лишним клеток Периодической таблицы Менделеева, совершить прыжок над пропастью мгновенно исчезающих элементов сразу к 126-му!

Для этого нужно создать ускоритель (или тандем — два ускорителя), способный разгонять атомы урана, сообщая им огромные кинетические энергии, чтобы ударить ураном по урану. В хаосе обломков, в изобилии короткоживущих ядер, может быть, сверкнет далекий 126-й...

Синтез новых элементов — яркая, праздничная работа. Это, так сказать, визитная карточка Лаборатории ядерных реакций. О 104-м элементе, полученном здесь, писали газеты всего мира. Но зададимся вопросом: а зачем он нужен, 104-й? Чтобы заполнить очередную клетку менделеевской таблицы? Чтобы обогнать американцев? Поставим на одну чашу весов считанные атомы, живущие эфемерно короткое время, а на другую — огромные дорогостоящие установки и труд целого коллектива ученых. Что же перевешивает?

И снова мы возвращаемся в будни. К ежедневному сидению на рабочем месте. К тонким исследованиям уже открытых, но так и не понятых до конца процессов.

Познать атомное ядро... Ради этого физики Лаборатории ядерных реакций строят ускорители и проектируют новые. Бомбардируют все более тяжелыми ядрами ядра атомов—мишеней. Наблюдают за теми явлениями, которые при этом происходят. Кропотливо, «до дна» изучают каждое из них, надеясь, что со временем из полученных результатов можно будет, как из кусочков смальты — мозаику, составить общее представление о свойствах атомного ядра.

Ради этого в лаборатории проводятся очень тонкие и остроумные эксперименты. Вот один из них.

Легко ли попасть маковой росинкой в горошину на расстоянии километра? И притом не просто попасть, а сделать так, чтобы крохотное зернышко пролетело, едва коснувшись горошины. Теперь вообразите, что вместо гороха и мака — ядра атомов, и вы получите некоторое представление об эксперименте, который поставила группа физиков, возглавляемая В. В. Волковым. При этом выяснились интересные закономерности.

Когда над ядром мишени, едва касаясь его, пролетает ядро-снаряд, навстречу ему как бы вырастает солнечный протуберанец, состоящий из протонов и нейтронов. При этом на поверхности ядра-мишени образуются своеобразные содружества, ассоциации частиц. Их-то и подхватывает пролетающее ядро — до двадцати частиц зараз.

Какое оно, ядро атома? Прошло двадцать лет после взрыва над Хиросимой, а ученые так и не могут ответить на этот вопрос. Созданы разные модели. С одной точки зрения можно применить одну модель, с другой точки зрения — другую. Но нет универсальной модели ядра, которая объясняла бы все, что мы знаем о его свойствах.

Как упакованы в ядре протоны и нейтроны? Почему одни ядра, такие, как свинец, очень устойчивы, другие нестабильны? Что такое изомерия — неожиданно быстрый распад изотопа америция и нескольких других элементов — совершенно новое явление, недавно обнаруженное в Дубне С. М. Поликановым? До каких пределов вообще могут существовать элементы, где та последняя клетка в таблице Менделеева, за которой, как за обрывом, ничего нет?

Вопросы, вопросы... На них пока нет ответа. Но он должен быть обязательно найден. Когда? Неизвестно. В каких опытах? Неизвестно. Этими ли именно учеными? Тоже неизвестно.

Двойная, тройная, ежедневная неизвестность. Так возникает сложный эмоциональный конфликт. Испытание, требующее у человека куда большей стойкости, чем, скажем, купание в зимней Волге.

■

Кажется, где еще так нужен здравый смысл, как не в науке? Правда, в свое время здравый смысл говорил, что Коперник наверняка не в своем уме, потому что всякому очевидно: Солнце вращается вокруг Земли! Он же впоследствии восстал против безумных идей скромного служащего патентного бюро Альберта Эйнштейна.

Если отвлечься от исторических параллелей и вернуться в наше время, так называемый здравый смысл требует, чтобы научные исследования приносили обязательно сегодня конкретную, зримую пользу, чтобы ее можно было пощупать своими руками.

А что, если целый город десять лет занимается абстрактной наукой? Что на это скажет «здравый смысл»? Не посоветует ли он сократить ассигнования? Сократить число ученых?

Прислушаться к такому здравому смыслу было бы ошибкой. Она бы дорого обошлась нашей науке: не раскрыв секрета элементарных частиц, не проникнув в тайну атомного ядра, мы не сможем понять структуру любого вида материи.

Уже сейчас нам известно: существуют ядерные силы — самые мощные из всех, которые мы знаем на Земле или в космосе. Можем ли мы отказаться от мысли овладеть ими? Ведь в перспективе речь идет о небывалой власти над природой, о такой промышленной революции, масштабы которой нам сейчас даже трудно себе представить. Можем ли мы закрыть двери, ведущие нас к овладению сверхмощными силами атомного ядра?

■

Будни всегда кончаются праздником. Это знают даже маленькие дети. После Нового года моя дочь говорит: «Скоро 8 Марта, а потом 1 Мая». Этой завидной определенности нет у физиков Дубны. Они не знают, когда придет к ним праздник. Поэтому хочется сказать: «Поздравляю вас с буднями». Если в них — до срока в тишине и неизвестности — зреют семена необычайных открытий.

Страницы альбома заполняет молодежь первой швейной фабрики.

МАРШРУТОМ КОМСОМОЛЬСКОГО АЛЬБОМА...

Альбом-эстафета. Он выпущен Кишиневским городским комитетом комсомола. Он будет путешествовать с завода на фабрику, из института в театр. И комсомольцы напишут на его страницах, что сделал их коллектив в эти предсъездовские дни.

Я следую по тому же маршруту, по какому пойдет альбом, и беседую с теми, кто внесет свои записи.

Итак, в путь-дорогу!

Первая швейная фабрика

...Над столом склонилось несколько человек. Заполняются страницы альбома-эстафеты.

— Сейчас самое главное для нас — это качество,— говорит бригадир цеха Мария Равло...— Ведь у нас теперь прямая связь с торгующими организациями. Плохо будем шить — никто наши костюмы покупать не станет. Стараемся повысить роль общественных контролеров, следим, чтобы все операции выполнялись хорошо. Лучшим работницам присваиваем звание «Мастер — золотые руки». Думаем, что к съезду партии еще двадцать девушек получат это почетное звание.

Завод холодильников

— Мы пока сидим на чемоданах,— сказали мне в комитете комсомола.— Почему? У нас еще нет «постоянного места жительства». А сам завод строится на окраине города. Это будет большое, современное предприятие. Первые два цеха скоро вступят в строй. Но мы уже сейчас даем стране холодильники новой марки «Ярна» — к съезду партии их будет выпущено 30 тысяч.

— Много ли получаете рекламаций?

— Мало. Но мы создали комсомольское Бюро добрых услуг. И если кто-то жалуется на плохую работу наших холодильников,— ребята бесплатно ремонтируют.

Завода еще нет, а холодильники уже делают.

В «Лучафэруле» идет репетиция.

«Лучафэрул»

Утреннюю звезду, «Лучафэрул»,— так здесь называют молодежный театр — мы увидели поздно вечером. Шла репетиция «Чертовой мельницы» Яна Дрды и И. Штока. Репетицию вел режиссер из Театра имени Вахтангова Леонид Владимирович Калиновский. В этом нет ничего удивительного. Весь коллектив — выпускники Московского театрального училища имени Щукина, и у «Лучафэрула» с вахтанговцами самые тесные связи. Роль Качи исполняет популярная в городе артистка Екатерина Малкоч.

О. КНОРРИНГ
Фото автора.

Эстафета столиц

НАЧАЛО СМ. НА СТР. 6.

Интервью «Огонька»

ЗАПАД? НЕТ, СЕВЕР!

Б. ГЕЛЬДЫЕВ,
заместитель председателя Совета министров республики

Не так давно в Ашхабад пришло радостное известие: буровики Приаральской экспедиции объединения «Туркменгазпром» получили нефть из первой скважины на Центрально-Сарыкамышской площадке, расположенной на севере республики. Значение этого события трудно переоценить, ибо север ранее считался неперспективной областью для добычи нефти, и главные надежды мы возлагали на западные районы.

Широкие поисковые работы на нефть и газ ведутся и в других районах. В Челекене создается так называемая база морского бурения. Она будет оснащена современным оборудованием, и через месяц-два станут известны результаты опробования первой морской скважины. Вышки уходят в море...

Нефть, газ — они в последние годы заняли ведущее место в народном хозяйстве республики. В 1966 году мы предполагаем получить 10,5 миллиона тонн нефти и миллиард с лишним кубометров газа. А наметки на 1970 год — 15 миллионов тонн нефти и более 15 миллиардов кубометров газа. Пользуясь привычным для нефтяников образом, можно сказать, что это весьма солидная вышка индустриальной Туркмении.

Большая часть получаемой нами нефти поступает сейчас в Красноводск на нефтеперерабатывающий завод и превращается здесь в дизельное топливо, бензин, керосин.

Разумеется, развитие добычи нефти и газа вызовет к жизни новые промышленные предприятия, в частности предполагается построить нефтеперерабатывающий завод пластических масс. Для обеспечения их сырьем намечается прокладка нефтепровода.

И еще одна новость, особенно приятная для жителей столицы республики: уже в этом году начнется прокладка газопровода к Ашхабаду. Года через два эта работа должна быть закончена.

На снимке: Полуостров Челекен. Морской нефтепромысел.
Фото Мих. Грачева.

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

Почти восемнадцать лет прошло после страшного землетрясения, полностью разрушившего столицу Туркмении. В этом году Ашхабад отмечает свое совершеннолетие. Город отстроен заново. Как и полагается совершеннолетнему городу, у него есть «паспорт» — генеральный план развития. Однако жизнь уже внесла поправки в этот план и поставила перед градостроителями ряд сложных проблем. Специальный корреспондент «Огонька» Юрий Рытов беседовал об этих проблемах с председателем исполкома Ашхабадского горсовета Халмурадом Караевичем Караевым и главным архитектором Абдулой Рамазановичем Ахмедовым.

— Ашхабад растет очень быстро,— говорит Х. К. Караев,— гораздо быстрее, чем предусматривалось генпланом. Сейчас в городе 230 тысяч жителей, а в 1948 году было всего лишь около 110 тысяч. Естественно, жилищное строительство все эти годы было самой главной нашей задачей. И все же квартир еще не хватает. Поэтому в будущем предполагаем строить больше.

— Видимо, возникают существенные трудности и в снабжении города водой?

— Да. Мы рассчитывали лишь после 1975 года начать водозабор с Каракумского канала. А до того времени снабжать ашхабадцев водой из подземных источников, а также использовать для этой цели часть воды, направляемой на поливы. Быстрый рост населения опрокинул эти расчеты. Не так давно принято решение: немедленно по одностадийному проекту сооружать водозабор из Каракумского канала. Одновременно начнем бурить несколько десятков скважин. Я полагаю, что к концу 1967

НА СТОЛЕ... ЛИЗИННИЦА

Из Белоруссии и Литвы, с Украины и с Кавказа, из Средней Азии и Сибири в Унгены, на завод ветзоопрепаратов, съехались животноводы и химики. Такой интерес к заводу понятен: здесь группа энтузиастов во главе с Борисом Левоновичем Демирчогляном впервые добилась получения кормового террамицина. Гости учились в Молдавии получать антибиотики и другие нужные сельскому хозяйству препараты.

Потом были поставлены первые в стране опыты по промышленному производству кормового лизина.

...Все ли, однако, знают, что такое лизин? Это одна из незаменимых аминокислот, непременная составная часть всех белковых веществ. В пище его очень мало. Но стоит добавить микроскопическую дозу лизина, и сразу же резко сокращаются затраты кормов.

— Представляете, что может дать лизин человеку? — говорит Демирчоглян.— Не понадобятся огромные тарелки борща, куски мяса и всего того, чем мы обычно перегружаем желудок. Вас вполне удовлетворит гораздо меньшее количество пищи, а лизин обеспечит полное ее усвоение. Так что скоро на наших столах вместе с солонками, перечницами, горчичницами появятся лизинницы. Кстати, лизин по вкусу напоминает обычную соль. Недавно группа ученых из Академии наук Молдавской ССР во главе с Вадимом Витальевичем Котелевым нашла способ промышленного изготовления пищевого лизина.

Сейчас в Унгенах один из корпусов строящегося завода будет специализирован для выпуска лизина.

П. БРОДИЦКИЙ,
редакция газеты «Советская Молдавия»

ЭЛЕКТРОННЫЙ МОЗГ ДЕЙСТВУЕТ

Для тираспольской швейной фабрики «40 лет ВЛКСМ» необходимо разработать план линейного раскроя тканей. От этого будет зависеть экономный расход материала. Если этот расчет производить по старинке, вручную,— потребуется бездна времени. А ответы на поставленные вопросы нужно иметь возможно скорее, жизнь не ждет.

На помощь пришла техника. Вычислительный центр Института математики Академии наук МССР создан всего полгода назад, но он уже успел завоевать популярность и признание.

В. СКЛЯРОВ

МАШИНА И ВИНОГРАД

Работа на виноградниках трудоемка и разнообразна. Для того, чтобы механизировать все процессы, потребовались бы десятки машин. Но машина, выполняющая только одну операцию, экономически невыгодна. Поэтому Бельцкий машиностроительный завод пошел по другому пути. В этом году здесь будет выпущен тракторный навесной агрегат с так называемыми сменными рабочими органами. Несколько минут — и ковш для вывозки виноградной лозы с плантации уже заменен вилами для навоза или стрелой-краном для подъема груза. Всего в комплекте шесть различных приспособлений. Благодаря этому производительность труда виноградарей повысится более чем в три раза.

И. ГРИГОРЬЕВ

ВВЕРХ!

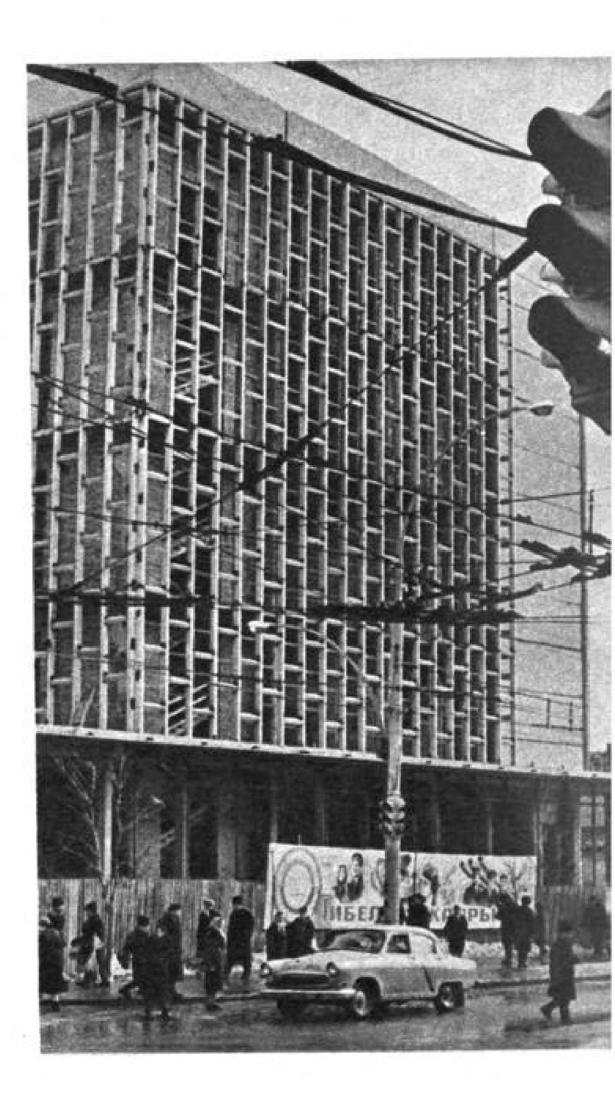
Отечественная война нанесла Кишиневу огромный ущерб. Две трети его были превращены в развалины. И хотя количество жителей в нем сократилось, к концу войны на одного человека приходилось всего полтора квадратных метра жилой площади.

После войны началось не восстановление, а, по существу, строительство заново столицы молодой республики. Причем за последние годы строительство приняло такие масштабы, что Кишинев по сравнению уже с 1955 годом вырос в два раза. На месте городских окраин выросли крупные жилые массивы, застроенные благоустроенными многоэтажными домами.

Сейчас в Кишиневе 300 тысяч жителей. Несмотря на неблагоприятные сейсмические условия, город растет вверх. В этом году будет начато строительство шестнадцатиэтажных зданий, а ведь перед войной здесь было всего несколько трехэтажных домов.

Бурное жилищное строительство ведется и в других городах. Ежегодно в Молдавии вводится в эксплуатацию 500—600 тысяч квадратных метров жилой площади. Это несколько больше, чем жилая площадь такого города, как Бендеры.

Л. И. ЛУКЬЯНЧЕНКО,
инженер-экономист Института экономики Академии наук МССР

Кишинев строится. Новое здание телефонной станции и телеграфа.

КИШИНЕВ • АШХАБАД • КИШИНЕВ • АШХАБАД

года город будет полностью обеспечен водой.

— Как будут застраиваться новые кварталы города?

На этот вопрос отвечает главный архитектор А. Р. Ахмедов:

— Видимо, наиболее перспективное направление развития города — юг — юго-восток. К сожалению, лет десять назад из-за недоработки генплана на наиболее выгодных для застройки площадках выросли индивидуальные домики. Это создает перед архитекторами дополнительные трудности.

— На какую этажность зданий вы рассчитываете?

— Я думаю, что здания должны быть двух типов. Во-первых, одно- и двухэтажные. В таких домах каждая квартира должна быть «привязана» к земле, а каждая семья — иметь выход на собственный участок. Во-вторых, восьми — двенадцатиэтажные дома. Конечно, об участках здесь не может быть и речи. Но зато в каждой квартире должен быть кондиционированный воздух, создающий желаемый микроклимат.

— В какой степени будущая архитектура столицы сможет выразить национальные традиции республики?

— Мы отошли как от ложной классики, так и от ложной традиционности. Однако подлинно национальный стиль, подлинно национальные традиции всегда будут учитываться архитекторами. Поэтажные крытые галереи, затененные и увлажненные внутренние дворики, своеобразные интерьеры создадут неповторимый облик столицы Туркмении.

На снимке: Ашхабад. Площадь имени Карла Маркса.

СОЛНЦЕ СВЕТИТ, НО НЕ ГРЕЕТ

Белый, сверкающий на солнце металл на первый взгляд напоминает гигантский водосточный желоб. Но собирает он не воду, а солнечные лучи. В гелеотехнической лаборатории Физико-технического института Академии наук Туркмении начала действовать первая опытная установка, использующая солнечную энергию. Эта энергия используется... для охлаждения. При температуре в 35 градусов тепла одно из помещений лаборатории с помощью установки охлаждается до 18 градусов.

А. ТУРБАБАЕВ

На снимке: Холодильная установка, работающая на солнечной энергии.

Фото Д. Ухтомского

«КРАСНЫЙ КВАДРАТ» И «ЗОЛОТОЙ КРУГ»

Ашхабадский горисполком и Союз архитекторов Туркмении объявили конкурс на лучший проект торгового центра в столице республики. Были представлены под девизами семь проектов. Чтобы определить победителя, жюри собиралось дважды: на первом заседании мнения резко разошлись. Специалистов, предсказавших победу «Золотому кругу», не поддержало несколько членов жюри. Наконец на втором заседании жюри решило: «Золотой круг» должен разделить первую и вторую премии с «Красным квадратом».

Р. ЮРОВ

На снимке: Фрагмент макета «Красный квадрат».

СУВЕНИРЫ СОЛНЕЧНОГО КРАЯ

Туркменские художники создали новые образцы сувениров, выставка которых состоялась недавно в Ашхабаде. Их особенность — национальные традиции и новые материалы, в частности декоративная пластмасса.

На снимке: Новые сувениры: Дутарист, «Голова туркменки».

В. А. Троицкая.

Фото Г. КОПОСОВА.

«САМАЯ ГЛУБИННАЯ ЖЕНЩИНА В МИРЕ»

Вечером 9 февраля из французского порта Тулон вышел корабль. Он буксировал необычное судно, напоминающее подводную лодку,— батискаф «Архимед». Остановились в открытом море утром. Погода не предвещала ничего приятного: пасмурно, ветрено, неспокойно.

Ровно в восемь часов утра командор группы батискафа Уо отдал распоряжение погружаться. С корабля спустили лодку, чтобы добраться до «Архимеда». Сели в нее трое: пилот батискафа де Фробервиль, профессор Сорбонны Эдуард Зельцер и советский физик Валерия Троицкая. Легкую резиновую шлюпку швыряло по волнам, как пустую яичную скорлупу. И Валерия Алексеевна волновалась: сумеет ли подняться с лодки на батискаф? Очень она боялась показаться неуклюжей и неловкой перед глазами моряков, выстроившихся на корабле.

Первым поднялся на «Архимед» де Фробервиль. Теперь ее, Троицкой, очередь. Щель между шлюпкой и бортом то сужалась, то расширялась, вода клокотала и пенилась. Надо было перешагнуть эту подвижную щель и ногой точно попасть в углубление борта, заменявшее ступеньки. Никакого трапа здесь не было.

Все прошло благополучно. Помогла, вероятно, спортивная натренированность пловчихи и теннисистки. Троицкая быстро пробежала по скользкой и мокрой, ходившей ходуном палубе к рубке.

Узкий люк с вертикальной лестницей вел вниз. Де Фробервиль открыл дверцу. Еще несколько ступенек, и они оказались в шаре. Внутренняя поверхность его была сплошь покрыта шкалами приборов. В этой тесной камере диаметром всего в два метра с тремя сиденьями предстояло провести несколько часов.

Пилот приступил к своим обязанностям, и батискаф пошел ко дну. Очень быстро стало темно, как ночью, но вспыхнули прожекторы и высветили обитателей моря. Это было, конечно, интересно. Однако не ради диковинных рыб предприняли ученые это нелегкое путешествие.

...Доктор физико-математических наук В. А. Троицкая — крупнейший специалист по исследованию магнитного поля Земли. Этим занимается возглавляемый ею отдел Института физики Земли Академии наук СССР. Малейшее колебание магнитного поля служит очень тонким индикатором в важных процессах, происходящих на расстоянии в многие десятки тысяч километров. «Просматривать» эти процессы можно и на Земле и с помощью искусственных спутников в космосе. Исследования велись в обсерватории института, в тихом Борке, на берегу Рыбинского водохранилища. Там два года назад вместе с советскими учеными работала группа геофизиков Франции. Потом наблюдения перенесли в так называемые магнитно сопряженные точки. Такими точками оказались Согра в Архангельской области и остров Кергелен в Индийском океане. В Согру приехали руководитель французской группы физик Роже Жендрен и инженер Бертран де ля Порт. На Кергелене были ученики В. Троицкой — Б. Н. Казак и О. М. Распопов. А Валерия Алексеевна... отправилась на дно морское.

О работе французских геофизиков под водой Троицкая узнала весной прошлого года на международном совещании в Мадриде. Она заинтересовалась этой работой и выразила желание ознакомиться с батискафом.

Летом коллеги из Франции прислали официальное приглашение. Валерия Алексеевна с радостью воспользовалась им в феврале — в период наиболее интенсивных наблюдений.

...Шел третий, пятый час пребывания под водой. Сверху без конца сигналили: поднимайтесь, поднимайтесь... Двое мужчин вопросительно смотрели на женщину. Она улыбалась, отвечала: «Нет-нет, подождите»,— и продолжала наблюдать за стрелками приборов. Когда через восемь часов батискаф всплыл, ярко светило солнце, был полный штиль и плюс восемнадцать.

«Самая глубинная женщина в мире»,— писали о Троицкой французские газеты. Но ученая не собиралась устанавливать какой-либо рекорд. Так уж сложились обстоятельства, что она оказалась первой женщиной, спустившейся в батискафе на такую большую глубину — 2 500 метров. Это нужно было для науки, и она, не задумываясь, отправилась в подводную экспедицию.

...В уютной комнате зазвонили часы. Время интервью истекло. На счету у Валерии Алексеевны каждая минута.

— Все полученные нами, геофизиками, данные,— говорит она на прощание,— по-новому освещают особенности разнообразных электромагнитных процессов, происходящих в околоземном пространстве.

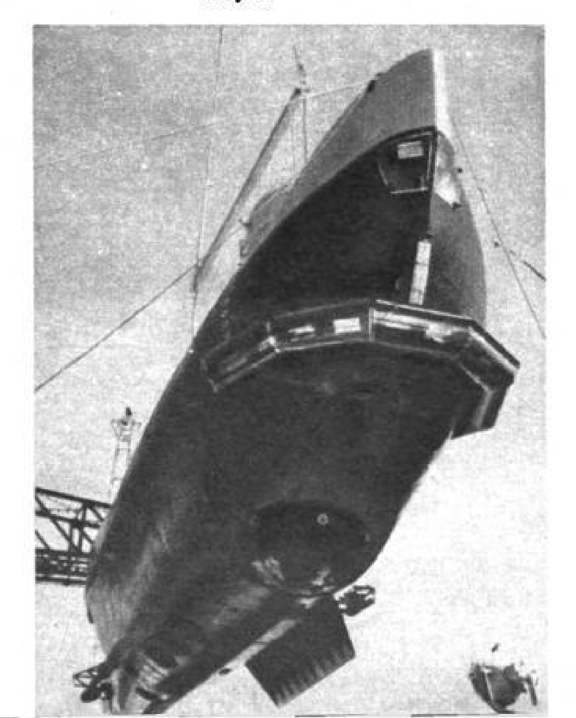
Г. КУЛИКОВСКАЯ

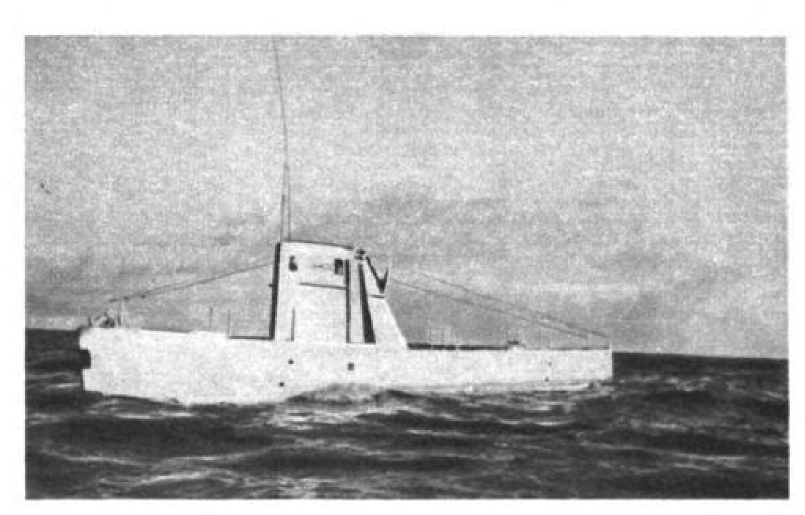

Этот снимок сделан в Согре, Архангельской области, где советские и французские ученые проводят совместный эксперимент по программе Международного года спокойного Солнца. На снимке: Советский геофизик Юрий Стожков (слева) и французский инженер Бертран де ля Порт. Им обоим по 27...

Фото М. МАЙСТЕРМАНА (ТАСС).

Батискаф перед спуском на воду. Внизу видна часть шарообразной камеры.

Батискаф на воде.

МНОГОГРАННОСТЬ

Виктор Полторацкий — поэт неотделим от Виктора Полторацкого — прозаика и очеркиста. Точнее, они дополняют и благотворно влияют друг на друга. Лирическая струя ощутима в рассказах и очерках, а наблюдательность прозаика и острая мысль очеркиста чувствуются даже в стихах о природе.

Есть у Полторацкого — поэта и прозаика своя любовь — Мещерская сторона, где народная сказка сплелась с жизнью, а от названия каждой речки и речушки веет родниковой поэзией:

Коли хочешь знать,
Есть ли чудо где,
Я скажу тебе:
Есть
На Судогде.

...Серебро ковшом
В нее звезды льют,
Соловьи
Ее перед песней пьют.

Каждая речка Мещеры имеет свой нрав, свой характер. В босое детство зовет поэта речка Гусь, с девчонкой-подростком схожа речушка-невеличка Поля, как в сказке, заплуталась в болоте речка Бужа...

Но романтика Виктора Полторацкого не заслоняет реальной жизни от читателя, а, наоборот, помогает преодолеть ее нелегкие подъемы. Правдиво и афористично звучат строки о том, что люди, преобразующие Мещеру, здесь столько пролили соленого пота, «что стала соленой в калужах вода».

Кроме раздела «Мещерская сторона», в новой поэтической книге В. Полторацкого есть еще два раздела — «От Селигера до Байкала» и «Разноцветье». Поэт много ездил по России, часто бывал за границей. Не в пример некоторым своим собратьям по перу он не только пишет о том, что видел, но и всерьез размышляет об увиденном. Любуясь детищем русских умельцев — старинной церковью на Нерли или знаменитым Успенским собором во Владимире, поэт любовно всматривается и в сегодняшний день наших помолодевших многовековых городов и сел, из которых «вся Россия видна».

В современном Париже В. Полторацкий зорко подмечает разницу между комфортабельным центром и рабочими окраинами:

В две строчки уложу я эту повесть:
Костюм дешевле,
но дороже совесть!

Закрывая интересную, звонкую книгу стихов «Разноцветье», я подумал: а почему наши издательства не выпускают с некоторых пор под одной обложкой стихи и прозу одного автора? Не надо забывать хорошие традиции русской литературы. Уверен: скоро мы прочтем в одной книге стихи, рассказы и очерки Виктора Полторацкого, литератора многогранного, острого, думающего.

Владимир ФЕДОРОВ

Виктор Полторацкий. Разноцветье. Стихи разных лет. «Московский рабочий». 1965.

МИР ЖИВОЙ, БЕСПОКОЙНЫЙ

Почти одновременно в Москве и Хабаровске вышли две книги Риммы Казаковой. Они вобрали все лучшее, написанное поэтессой за десять лет.

Поэзия Р. Казаковой — сочетание гражданского пафоса и интимной лирики.

В книге «В тайге не плачут» перед читателем открывается дальневосточный край. Римма Казакова рисует его в простых и строгих чертах — с дремучим лесом, «где вдруг сквозь марь блеснет алмаз и чуткий лось рога уставит», Амуром — «желтым, свирепым», Совгаванью — «стоящей на перекрестке ветров». В стихах много примет, которые говорят о том, что они создавались на основе живых впечатлений.

Римме Казаковой чужда поза стороннего наблюдателя — человека, ненадолго приехавшего полюбоваться экзотикой новых мест. В ее стихах — повседневные дела людей, которые «засыпают под пургу» и покоряют дикую и недружелюбную природу. Здесь каждый человек просматривается насквозь, он «весь как есть»: «Пусть груб, но прям, суров, но нежен». Ясны его побуждения и поступки, ибо он «на совесть чист, до дела лют». Здесь живут плечом к плечу, доверяя друг другу, «делясь последнею махоркой».

Казакова пишет не только о Дальнем Востоке. В ее второй книге — «Пятницы» — современный мир предстает широким и объемным. Здесь большая панорама народного труда и человеческих страстей, согретая лирическим теплом и светом.

В стихах этой книги поэтесса гневно клеймит обывательщину, сутяжничество, мещанство. Именно этим пафосом и проникнуто стихотворение «Живут на свете дураки». В нем дается бой «умничанию», изворотливости, приспособленчеству.

Поэтессе роднее морально чистые люди, которые добровольно шли на войну, защищали страну от врага, ехали на целину, на необжитые места, растили хлеб, строили города. Обращаясь к «умникам», поэтесса иронически говорит:

А жизнь у каждого в руках.
Давайте честно к старту выйдем,
и кто там будет в дураках —
увидим, умники! Увидим.

В двух новых книгах Римма Казакова предстает перед нами как человек беспокойный, мужественный, человек с сердцем, открытым радостям жизни.

М. ЛАПШИН,
кандидат филологических наук

Римма Казакова. Пятницы. «Советский писатель», Москва. 1965. В тайге не плачут. Хабаровское книжное издательство. 1965.

РОЖДАТЬСЯ ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ДОБРА

В большой книге Сергея Острового «Сегодня я думал о вас», выпущенной издательством «Художественная литература», собраны стихи разных лет. В большинстве из них, рельефных, выразительных, нас привлекает задушевность поэтической интонации, любовь к людям и жгучий пафос обличения всего враждебного светлому миру советского человека.

Мужественны и впечатляющи стихи военных лет и стихи о военных годах, написанные после войны. Они объединены в разделе, озаглавленном «Терял ли ты любимых на войне?». Одно из этих стихотворений, «Письмо Человеку», Сергей Островой заканчивает следующими словами:

Не для войны рождаются мужчины,
А для того, чтоб не было войны!

Есть в книге раздел «Публицистическая лирика», но можно сказать, что вся книга пронизана дыханием страстной публицистичности, и в этом ее достоинство.

Над всем, что напечатано в этом сборнике, возвышается написанная в 1961 году небольшая, но сильная и волнующая поэма «Мать»:

Первое слово ребенок сказал:
— Мама!
Вырос. Солдатом пришел на вокзал:
— Мама!
Вот он в атаке на дымную землю упал:
— Мама!
Встал. И пошел. И губами горячими
к жизни припал:
— Мама!

Поэт рисует обобщенный образ матери, ее величие, ее высокое значение в жизни человека, и нельзя без волнения читать строки, написанные рукой искреннего и чуткого художника:

Люди! Братья мои! Берегите своих
матерей!
Настоящая Мать человеку дается
однажды.

Книга Сергея Острового хороша своей светлой тональностью, оптимизмом, жизнеутверждающим началом.

Бор. БОБОВИЧ

ДРУГ ХОРОШЕГО

Поэту Рюрику Ивневу исполнилось 75 лет. Эта почтенная дата совпала с появлением его сборника «Избранные стихи».

«Я опьянел от черного вина географических воспоминаний»,— говорится на одной из двухсот страничек. И то на одной, то на другой из них мелькают: Камчатка, Япония, Новгород, Баку, Владивосток, Москва, Петербург.

Да, еще не Ленинград, а Петербург. Там 54 года назад вышел первый сборник Ивнева «Самосожжение», а большевистская «Звезда» поместила стихотворение юного поэта. Было бы натяжкой назвать творчество Ивнева революционным — гуманизм его музы малоактивен, созерцателен. Однако, по свидетельству А. В. Луначарского, Ивнев в первые же дни после победы Октябрьской революции «выступал с горячей защитой новой власти».

Старший соратник Есенина по имажинизму, Рюрик Александрович смолоду приближался к самым рискованным группам и группочкам, но всегда какое-то здоровое, доброе начало его выпрямляло. Он «много пережил, много путешествовал, много думал. Герой этих стихов встречался с молодежью и со стариками, с золотоискателями и поэтами, слушал соловьев и зов поездов»,— пишет Корнелий Зелинский в предисловии к новому сборнику.

Сборник посвящен оригинальному творчеству, поэтому в него не вошли художественные переводы Ивнева, результат его долгой и большой работы: сын Кавказа, он познакомил русского читателя с поэзией многих давних и молодых грузинских, дагестанских, осетинских авторов.

Владимир ПОКРОВСКИЙ

Рюрик Ивнев. Избранные стихи. «Художественная литература». Москва. 1965.

ДОМ-ЦИЛИНДР

Этот дом построен во Франции. На первый взгляд такой дом может показаться неудобным. Однако жильцы дают о нем положительные отзывы.

ВОЗМУЩЕНИЕ МУЖА

Турецкий гражданин Бурханетон Турхан был очень удивлен, увидев недавно на выпущенных деньгах изображение своей жены. Он потребовал от министерства финансов пять миллионов лир за то, что никто не спрашивал у него на это разрешения.

ИЗВОЗЧИКИ ИЛИ АВТОМОБИЛИ?

Французские статистики установили, что в конце прошлого века обычный извозчик передвигался по улицам Парижа со скоростью девять километров в час. Средняя скорость автомобилей на тех же улицах в 1965 году составляла всего лишь семь километров в час. Многие задают вопрос: не пора ли снова вернуться к экипажам?

ДЛЯ ДВУХ ТЫСЯЧ РОБИНЗОНОВ

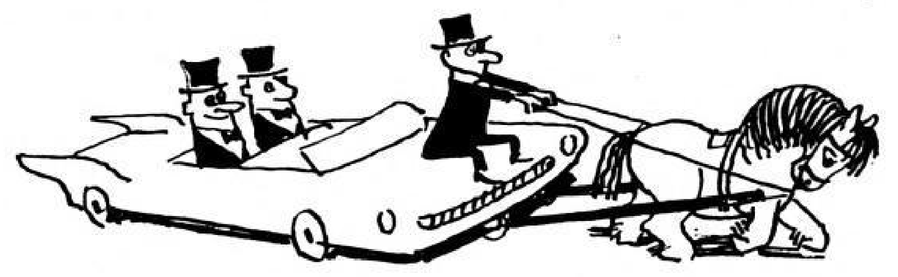
Ввиду того, что многие туристы выражают желание жить в одиночестве, подобно Робинзону, греческое министерство финансов опубликовало список двух тысяч небольших островов, которые сдаются внаем на 99 лет.

ГОЛОД И РОЛЬ

Шведский артист кино Пер Оскарсон начал голодать. Утром он выпивает стакан чая с сухарем, на обед съедает яблоко и постный суп, а ужинает ломтем хлеба с маслиной. Такая голодная диета объясняется тем, что Оскарсону вскоре предстоит играть главную роль в пьесе «Голод». «А как же я могу с полным желудком изображать того, кто голоден?» — говорит артист.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ШЕЛКОВАЯ ОБЕЗЬЯНКА

Торговец орхидеями из Сан-Франциско Герман Джессон во время путешествия в джунглях Амазонки нашел шелковую обезьянку. Она на редкость забавное и непоседливое существо. Острыми зубами обезьянка пробует все, что только ей попадется. Поэтому, если к Джессону приходят гости, ее запирают в птичью клетку. Это приводит обезьянку в ярость. Ей очень не нравится, когда с нею поступают, как с каким-нибудь воробьем.

Шелковая обезьянка настолько мала, что живет в домике, устроенном в небольшой стеклянной банке.

ПЕШКОМ ЧЕРЕЗ ПРОЛИВ

Ларс Брейк из Стокгольма — большой любитель лыжного спорта на воде. Недавно он пришел к выводу, что гораздо интереснее передвигаться по воде без помощи моторной лодки. Ларс выписал из Японии специальную обувь — надувные подушки с отверстиями для ног — и стал готовиться на них пешком пересечь пролив Эресунн, разделяющий шведский город Мальме и столицу Дании Копенгаген.

Е. Райков и М. Решетин в редакции журнала «Огонек».
Фото Г. САНЬКО.

НАШИ ГОСТИ

Недавно гостями редакции журнала «Огонек» были солисты Государственного Академического Большого театра Евгений Райков и Марк Решетин.

Конечно, мы уже привыкли к тому, что наши лучшие певцы выходят из художественной самодеятельности, и все же трудно представить себе тенора, который работает электросварщиком и увлеченно, к тому же и успешно, занимается спортивной борьбой! Но именно так начинался путь молодого певца Евгения Райкова, исполнителя ролей Ленского, Индийского гостя, Владимира Игоревича, Сабинина и многих других ведущих партий в спектаклях Большого театра. Особенно интересна последняя работа — княжич Всеволод в опере Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже». Эта партия очень трудна для молодого певца, но, мне кажется, образ княжича в исполнении Райкова один из лучших в спектакле. Артист хорошо играет и очень хорошо поет, заботясь не только о звучании голоса, но и о том, чтобы каждое слово, каждая фраза были донесены до зрителя. Все это требует большого опыта, большого мастерства, а ведь Райков не только не окончил, но даже не учился в консерватории. Студент Музыкального училища имени Гнесиных, он был принят в стажерскую группу ГАБТа и через год стал уже солистом театра.

В 1961 году одновременно с Райковым в стажерскую группу Большого театра был принят и Марк Решетин. Его биография характерна для советского певца. В 1951 году Московская государственная консерватория предприняла очередную экспедицию за голосами. В маленьких городках, районах, селах педагоги-вокалисты прослушивали певцов. Так был открыт Марк Решетин. Занимался он в консерватории у известного певца В. М. Политковского. В Большом театре Решетин исполнил более 30 ролей, среди них ведущие басовые партии мировой классики: Пимен, Иван Сусанин, Дон Базилио...

В последней премьере ГАБТа, «Сказание о граде Китеже», Решетин хорошо спел старого князя Юрия. Премьера «Китежа» была для Райкова и Решетина как бы прощальным спектаклем перед московским зрителем. Оба певца поехали в Италию для совершенствования своего мастерства.

И. СЕМЕНОВА

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ПОВЕСТИ

С чтением повести Анатолия Калинина «Эхо войны» выступила в редакции «Огонька» артистка Московской эстрады Бронислава Нечаева. Свою работу она готовила вместе с известным режиссером Александром Леонтьевичем Шапсом, незадолго до его смерти. Герои сложного, острого произведения Калинина как будто обрели вторую жизнь.

Огоньковцы принимали Брониславу Нечаеву как своего товарища по работе. Ведь чтение повести, впервые напечатанной в «Огоньке», — это помощь журналу в его пропаганде лучших произведений советских писателей.

Шестое чувство

Фельетон

Иванов был скромным и работящим человеком. Позументов, наоборот, скромностью не отличался и работать не любил, но на производстве был на ступеньку выше Иванова. Судьба-злодейка часто такие шутки шутит. Но не в этом дело.

Однажды Позументов обругал Иванова. За дело или нет — неизвестно, просто взял вот и обругал, использовал свое служебное положение. Причем использовал на все сто процентов. Добросовестный милиционер, услышав его брань, тут же составил бы акт, в котором зафиксировал бы, что Позументов «выражался нецензурно в общественном месте». Но при описываемом нами случае милиционера вблизи не было, были одни только подчиненные Позументова, а они сами, без милиционера, как известно, актов не составляют.

На удивление Позументову, Иванов возмутился тем, что его публично оскорбили. Мало этого, он потребовал, чтобы Позументов перед ним извинился. Факт, достойный того, чтобы его проанализировать.

Итак, что же произошло? Какова подоплека случившегося? Выражаясь научно, нижестоящий по производственной лестнице Иванов оказался более высокоразвитым существом, чем вышестоящий Позументов. У Иванова, помимо пяти известных чувств (слуха, зрения, осязания, обоняния и вкуса), обнаружилось еще и более редкое, шестое, которое с давних времен именовалось чувством собственного достоинства. У Позументова, как и у некоторых других индивидуумов, шестое чувство развито не было. В силу этого своего физического и психического дефекта он не только оскорбил Иванова, но и отказался перед ним извиниться. Свой категорический отказ Позументов облек все в ту же изящную нецензурную форму.

Иванов пожал плечами и пожаловался на Позументова в вышестоящую инстанцию. Кляузно? А что делать?! На дуэль теперь не вызовешь...

Через несколько дней жалоба Иванова вернулась с одной начальственной резолюцией. Вернулась на рассмотрение... Позументову. Тогда Иванов снова написал, на этот раз в вышевышестоящую инстанцию. Прошло дней побольше, чем с первым заявлением, но зато на этот раз оно вернулось уже с двумя резолюциями. Вернулось на рассмотрение... Позументову.

Здоровые люди говорят, что они не знают, где у них сердце. Так же вот и Иванов никогда раньше не задумывался ни о своем сердце, ни о чувстве собственного достоинства. Но теперь возмутился, когда ему в душу наплевали. И тут же впервые почувствовал, где у него сердце. Покалывать и пошаливать начало. Впервые всерьез задумался он и о чувстве собственного достоинства. Чувстве, столь же естественном, как дыхание, но, как теперь убеждался Иванов, не столь же полезном.

А с Позументова как с гуся вода. Подшивает заявления с резолюциями инстанций и обдумывает, как бы ему половчее с Ивановым расправиться. Так вот и получилось, что жалоба на Позументова обернулась бумерангом, метко разящим Иванова. И самое страшное в бумеранге этом не гнев и месть Позументова. И даже не боли в сердце Иванова. Нет! Самое страшное совсем в другом.

У хамства более толстая кожа, чем у благородства. При столкновении ивановых с позументовыми последние иногда понижаются в должности, но здоровья, как правило, при этом не теряют. А чувство собственного достоинства за неимением такового у них вообще не страдает. Ивановы же порой одерживают победу слишком дорогой ценой. В ходе борьбы за чувство собственного достоинства наш Иванов стал вдруг ощущать, что чувство это как бы подтаивает и уменьшается с каждым новым обращением в очередную инстанцию. А однажды через плохо прикрытую дверь он услышал возмущенную тираду:

— Подумаешь, матом обложили! Цаца какая! Так его через так!..

Голос принадлежал одному начальнику, который за минуту до этого выслушал Иванова и обещал «разобраться».

Говорят, что если человек дышит, значит, он живет. И другая аксиома: если у человека есть чувство собственного достоинства, значит, он еще не умер. А вот Позументов и без этого шестого чувства прекрасно обходится. Парадокс: живой покойник! Ему-то и невдомек, что он уже мертвый. Но еще живому Иванову от этого не легче...

В. НИКОЛАЕВ

Хорошо порою снежной

Музыка Семена ЗАСЛАВСКОГО. Слова Я. ХАЛЕЦКОГО.

Хорошо порою снежной
От друзей невдалеке
С нашей юностью, как прежде,
Повстречаться на катке.

Припев:

И на свете нет красивее
Этих белых дней зимой,
В хрусталях и дымчатом инее,
Словно в сказке живой!

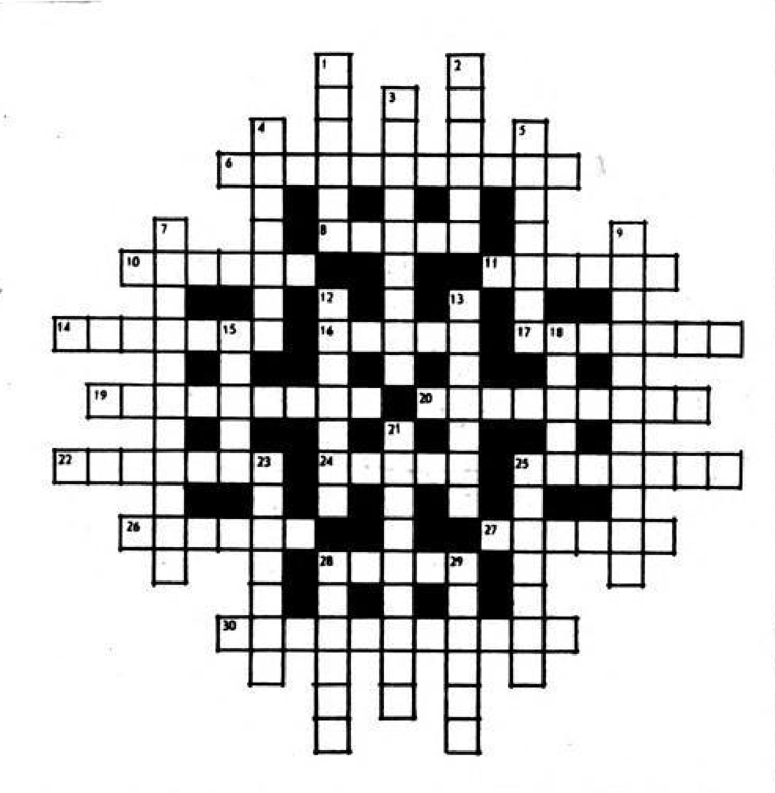
Свежий ветер с дальней кручи
Мчится, весело кружась.
И бодрит морозец жгучий
На любой дороге нас.

Припев.

Снова хрупкою порошей
Все просторы замело.
Но среди друзей хороших
На душе у нас тепло.

Припев:
И на свете нет красивее
Этих белых дней зимой,
В хрусталях и дымчатом инее,
Словно в сказке живой!

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Наука о связи, управлении и контроле в машинах и живых организмах. 8. Актриса МХАТа. 10. Английский поэт. 11. Образцовая мера. 14. Венецианская лодка. 16. Приток Ориноко. 17. Советская летчица. 19. Порт в Турции. 20. Прибор для измерения углов между гранями кристаллов. 22. Веслоногая птица. 24. Водоем. 25. Молочный продукт. 26. Казахский музыкальный инструмент. 27. Раздел финансового документа, бюджета. 28. Пожарный рукав. 30. Система подготовки научных работников.

По вертикали:

1. Курорт в Крыму. 2. Верхняя одежда. 3. Город в Азербайджане. 4. Сырье для изготовления искусственного волокна. 5. Условная линия, делящая Землю на два полушария. 7. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 9. День недели. 12. Украинский танец. 13. Судно специального назначения. 15. Действующее лицо пьесы А. С. Пушкина «Каменный гость». 18. Штат в США. 21. Туркменский писатель. 23. Цветок. 25. Река, часть Волго-Балтийского водного пути. 28. Овощ. 29. Архитектурный стиль средневековья.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

9. Кемерово. 10. Еланская. 11. Огайо. 12. Скопа. 13. Греция. 14. Фасад. 16. Нарзан. 19. Салака. 20. Алазея. 21. Собакин. 22. Брынза. 25. Токарь. 28. Индекс. 29. Струг. 32. Трепан. 35. Аллюр. 36. Арика. 37. «Бородино». 38. Анатомия.

По вертикали:

1. Яровая. 2. Статор. 3. Перемена. 4. Вероника. 5. Погода. 6. Секста. 7. Эстакада. 8. Лавуазье. 15. Секатор. 17. Хасан. 18. Манто. 23. Редуктор. 24. Некрасов. 26. Курчатов. 27. Рапсодия. 30. Термос. 31. Ураган. 33. Эллинг. 34. Цитата.

На первой странице обложки: Делегат XXIII съезда КПСС Борис Дмитриевич Афонин, токарь-расточник Ковровского экскаваторного завода.

Фото А. Узляна.

На последней странице обложки: Московские силуэты.

Фото В. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

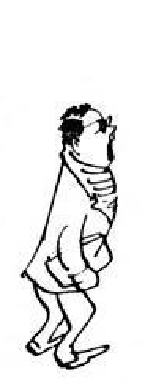
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10536. Подписано к печати 23/II 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 412. Тираж 2 000 000. Изд. № 243.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Улыбки художника

Виктора Воеводина

— Кто тут просил жалобную книгу!

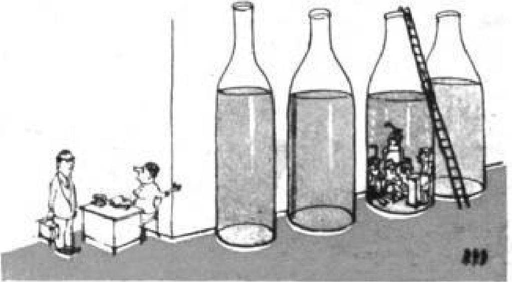
Без слов.

— Что с тобой!
— Да опять схватил синтетическую кость.

— Вы наконец выберете сыну имя, или я ухожу!..

— Где занимается секция аквалангистов!
— Налево по коридору, третья бутыль.

— Прошу поднять руки всех, кто снаряжался на пункте проката.
— Я не могу!..

Карлов створ на Енисее. Здесь будет плотина Саяно-Шушенской ГЭС.

Фото В. Климова.

9-18
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663